

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
И МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

Основные проблемы современного языкознания

**Сборник статей V Международной очной
научно-практической конференции**

11 — 13 сентября 2009 г.

УДК 80
ББК 81.03
О754

Редакционная коллегия:

Г.В. Рябичкина (гл. редактор), Н.И. Кривых (зам. гл. редактора),
Л.И. Балашова, Л.Д. Кривых, О.Б. Смирнова

О754 Основные проблемы современного языкознания [Текст]:
сборник статей международной научно-практической конференции. 11 –
13 сентября 2009 г., г. Астрахань / сост. Е.Ю. Бубнова – Астрахань:
Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – 170 с.

ISSN 2075-535X

В сборник включены материалы V Международной очной научно-практической конференции «Основные проблемы современного языкознания», посвященной изучению наиболее актуальных и значимых проблем лингвистической науки: лингвистики текста и речевого дискурса, лингвистически в начале XXI века, как одного из перспективных направлений, обучения иностранным языкам и др.

Может быть полезен лингвистам, педагогам, студентам и аспирантам.

© Бубнова Е.Ю., составление, 2009
© Издательский дом «Астраханский университет», 2009

2

СЕКЦИЯ I. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ И ПОСЛАНИЯ-ИНВЕКТИВЫ В ЛИРИКЕ В. МАЯКОВСКОГО

А.А. Боровская
Астраханский государственный университет

В русской лирике конца XIX – начала XX века возрастает число посланий с групповым адресатом, это продиктовано, прежде всего, по мнению Л. Кихней, «процессами творческого самоопределения» новых литературных течений (отсюда большое количество посланий-манифестов обобщенным с адресатом-художником). Другая группа посланий с абстрактно-обобщенным адресатом представлена дидактическими, сатирическими посланиями и посланиями-инвективами. Их функционирование определяется тенденциями к политизации и риторизации жанра, архаичным образцом которого является эпистола XVIII века.

В политическом послании диалог адресанта и адресата приобретает явно риторический характер, особую роль в них играют элементы ораторского стиля. Существенным образом меняется статус адресата: из потенциального субъекта, участника диалога он превращается в объект, а у самой коммуникации появляется притавка «квази». Яркий пример «овеществления» сознания адресата – послания поэтов-авангаристов, где он выступает в качестве объекта искусства, которым «любуется художник-создатель». Так, в посланиях-инвективах и посланиях-проповедах В. Маяковского авторская установка заключается не в понимании и признании адресата как полноправного «я», а в прагматическом воздействии на него. Наиболее известные послания-инвективы – «Вам» и «Нате».

Жанровое своеобразие стихотворения «Нате» определяется двумя функционально-интерпретационными сигнализаторами: авангардистский перформанс – репрезентация конкретной ситуации чтения поэтом послания перед аудиторией и имитация диалога между лирическим субъектом и его корреспондентом инспирируют феномен «двойной адресации» – адресат может быть прочитан одновременно и в семиотическом, и в прагматическом ключе. В то же время обобщенность и размытость инвектируемого объекта («стола», «стоглавая вошь»), мотивированная жанровой разнородностью, является средством его дискредитации.

Заглавие стихотворения содержит апеллятивную конструкцию, ориентированную на разговорный речевой регистр, который определяет

3

стилистическую окрашенность всего текста. Инвектива как жанровая форма имеет свой языковой аналог – оборот, воспринимающийся в той или иной культурной среде в качестве оскорбительного для своего адресата. Инвектива как художественный прием обуславливает широкий спектр семантического варьирования различных табуированных моделей. Так, сниженная лексика («мот», «транжир», «плону», «захочу»), тропический синкретизм – сращение метафоры, метонимии и антитезы («Через час отсюда в чистый переулочек // Вытчет по человеку ваш обрзгний жир...»), гипербала-гротеск («пошетнит ножки *стоглавая вошь*»), стилистический плеоназм («Где-то *недокушепных, недодепных шей*») стилистически выстраиваются средствами инвективного сатирического высмеивания.

Поляризация образного строя стихотворения («Я» - «Вы») восходит к романтической оппозиции «поэт – толпа» и выражается в антиномическом, контрастном строении строф и полустроф:

Через час отсюда в чистый переулочек
вытчет по человеку ваш обрзгний жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулоч,
я – бесценных слов мот и транжир.

Между тем адресат представлен в традиционном литературном дискурсе (безликая толпа, противостоящая, не понимающая гения), в то время как образ поэта проецируется на историко-софийский миф русских символистов (у В. Маяковского «грубому гуину» сравните со стихотворением В. Брюсова «Грядущие гуинь»). Заключительная строфа имитирует «непреднамеренность» и «импровизированность» внеэкстемного, прагматического диалога, для этого автор использует многочисленные инверсии, эпаналепсис («я захочу и радостно *плону*, // *плону* в лицо вам...»), перенос и синтаксический повтор, разрушающий строфическое и ритмическое единство (вводится дополнительный нерифмованный стих):

А если сегодня мне, грубому гуину,
кривляться перед вами не захочется – и вот
я захочу и радостно плону,
плону в лицо вам
я – бесценных слов транжир и мот (С. 46).

В. Маяковский создает иллюзию первичной дискурсивной ситуации, отсюда употребление сочинительного союза *а* в начале предложения, который придает высказыванию характер фрагмента, вырванного из контекста.

Гиперболизировано обобщенный адресат, что инспирирует само название, представлен в послании «Ко всему» (1916). Главная особенность адресата в этом стихотворении ее «глобальность», при этом характерно, что образ адресата составлен из многочисленных фрагментов. Такой калейдоскопический принцип отражает театральное «масочное»

пространство произнесения, в котором конкретный («любимая»), обобщенный («Грядущие люди») и абстрактный («Любовь») адресаты определяют образ лирического героя, соотносимый с Иисусом Христом и с Дон Кихотом:

Глухой комедии остановите ход!
Смотрите –
срываю игрушки-латы
я,
величайший Дон Кихот!
Помните:
под ношей креста
Христос
Секунду
усталый стал.
Толпа орала
«Марала!
Мааррвала!» (С. 87).

Прим игры реализуется и на фонетическом уровне: В. Маяковский создает звукосемантические пары («орала / Марала», «креста / Христос», «усталый стал»), тем самым актуализируя ассоциативные связи на синтагматической и парадигматической осях и иллюстрируя превалирование.

Автор трансформирует евангельский сюжет о распятии Христа, переворачивает саму ситуацию воскресения, проецируя ее на ветхозаветный контекст:

Око за око!
Убейте,
похороните –
выроюсь! (С. 88).

Лирический сюжет послания разыгрывает библейскую ситуацию грядущего апокалипсиса, результатом которого становится обретение В. Маяковским «идеального адресата»:

Грядущие люди!
Кто вы?
Вот – я,
весь
боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души (С. 89).

В послереволюционной поэзии В. Маяковского появляется другой тип послания с обобщенным адресатом, который типологически родственен оде или маршу («Товарищу Нетте, пароходу и человеку»). В одических посланиях изменился образ аудитории и, прежде всего, его

аксиологическое восприятие лирическим субъектом: из враждебной аморфно-бездной толпы он превращается в соборно-политическую целостность единомышленников («Послание пролетарским писателям»), отсюда доминирование местоименной формы «мы», маршевые ритмы («Левый марш», «Наш марш») и утвердительно-императивные интонации. Можно говорить о трансформации послания этого типа в послание-призыв.

Стихотворение «Левый марш» (1918) имеет подзаголовок, указывающий на фактор адресации («Матросам»). Ритм марша задан трехкратным лексическим повтором в конце каждой строфы, который приобретает статус припева:

Там
за горами горя,
солнечный край непечальный
За голод,
за мора море
шаг миллионы печальный!
Пусть бандой окружат нанятый,
стальной изливается леевой, -
России не быть под Антантой.

Левой!

Левой!

Левой! (С. 148).

Острая публицистическая направленность и политический пафос послания («России не быть под Антантой») сочетаются с утопическими мотивами и образом социалистического рая. Перифрастические риторические обращения (в частности, основанное на метонимии – «Эй, синембузы!») сочетаются с многочисленными императивными конструкциями («Разворачивайтесь в марше!»). Вынесение в подзаголовок адресата (опосредованная апелляция к нему), ритмическая организация текста, его графическое оформление и строфика, приемы паронимической аттракции («горами горя», «мора море») и окказиональной тавтологической метафоры («изливается леевой»: «леевая» – неологизм, образованный от слова «лить», в данном случае автор имел в виду поток пуль, которые обрушились на молодую Советскую республику), которые актуализируют звуковую семантику стиха, – все это позволяет рассматривать произведение В. Маяковского в двух жанровых «кодах» – «музыкального» (марша) и адресованного (послания). Таким образом, происходит своеобразная «транс-контекстуализация» жанра (термин Л. Хатчин) – жанр марша, попадая в новый контекст (диалогический), начинает выполнять иные функции, которые коррелируют с эстетическими установками адресованной лирики.

За intersубъектным диалогом в посланиях В. Маяковского скрывается попытка утвердить моновогическую речь лирического субъекта, продуцируя тем самым «единый язык автора», в то время как адресат становится зеркальным отражением лирического «я». Стремление к коммуникации с «идеальным собеседником», который находится в равнозначной с автором ценностной парадигме, приводит к появлению посланий, обращенных к единомышленникам. Стихотворение В. Маяковского «Послание пролетарским поэтам» (1926) содержит авторскую жанровую номинацию, указывающую на соответствующую жанровую идентификацию, а откровенно «учительская» позиция адресанта определяет жанровую разновидность послания – дидактическое:

Товарищи,
позвольте
без позы
без маски –
как старший товарищ,
неглухой и чуткий,
поразговариваю с вами... (С. 86).

«Дружеский» тон «разговора» обуславливает активное использование автором разговорных оборотов («Я какуюсь вам // академиком // с большим задом...»), фразеологических сочетаний («Давайте работать // до седьмого пота...») и их обыгрывание («если зуб у кого – // отпилим зуб...»), а также создание ситуации «живого» диалога посредством эллиптических и неполных предложений. В то же время лирический сюжет послания складывается из элизодов-фрагментов, отсылающих к литературной обстановке 1920-х годов: «рожденные // Луначарским // венки лавровые...», «бросим, товарищи, // наклеивать ярлык», «Многие // пользуются // напостовской трясюкой...» (имеется в виду группа «Октябрь» и журнал «На посту», занимавший резко нигилистическую позицию как по отношению к классическому наследию, так и к современным непролетарским писателям – «попутчикам» – по отношению к которым «напостовцы» нагнетали атмосферу межгрупповой борьбы, а также сменивший это издание журнал «На литературном посту», выступавшем с резкой критикой В. Маяковского).

Основной принцип, лежащий в основе построения «Послания пролетарским писателям» – последовательная реализация сюжетно-композиционной схемы: *идея-инвариант* («Решим, // что все // по-своему правы. // Каждый поет // по своему // голоску!») – *идея-вариант* («Давайте работать // до седьмого пота // над поднятием количества // над улучшением качества») – *варианты-примеры*, восходящая к парадигматике ораторского жанра. Следуя этой диалектической логике – *тезис* (призыв к прекращению вражды между братьями по перу, окопозитурных распрей) – *антитезис* (мысль о подмене подлинно

пролетарской поэзии квазиискусством) — *стихотворение* (утверждение идеологической функции литературы). В Маяковский называет ряд однородных конструкций, таким образом иллюстрируя общую идею, вынесенную в сильную позицию текста — в его начало, в начало каждой части, в начало сегмента высказывания. В качестве идей-вариантов выступают ряд тезисов, изложенных в виде поэтических формул: «Одного боюсь — // за вас и сам, — // чтоб не обмелели // наши души...», «Чем нам // делить // поэтическую власть, // струдим // нежность слов // и слова-бичи, // и давайте // без завистей // и без фамилий // класть // в коммунистическую стройку слова-киричи». В «Послании пролетарским поэтам» особую роль играет своеобразный зачин, стихотворение начинается обращением-лозунгом, призывом к объединению. При этом поэт использует повторяющиеся фразовые конструкции типа: «давайте», «понимаете». Риторические приемы (обращения, вопросы, восклицания, призывы) выступают, прежде всего, в публицистической агитационной функции. Традиционные для эпистолы XVIII века представления о гражданском долге поэта, стремление внести в сознание собеседника определенные обязательные социально-организующие принципы возрождаются в политическом послании В. Маяковского.

Таким образом, наметился новый вектор развития послания: если прежде оно аккумулировало признаки типологически схожих (в частности, объединенных фактором адресации) жанров: оды, сатиры и эпистолы, а в начале XX века на базе риторического послания происходит образование жанровых разновидностей по всеобщему типу — одического, поучительного, сатирического. В то же время установка на апелляцию к массовому сознанию стимулирует сближение послания с жанром революционной песни, наиболее ярко этот процесс представлен в творчестве В. Маяковского («Ленный марш») и некоторых пролетарских поэтов (Д. Бедный, Э. Багрицкий, А. Богданов, И. Лотин, Е. Нечас).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кихней Л. Из истории жанров русской лирики. Стихотворное послание начала XX века. — Владивосток, 1989. — С. 70.
2. Шапир М. Что такое авангард? // Даугава. — 1990. — №3. — С. 43.
3. Маяковский В. Сочинения в двух томах. — Т. 1. — М., 1987. — С. 46.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА

Т.И. Магомедова

Дагестанский государственный университет

Использование языка в определенной сфере общения накладывает отпечатки на все его аспекты, которые обуславливаются функциональными задачами, стоящими перед языком в данной сфере.

Так, социальная функция права, заключающаяся в государственном регулировании общественных отношений, определяет основную функцию языка права — функцию долженствования. Доводы волю законодателя до сведения юридических и физических лиц, право через язык целенаправленно воздействует на сознание людей, побуждает их вести себя должным образом. При составлении различных постановлений и обязательных заключений, договоров и соглашений, записаний, уведомлений, поручительств и т.п. язык используется юристом в функции долженствования. Кроме того, эта функция языка проявляется и в устной речи, например, в обязательном диалоге судьи и допрашиваемого, в обязательной речи прокурора и защитительной речи адвоката при оценке доказательств, при юридической квалификации действий подсудимого и выборе меры наказания.

Язык и право составляют феномен нравственных ценностей человеческой культуры. Интеграция языка и права заключается в самой сущности языка в праве, означающей, что «право вообще не может существовать, не будучи воплощенным в текстуальную форму» [Грязин, 1983: 20].

Детализация языка права предполагает, прежде всего, рассмотрение его структурных элементов. Исследователи по-разному выстраивают структуру юридического языка, нередко наполняют различным содержанием его структурные элементы.

Принимая в качестве исходного положение о том, что вся познавательная и практическая деятельность в области юриспруденции может быть представлена как словесное творчество, Т.В. Губаева все правовые тексты распределяет по двум категориям: 1) язык права (тексты действующих нормативных актов); 2) язык юристов (язык науки права, юридической практики государственных органов и т.д.) [Губаева, 1995: 64].

Т.В. Губаева к языку права применяет принципы дискурсивного анализа, в котором сочетаются лингвистические, логические и прагматические аспекты. Дискурс — текст, взятый вместе с условиями его создания и соотношенный с говорящим человеком. Лингвистический аспект дискурса связан с вербально-грамматическим уровнем текста; логический аспект устанавливает связь между реальностью, языком и мышлением; прагматический аспект определяется мотивационной сферой говорящего и воздействием слова на поведение. Опираясь термином «дискурс», автор подчеркивает, что язык права — это «реальная жизнь слова, его использование в конкретных ситуациях, а не «спячка» в словаре...» [Губаева, 1995: 58].

В качестве базового элемента дискурсивного анализа языка права автором вводится понятие «правовая идеологема» как особый тип словоупотребления. «Правовая идеологема — совокупность лексических и

грамматических средств, объединенная определенным юридическим мировоззрением и целевой установкой на передачу и хранение правовой информации» [Губаева, 1995: 78]. Это часть дискурса, связанная с юриспруденцией, сочетает разнонаправленные смысловые акценты, которые выработаны индивидуальным и общественным сознанием в процессах познания и оценки правовых явлений.

Соответственно автор различает 4 разновидности правовой идеологии, которые в совокупности образуют юридический дискурс:

- правотворчество – словоупотребление в процессах общения законодателя с гражданами посредством правовых установлений;
- юридическая практика – словоупотребление в процессах использования, соблюдения и применения правовых норм;
- юридическая наука – словоупотребление в процессах общения специалистов при объяснении и обосновании правовых норм;
- правос воспитание – словоупотребление в процессах массового общения с целью правового воспитания личности.

А.Н. Шелелев анализирует структурно-систематическую модель языка права, опираясь на существующую структуру источников права, и выделяет 5 компонентов: 1) язык закона; 2) язык правовой доктрины; 3) профессиональная речь юристов; 4) язык процессуальных актов; 5) язык договоров. Говоря о функциональном назначении каждого обозначенного элемента языка права, автор, на наш взгляд, несколько ограниченно определяет задачи третьего компонента: «... убедить слушателей в правильности излагаемой позиции, вызвать сочувствие к одним и негодование по отношению к другим» [Шелелев, 2002: 70]. По сути, юридическая профессиональная речь сводится лишь к суедебной риторике, тогда как круг ее задач намного шире.

В.П. Ивбуле, рассматривая язык в социальном контексте правоотношений, определяет его как средство выражения правовой информации и как инструмент специалиста правовой сферы. При этом носителями правовой информации, правового языка являются юристы – официальные представители государства, должностные лица, работники учреждений и т.д. Языком права исследователь условно считает собственно юридическую речь, а язык юриста понимает шире: 1) язык права; 2) язык правоприменительной деятельности; 3) язык юридической науки [Ивбуле, 2003: 38].

Таким образом, приняв во внимание все выше обозначенные структурные модели и взяв за основу дискурсивный принцип анализа языка, представим язык права как интегральное понятие, включающее: 1) язык законодательства, 2) язык юридической науки, 3) язык правоприменения, 4) язык правос воспитания.

Рис. 1. Структурная схема понятия «язык права».

Специфика языка права, проявляясь в интеграции языковых средств законодательства, юридической науки, правоприменительной практики и правос воспитания, выражается в слиянии официально-делового, научного и публицистического стилей, в особенности их использования в правовых текстах. Это обусловлено обширным спектром социокультурных сфер функционирования права и социальными функциями языка права как инструмента передачи адресату социальной управляющей информации.

С одной стороны, язык права обслуживает коммуникацию в административно-правовой сфере, в сугубо юридической профессиональной среде, с другой, в силу того, что правовые отношения пронизывают собой все общество и касаются практически каждого человека, правовые тексты могут выполнять функции сообщения и воздействия в самых разных сферах и средах общения. А значит, социальные функции права обуславливают невысокую степень специализации языка юристов и, следовательно, широкое использование языковых средств общелитературного языка.

Итак, именно дискурсивный подход к анализу языка права, на наш взгляд, дает возможность установить причинные связи между юридически ориентированным словесным творчеством и эффективностью профессиональной юридической деятельности, что и является, по сути, конечной обобщенной целью данного исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грязин, И.Н. Текст права [Текст] / И.Н. Грязин. – Tallin, 1983. – 298 с.
2. Губаева, Т.В. Словесность в юриспруденции [Текст] / Т.В. Губаева. – Kиaнь, 1995. – 289 с.
3. Ивбуле, В.П. Методика обучения профессиональному общению на русском языке в социокультурных условиях Латвии (юридический профиль) [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / В.П. Ивбуле. – M., 2003. – 185 с.

4. Магомедова, Т.И. Русскоязычная профессиональная коммуникативная компетенция студентов юридического профиля: модель и технология формирования в условиях полиязычия [Текст]: монография / Т.И. Магомедова. – Махачкала, 2009. – 233 с.
5. Шепелев, А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль [Текст]: дис...канд. юрид. наук / А.Н. Шепелев. – Тамбов, 2002. – 160 с.

**ПРИМАТ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НАД
МОНОЛОГИЧЕСКИМ В ИССЛЕДОВАНИИ АВТОРИТАРНОГО
РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ**

А.А. Пушкин
Чувашский государственный университет
г. Чебоксары

Совокупность высказываний, реализующих властное отношение субъекта власти, может представлять собой либо монологический, либо диалогический дискурс. Как следует из обзора исследований, большинство авторов отдают приоритет монологическому дискурсу. Нельзя не согласиться с тем, что авторитарные отношения могут реализовываться и в монологическом дискурсе. Хорошим доказательством тому служит анализ публицистического дискурса в работе Р.Фаулера [Fowler, 1985: 75-81]. Однако, как известно, основной речевой формой языка является именно диалог, потому что "подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге" [Шерба, 1915]. "Диалог предстает как конкретное воплощение языка в его специфических средствах, как форма речевого общения, сфера проявления речевой деятельности человека и - шире - как форма существования языка" [Валюсниская, 1979: 300].

По мнению М.Н.Кожинной, "в строгом смысле слова диалога и монолога как особых, четко противопоставленных форм речи не существует; во всяком случае, границы между ними размыты, строгой оппозиции не наблюдается" [Кожина, 1986: 02]. Очевидно, что трудности определения различий монолога и диалога, как и условность их разграничения и недостатки дефиниций, проистекают главным образом из факта диалогичности речи вообще, в том числе и монологической. Тем не менее, правомерно говорить о релевантных признаках диалога и монолога по отдельности.

Очевидно, наиболее отличительными признаками диалога будут: непосредственное реплицирование (участие в разговоре собеседников), а также в известной степени размер реплики, обусловленный спонтанностью диалогической речи, отражающейся в стилистико-синтаксической

структуре высказывания, прежде всего - характере синтаксического построения речи (более подробно см.: Кожина, 1986: 30-32).

Как справедливо отмечает И.П.Сусов, "диалогическое взаимодействие, включающее в себя коммуникативные ходы и их блоки, является оптимальной формой организации дискурса" [Сусов, 1990: 2]. Диалог легко вписывается в представление о речевом общении, о сотрудничестве при речевой деятельности, в то время как монолог требует специального объяснения как формы речи, существующей наряду с диалогом [Валюсниская, 1979: 302]. Действительно, если подойти к монологическому тексту как к дискурсу, то требуется "погрузить" этот текст в контекст языкового общения, при этом также необходимо восстановить все коммуникативно-прагматические координаты - адресанта, адресата, время, место, частные цели и макроцель монологического дискурса и т.п. Что касается диалогического текста, то все его коммуникативно-прагматические координаты уже являются заданными в силу специфики природы диалога. Иными словами, диалог - это и есть дискурс. Однако термин диалогический дискурс не должен вызывать смущения. Во-первых, употребляя этот термин, следует придерживаться принципа аналогии (ср. монологический дискурс - диалогический дискурс). Во-вторых, то обстоятельство, что к диалогическому тексту можно подойти как с текстоцентрических, так и коммуникатороцентрических позиций, позволяет так же развести эти подходы, специфицируя коммуникативно-прагматический подход термином "диалогический дискурс". Следует отметить, что в последнее десятилетие в исследованиях диалога наблюдается смещение акцента в сторону понимания его именно как дискурса и интеракции [van Dijk, 1985: 1-11; Discourse Analysis, Vol. 3, 1985]. В целях исследования отраженности в языке властных отношений наиболее выигрышным оказывается привлечение в качестве языкового материала именно диалогического дискурса. Ведь "внимание к диалогу проявляется везде, где есть интерес к человеческим отношениям, потому что с диалогом мы связываем представление о коммуникации, взаимодействии, контакте" [Валюсниская, 1979: 313]. Если монологический дискурс можно представить как единичный речевой ход или макроход, то диалогический дискурс - это попеременная смена речевых ходов. Если в монологическом дискурсе стратегическая цель субъекта власти более или менее фиксирована, то в диалогическом дискурсе она подвижна, может корректироваться в зависимости от реактивных речевых ходов партнера. Только диалогический дискурс может позволить увидеть проявления всех вариаций властных отношений, реализованных при помощи структур дискурса на всех уровнях структуры языковой личности, а именно формально-семиотическом, когнитивно-интерпретируемом и, что особенно важно, социально-интерактивном.

Социально-интерактивные характеристики авторитарной языковой личности отражаются, прежде всего, в способах реализации мены коммуникативных ролей [Недобух, 1990]. Фактор приоритетности собственного социального статуса позволяет авторитарной языковой личности доминировать в речевом взаимодействии как в роли говорящего, так и в роли слушающего. Она может:

1) не уступить коммуникативной роли говорящего своему партнеру по коммуникации, нарушая тем самым принцип кооперативности в диалогическом взаимодействии:

- Не-е, ты еще не дорос. Тебе расти и расти около бабки.

- Кассиан Даманович...

(Дудинцев. Белые одежды);

2) путем перебива отобрать коммуникативную роль говорящего у партнера:

- Я убежден, - произнес Петр, - что рано или поздно мой метод вотержестует во всей металлургии. И принесет...

- Я... Я... - оборвал Онисимов. - Памельше якай!.. (Бек. Новое название);

3) обязать партнера взять коммуникативную роль для продолжения коммуникативного взаимодействия:

- Так зачем же ты про эту случайность раздуваешь? Зачем про лесника, а? Что молчишь? Ну, говори же! (Дудинцев. Белые одежды);

4) намеренно отказаться взять коммуникативную роль говорящего:

- Может быть, сначала поговорим?

Бобрков бровью не повел. Снова набрал номер и - то ли притворно, то ли всерьез - ушел в дело, с поразительным равнодушием, не замечая Дмитриева (Лебедев. Столкновение);

5) в одностороннем порядке решить вопрос о продолжении или прекращении коммуникативного взаимодействия:

- Поставь машину в гараж. Скажи завару, чтобы завтра дал тебе самосвал! Все! Никаких разговоров! (Лебедев. Столкновение).

Особенности способов реализации мены коммуникативных ролей свидетельствуют о том, что авторитарная языковая личность, как правило, нарушает основные принципы и нормы общения. Эти нарушения обуславливаются тем, что авторитарная языковая личность строит свой диалогический дискурс следуя "субъект - объектной" модели взаимодействия. Партнер по общению не признается равноправным субъектом диалогического дискурса. От деформированной, односторонней кооперативности, что имеет место в условиях директивных ситуаций, авторитарная языковая личность может перейти к полной некооперативности, что влечет обрыв коммуникации.

Социально-интерактивной стороной обладает и монологический дискурс, однако по сравнению с диалогическим дискурсом социально-

интерактивный аспект в нем выражен менее ярко. Таким образом, диалогический дискурс представляет собой более благодатный материал для языкового моделирования авторитарной личности в соответствии с принципом ее целостного описания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Валосинская З.В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. - С. 299-313.
2. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь: Пермск. ун-т, 1986. - 92 с.
3. Недобух А.С. Вербальные сигналы мены коммуникативных ролей. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Саратов, 1990. - 17 с.
4. Суцов И.П. Прагматика дискурса и этнолингвистические проблемы // Прагматика этноспецифического дискурса. Материалы симпозиума. Бельц, 1990. - С. 2-5.
5. Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Т.1 (с приложением текстов). Ггр., 1915. - I-XXII-194-54 с.
6. van Dijk T.A. Dialogue as Discourse and Interaction // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 3: Discourse and Dialogue. London etc.: Academic Press, 1985. - P. 1-11.
7. Fowler R. Power // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4: Discourse Analysis in Society. London etc.: Academic Press, 1935. - P. 61-82.

FUNDAMENTALS OF THE CONTENT-ANALYSIS FROM THE LINGUISTIC VIEWPOINT

K.I. Titarenko
Togliatti State University

Content analysis of the text/discourse is usually regarded as the study procedure providing objective and systematic quantitative evaluation of the qualitative content of communicative units. The first attempts to carry out a textual analysis by means of quantitative methods close to content-analytical ones were made in the end of the XIX century when the influence of mass media became of great significance [Baranov, 2003: 11].

Let us examine the methodology of the content-analysis from the linguistic viewpoint. The rationality of such an approach is accounted for by the fact that the content-analysis is per se oriented to identifying linguistic phenomena. The classical procedure of the content-analysis comprises several stages. It is aimed at making verisimilar suppositions about its content plan and hence drawing a conclusion on peculiarities of cognition and perception of the author, his intentions, purposes, wishes, value scale and so on and so forth. Even

though the evaluation of perception does not refer to linguistic problems proper, the analysis is carried out by linguistic methods thus manifesting the applied character of the given linguistic methodology [Potapova, 2004: 104].

It is noteworthy that the object of the content-analysis are not words but the notions behind them, because its ultimate task is to hypothesize on structures of perception and cognitive processes, underlying them.

Due to mechanisms of linguistic variation one and the same notion may find different expressions in the language. In this connection it is important to take into account all possible variants of formal linguistic expression of the relevant notion or value category. The analysis of a single linguistic unit may prove to be sufficiently enough for that aim.

One of the most important category the content-analysis focused on is the conceptual variable, for example, "democracy", "human rights", "material well-being", etc. In certain texts the conceptual variable may be represented by some of its meanings – linguistic representatives. For instance, the conceptual variable "democracy" may be represented textually by the following linguistic representatives: *democratic, democratically, sovereignty of the people, elections*, etc.

The absolute frequency of the conceptual variable is defined as the totality of absolute frequencies of its meanings (linguistic representatives). Proceeding from what is said we may assume that to perform a valid content-analysis implies making complete lists of meanings (keywords), otherwise the results of the analysis will be inaccurate.

The procedure of the content-analysis comprises a number of stages. The preliminary stage presupposes choosing compiling or editing appropriate corpus/corpora of linguistic data. As a case of the corpus for the content-analysis in point we may take the corpus of related news items over a certain period of time. In order to frame a corpus the principles developed by corpus linguistics may be applied.

The next stage is to select the conceptual variable and determine its meanings linguistically representing the notion under analysis in the text. The selection of the conceptual variable will be followed by the identification of a coding unit. The "coding unit" refers to those text units the meanings of the conceptual variable will be attributed to. The coding units may vary from the entire texts and their fragments to passages, sentences or even words and word combinations. The choice of the coding unit is usually dependent upon the volume and the character of the given data corpus and the type of the content-analysis [Ibid: 106].

Furthermore, the coding directions are formulated. In case of a computerized content-analysis the preparation of directions does not go beyond listing of linguistic forms of selected meanings of the conceptual variable. Depending on general coding principles the types of the content-analysis present two varieties, that is, fundamental and perfunctory. In case of a fundamental

variant, the directions are formulated in such a way that only explicit (obvious) occurrences of the conceptual variable are encoded, i.e. when one of the meanings of the conceptual variable is explicitly expressed in the text. All implicit (non-obvious, i.e. meanings which are not readily available to naked-eye perusal) occurrences of the conceptual variable in the text are consequently encoded in case of a perfunctory variant of the content-analysis. It was when acceptable that it is difficult to list all meanings of the conceptual variable. The computerized analysis is thus currently used as a means of a fundamental content-analysis only.

Encoding the data is the next step in the procedure of the analysis. The final stage involves estimation of the data and result interpretation. As a means of the result processing complicated statistical methods are not infrequently preferred. Being a crucial point of the content-analysis, the interpretation of findings requires high standard of knowledge of the problem domain.

A definite advantage of the content-analysis is that it can be performed by means of computer. Besides, the issue of factors of experimental quality control merits special attention. The theory of the content-analysis places emphasis on adequacy and precision of the experimental results. For preparing experiments and estimation of their results one should take into account such factors as reliability and validity. The factor of reliability comes in three main varieties: stability, recurrence and accuracy. The most unreliable part of reliability is that of stability. It is determined by whether one and the same encoder will be able to process the data in the same way after a time. Recurrence is a more reliable variety that ensures producing identical results by different encoders in different time and situations by making use of the same directions. Given these requirements met, the recurrence of the experiment is high enough. The strongest variety of reliability is accuracy, i.e. the conformity with some of coding norms, devised by the experts.

The factor of validity has many different forms, one of which is the so-called semantic validity. It is determined by whether the coding directions take proper account of the polysemy of the linguistic expressions of the conceptual variable meanings. To achieve the semantic validity of the computerized content-analysis the method *Key-Word-In-Context* is widely used at the time. It consists in finding concordances for every meaning of the conceptual variable. The expert helps the computer programme by excluding those contexts in which a linguistic representative of the conceptual variable is used in an irrelevant meaning. Semantic validity may be strengthened when the conceptual variable is represented by a word combination, outlining the target sphere more precisely.

Another form of validity is the sampling validity. That form refers to the formation of the data corpus. The sampling must be representative enough for the relevant problem domain. For the sampling selection the content-analysis often makes use of a random search method and stratified search method. In the latter the problem domain is divided into relevant parameters with the example

for each meaning of a parameter. Some regular data types need a patterned sampling. Another salient feature of the sampling validity is the selection of the coding unit which may be determined either by the encoder or the data structure.

Alongside with the fundamental and perfunctory content-analyses there are two other types that are the analyses of content and form. The first one is based on identification of a conceptual variable and the analysis of its meanings (representatives) in the text. Structural content-analysis presupposes identification of a conceptual variable as well, but its representatives are viewed from the standpoint of the form. The second type of analysis is less complicated in comparison with the first one, but it only provides an intermediate result for the further examination and interpretation in the content plan. To achieve a more fundamental understanding one can use a number of complicated methods of the content-analysis.

1. The study of the evaluative context of relevant categories. For that aim the researcher singles out from the text a context for each occurrence of the relevant category along with the estimation of the occurrence frequency. Each context is then analysed and marked positive, negative or neutral. The subsequent analysis of the dominant estimate provides additional information.

2. Discursive complication presents the analysis of fragments and components of the political discourse in which the analysed notion occurred.

3. Metaphorical analysis in the contexts of the relevant category occurrence. As a result one can single out the main metaphorical models connected with the categories in question and estimate their frequency. The information about the dominant metaphor type for a certain category is useful in understanding the comprehension methods and schemes of making decisions connected with that category. It is worth noting that all mentioned complications are possible and true only for sufficiently small text corpora.

REFERENCES:

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику/ А.Н. Баранов. М., 2003.
2. Поталова Р.К. Поталов В.В. Семантическое поле «Наркотизм». Дискурс как объект прикладной лингвистики. – М: Едиториал УРСС, 2004. – 192 с.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕВЫПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ГАРАНТИИ)

Н.С.Федотова

Астраханский государственный университет

Концепт «гарантия», являясь сложным ментальным образованием, играет важную роль в системе взаимных обязательств в деловом

англоязычном общении. Понимание этого концепта и знание типичных условий его дискурсивного существования, а также лингвистических средств его выражения, в том числе и особенностей языкового выражения последствий невыполнения обязательств, представляется важным для осуществления межкультурной коммуникации.

Анализ текстов гарантий показал, что в большинстве случаев в них отсутствует прямое обозначение последствий при условии невыполнения гарантий. Это объясняется тем фактом, что гарантия, являясь универсальным инструментом, который может обеспечить любой вид обязательств, нередко в сфере деловых отношений является не только документом, запрашиваемым одной из сторон для успешного осуществления какой-либо сделки, но иногда и единственно требуемым в определенных условиях и ситуациях. Так, например, по замечанию Л.В. Аверьяновой [Аверьянова, 2004: 230], отсутствие всех оригиналов коносамента, платежи по траттам и другим документам может вполне быть обеспечено гарантией. Таким образом, гарантия по определению является наиболее удобным и надежным средством защиты от убытков различной природы. Прежде всего, подобной юридической силой гарантии наделяются законом. Соответственно, обозначение последствий при условии невыполнения гарантий в документах данного вида в основном сводится к напоминанию клиенту в виде ссылки о добровольном согласии гаранта предстать перед законом в случае невыполнения данных с его стороны гарантий. Так, например, в текстах гарантий качества, помимо выполнения необходимого для всех гарантий условия о непротиворечии законам, имплицитно делается также ссылка на потенциальное наказание гаранта за невыполнение своих обязательств, которого клиент может добиться для своего обидчика через суд:

This warranty is in addition to any statutory or other rights of the purchaser pursuant to applicable law.

This guarantee statement is in addition to and in no way prejudices your statutory rights.

Понятие *statutory or other rights of the purchaser* означает свод законов о защите прав потребителя, который имеет примерно одинаковое содержание для всех англоязычных государств в связи с расширением международных экономических связей между различными странами. Отметим, что в законе о защите прав потребителей содержится положение о сроках предъявления потребителем требований в отношении недостатков товара или услуг, о порядке установления самого гарантийного срока, а также об ответственности продавца или изготовителя за просрочку выполнения требований потребителя. Кроме того, в своде законов о защите прав потребителей присутствует положение о наказании нарушителей этих прав, а следовательно, и в случае невыполнения гарантийных обязательств.

В гарантии конфиденциальности, так же как и в гарантиях качества отсутствуют прямые указания на возможные последствия невыполнения обещанных гарантий, возможно, в виду следования традициям деловой этики, когда партнерам возбраняется в открытой форме ставить под сомнение такое деловое качество друг друга как честность и порядочность. Тем не менее, стремление к обеспечению так называемой собственной подстраховки обусловило появление информации подобного содержания в текстах данного вида гарантии в имплицитной форме в пункте о правовом урегулировании возможных спорных процессов между сторонами, заключающими договор о предоставлении и хранении конфиденциальной информации:

This letter shall be governed by and construed in accordance with English law and the parties irrevocably submit to the non-exclusive jurisdiction of the Courts of England and Wales in respect of any claim, dispute or difference arising out of or in connection with this letter.

Как видно из примера, данный пункт выполняет функцию своеобразного предупреждения о мерах, которые сторона, предоставляющая конфиденциальную информацию, намерена предпринять против другой стороны в случае невыполнения последней условий настоящего договора.

Отметим, что в плане языкового выражения изучаемого аспекта данного вида гарантийных соглашений, можно подчеркнуть употребление модального глагола *shall*, являющегося специфичным для текстов деловой сферы общения, а также наличие конструкций страдательного залога и конструкций альтернативы.

Тексты гарантии конфиденциальности, функционирующие в США, часто бывают дополнены информацией следующего рода:

You agree that money damages would not be a sufficient remedy for any breach of this agreement by you or your Representatives and that in addition to all other remedies the Company shall be entitled to equitable relief, including injunction and specific performance, for any breach of the provisions of this agreement.

Данный пример показывает, что в плане следования традициям деловой этики американские представители деловых кругов более агрессивны по отношению к своим партнерам, чем представители британских деловых кругов, и более конкретно и четко описывают последствия невыполнения гарантий для своих потенциальных партнеров, в число которых входит выплата ущерба в денежном эквиваленте *money damages*, а также приобретение компанией, предоставляющей конфиденциальную информацию, права на возбуждение иска против своего партнера с целью получения какого-либо другого возмещения *equitable relief, including injunction and specific performance*. На наш взгляд, данный пример наглядно отражает такую часто подмечаемую черту

американского характера, как прагматичность. В данном отрывке отсутствует прямое слово-обозначение понятия *Court* («суд»), но несмотря на это, благодаря использованию слов *breach* («нарушение закона или обязательства») и *injunction* («остановление суда, требующее чего-л. или запрещающее что-л.»), несущих в своем значении сему «нарушение закона – суд», представляется возможным достигнуть перлокутивного эффекта внушения угрозы расправы судом над своим потенциальным обидчиком.

В гарантии возврата обозначение последствий при условии невыполнения обязательств по возврату денег отражено в том же пункте, что и обозначение принятия на себя обязательств. Рассмотрим следующий пример:

Within 30 calendar days after customer so notifies DHL, DHL shall either:

- *provide the customer with the credit or refund.*
- *provide the customer with information explaining the reason that the shipment is not eligible for the guarantee under the applicable limitations or exclusions.*
- *provide the customer with evidence of timely delivery.*

В случае если гарант отказывается платить деньги, он, по гарантийному соглашению, должен, либо предоставить объяснения для своего отказа, либо предоставить исчерпывающие доказательства того, что услуга была совершена точно в оговоренный срок. Что касается дальнейшей информации о том, что должно произойти в случае, если гарант не сделает и этого, в тексте нет. В тексте также отсутствует указание на возможность урегулирования разногласий через суд, как это бывает указано в других типах гарантий.

Анализ гарантии подлинности показал, что информация о последствиях при условии невыполнения гарантийных обязательств содержится, по нашим данным, только в текстах о подтверждении подлинности и точности личных сведений, подаваемых кандидатами на участие в каких-либо конкурсах или программах:

I hereby certify under penalty of perjury that I have provided complete and accurate responses to the items on this application.

I understand that any misrepresentation may be cause for denial or cancellation of admission or enrollment.

Из примеров видно, что залогом, как базовым конститутивным призывом гарантии, в данной ситуации выступает сама возможность продолжения коммуникации между партнерами. Таким образом, и целью общения и гарантией подлинности здесь одновременно выступает такая объективная ценность, как сам процесс коммуникации. Соответственно, наказание за невыполнение гарантийных обязательств в данных видах текстов гарантии выражается на языковом уровне с помощью слово-

обозначений понятия завершения процесса коммуникации в условиях данной ситуации: *denial or cancellation of admission or enrollment*.

В гарантии возмещения, по данным анализа, как правило, также нет прямого указания на возможные последствия при условии невыполнения гарантийных обязательств перед лицом, представляющим страховой интерес. В некоторых текстах подобных гарантий встречается следующее:

No legal action may be brought on the policy within 60 days after proof of loss. No legal action may be brought on the policy more than six years after proof of loss was required.

Сказанное в данном примере означает, что при возникновении подобной необходимости лично, представляющее страховой интерес, имеет право начать судебный процесс против страховщика. Тем не менее, сроки, в которые застрахованное лицо может воспользоваться таким правом, ограничено. Причем из содержания всего документа остаются неясными основания для определения продолжительности этого срока. Можно лишь предположить, что данная информация приведена в тексте настоящей гарантии в качестве выдержки из закона, действующего на территории Канады. Во всяком случае, ссылки подобного рода в приведенном тексте не встречаются.

В гарантии выполнения, в отличие от других типов гарантий, важной частью является наличие в ней очень конкретной информации о возможных последствиях при условии невыполнения гарантийных обязательств перед заказчиком:

If the Surety fails to proceed in accordance with Paragraphs 4 and 5 above, then the Surety shall be deemed to be in default on this Performance Bond three business days after receipt of written notice from the City to the Surety demanding that the Surety perform its obligations under this Performance Bond. Thereafter, if notice to the Surety is without effect, the City shall be entitled to enforce any legal or equitable remedy available to the City. If the Surety has denied liability, in whole or in part, the City shall be entitled without further notice to Surety to enforce any legal or equitable remedies available to the City.

Как видно из примера, здесь четко прописывается, в каком случае можно считать, что гарант не способен или отказывается выполнять свои обязательства перед заказчиком, представленные по данной гарантии. Далее описывается, каким образом намерен поступить заказчик, если подобное произойдет. Как видим, составителям данного текста предусмотрены следующие варианты поведения гаранта в данной ситуации: либо он отказывается полностью или частично от своих обязательств, либо с его стороны не следует никакой реакции – в любом случае для заказчика это служит сигналом к принятию решительных мер в виде возбуждения иска к гаранту или любых других доступных ему средств. Использование условных предложений I типа в данном случае

подчеркивает реальность выполнения данного условия, что в контексте настоящей ситуации принимает некоторую модальную окраску полной уверенности в неизбежности наказания гаранта за невыполнение принятых им на себя обязательств.

Далее по тексту гарантии, как и почти во всех предыдущих нами описанных текстах, следует блок информации, конкретизирующей уже саму процедуру обращения заказчика в суд или использования других доступных ему мер расправы над гарантом, которая включает конкретное место и сроки возможного судебного разбирательства:

Any proceeding, suit, or claim, legal or equitable, under this Performance Bond shall be instituted in the U.S. District Court for the Eastern District of Pennsylvania or the Court of Common Pleas of Philadelphia County and shall be instituted within two years of the date on which the Surety refuses or fails to perform its obligations under this Performance Bond, in accordance with Paragraphs 4 and 5 above. If the provisions of this Paragraph are void or prohibited by law, the minimum limitations period available to sureties as a defense in the jurisdiction of the proceeding, suit, or claim shall be applicable.

На языковом уровне обозначение невыполнения обязательств в данном тексте гарантии обладает теми же признаками, что и во всех других текстах, особенно на синтаксическом уровне, а именно: наличие частого использования глаголов в страдательном залоге, конструкций альтернативы и специфичного для текстов официально-делового стиля модального глагола *shall*.

Резюмируя, приведем основные результаты исследования лингвистических средств выражения последствий невыполнения обязательств в англоязычном деловом дискурсе, в частности в текстах гарантии, а именно:

Изучение различных текстов гарантий показало, что далеко не во всех них присутствует прямое указание на возможные последствия невыполнения обязательств, что говорит о стремлении англоязычных, особенно британских, представителей деловых кругов действовать согласно традиционному деловому этикету, где нет места любого рода проявлению насилия и давления на делового партнера. Вместо этого в текстах присутствует имплицитная информация подобного рода в виде приведения условия о непротиворечии законам и с помощью этого делается также ссылка на потенциальное наказание гаранта за невыполнение своих обязательств.

На языковом уровне обозначение невыполнения обязательств в текстах гарантии характеризуется наличием частого использования глаголов в страдательном залоге, конструкций альтернативы и специфичного для текстов официально-делового стиля модального глагола *shall*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверьянова, Л. В. Business English. Banking correspondence / Л. В. Аверьянова: Учеб. пособ. – М.: Гардарики, 2004. – 256 с.

2. Федотова, Н. С. Концепт «гарантия» в англоязычном деловом дискурсе: дис. : канд. филол. наук : 10.02.04 / Федотова Н.С. – Астрахань, 2005. – 155 с.

**ПРОСТЫЕ ДВУСОСТАВНЫЕ НЕРАСПРОСТРАНЁННЫЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО СТИЛИСТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**
(на материале русской и англоязычной художественной прозы)

М.Б.Якевич
Академия управления «ТИСБИ»
г. Нижнекамск

В настоящее время одной из важнейших задач, выдвинутых в области языкознания, является сопоставительный анализ языков в плане создания текста – его структуры, восприятия, стилистической организации.

В данной работе сопоставительному анализу подвергаются простые двусоставные нераспространённые предложения (далее ПДНП) в тексте художественной литературы. Структурную основу двусоставного предложения образуют подлежащее и сказуемое, которые в своей взаимосвязи составляют ядро предложения. Двусоставные нераспространённые предложения представлены в русском и английском языках несколькими структурными схемами.

В русском языке – это продуктивный и семантически богатый подкласс, в котором различают двусоставные предложения с координируемыми членами: *Шум не слышно. Сестра шьёт*, и некоординируемыми членами: *Брат – агроном. Учиться интересно* [Кочергина, 2004: 232]. Аналитический строй английского языка тяготеет к структурной двусоставности предложений. В качестве ядерных обычно указываются следующие конструкции простых предложений по наличию сказуемого, а именно: модель с именным сказуемым (nominal predicate) – *John is a teacher*; модель со сложным сказуемым (complex predicate) – *John might smile*, и модель с простым сказуемым (non-complex predicate) – *John smiled* [Бархударов, 1966: 26].

В современных лингвистических исследованиях наблюдается большой интерес к изучению стилистических возможностей текста. Однако стилистическое функционирование ПДНП с эксплицитно выраженной субъектно-предикативной структурой в художественной речи не получило достоянного внимания со стороны исследователей.

«Художественный текст достаточно объективно отражает речевую деятельность и является богатейшим источником для изучения», – писал академик В.В. Виноградов [Виноградов, 1975: 5]. Письменный текст

представляет собой обработанное автором в языковом и стилистическом смысле словесное произведение и, очевидно, что автор при создании текста не преследует цели упорядочения определенных синтаксических конструкций и средств связи, грамматических форм и т.д. Однако, «рассмотрение этих средств путем анализа текста позволяет установить основы выразительности текста» [Александрова, 1984: 63]. Здесь и предполагается выявление и изучение единиц текста в разных языках, в нашем случае ПДНП, их специфики стилистического использования.

Наши исследования показывают, что в англоязычных и русских литературных текстах на уровне композиции существует традиция отдельного выделения ПДНП наиболее значимых моментов художественного описания с точки зрения автора. При этом создается эффект разрядки монотонности повествования, неожиданного поворота событий или юмора.

«No one of the other workmen ever seemed to be very enthusiastic over Ike? He was so small, so queer, no one, really, but the captain and the mate, and now they had deserted him.

It was tough.
Yet still another ill descended on us before we came to the final loss...»
(Dreiser The Cruise of the "Hidewild", p.38)

Юмористический эффект в данном контексте достигается именно благодаря используемой разрядке описания. Это происходит за счет внезапной смены безукоризненно книжного стиля, контекста из сложных и простых предложений, в котором используются такие слова книжного стиля, как «deserted», «enthusiastic». На подобном фоне ПДНП «it was tough» выделяется своей принадлежностью к разговорному стилю речи, что достигается в большей степени благодаря употреблению слова «tough», относящегося к неформальному стилю. Очевидное смещение стилей применяется автором с целью снятия однообразности описания событий.

К тому же, выделение ПДНП в самостоятельную позицию в тексте, в английских и русских литературных образах, создает определенный ритмический эффект, своеобразную динамику текста.

*«Но старый портвейн и – 18 рублей и 33 1/3 копеек жалования...
Девочка хирела.*

– Ну скажи мне, Саширочка, моя кисонька, чего бы ты хотела?»
(Куртин Детский сад, с.70)

Данное ПДНП указывает на основную мысль рассказа – безнадзорность положения. Маленькое жалование, беспросветная нищета, жизнь в подвале постепенно убивают маленькую девочку.

ПДНП используются авторами целенаправленно для передачи психологического состояния героев на важных этапах повествования. Автор вербализует невербальное, маркируя в ПДНП эмоциональный фон

ситуации, способствуя развитию основной мысли произведения. В этой системе «автор-читатель» широкое применение находят ПДНП в авторских ремарках, в паузах хезитации, что придает авторской речи сходство с речью персонажа, чем обеспечивается совмещение авторского и персонажного начал в произведении.

"Your business is justice?"

He smiled. "Yes, at least that's what I hope."

В следующем примере из русской литературы, граница жизни и смерти для главного героя – музыканта Сашки, выражена автором через ПДНП.

«... Стой, черт, это же Сашка. Одух ты...

Каменище остановился. Он в эту маленькую бредовую секунду готов был убить кого угодно...»

(Куприн Гамбринус, с.131)

В таких случаях ПДНП занимает менее сильную пунктуационную позицию, лишь открывая абзац, задавая тема-рема-тическую направленность абзаца и текста. В то же время ПДНП в начальной позиции успешно реализует авторский замысел, избегая контекстной избыточности:

«On the gate was the name Bryngower. "This is us", said Thomas, pulling up the horse.

Andrew descended. The next minute, while he was gathering himself for the ordeal of his entrance...»

(Cronin The Citadel, p.24)

Находясь в середине абзаца ПДНП, чаще всего, констатируют ситуацию в целом, выступая в роли информационного селектора, обладающим статусом структурно-семантического ядра. Например:

«...Мало-помалу народ разгуливался. Начались ссоры. Трезвых все-таки оставалась гораздо большая часть и было кому присмотреть за нетрезвыми. Зато уже гулявшие пили без меры. Газин торжествовал. Он разгуливал с самодовольным видом...»

(Достоевский Записки из мертвого дома, с.102)

Приведём примеры с ПДНП из англоязычной художественной литературы, указывающие на ситуацию в общем виде. ПДНП в центре абзаца передает напряженное ожидание момента, когда дверь открывается, и кто-то стоит за ней. Так появляется новый поворот в сюжетной линии детектива:

«...Steps were ascending the stairs. The key turned. Nicholson – the pseudo-Nicholson – stood in the doorway, candle in hands.

(Christie Why didn't they ask Evans, p. 135)

ПДНП в диалогической речи за счет компрессии легко создают эффект реального общения:

"... I gave him a dollar."

"You shouldn't. He'll just get drunk.
"I know. That's what his wish. Where can our star sleep, sweet fern."
(Steinbeck The winter of our discontent, p.51)

В следующем отрывке из известной повести А.И. Куприна, в разговоре старухи употреблены ПДНП, которые мастерски передают стиль речи, характерный для простой, деревенской женщины:

«...Ее тонкие черные брови недовольно сдвинулись, а глаза с вопросом обратились на старуху.

- Вот барин зашел... Цытает дорогу... пояснила старуха. - Ну, батюшка, с речительным видом обернулась она ко мне, - будет тебе прохладиться». (Куприн Олеся, с.275)

Эффект неожиданной или смысловой развязки реализуется достаточно часто через ПДНП. Этот эффект осуществляется за счет оттаивания финальной, итоговой фразы. Психологически значимый момент, выраженный ПДНП, располагается в конце параграфа, абзаца, в результате чего ощущается напряженное ожидание, поскольку читатель не получает привычного указания на предмет сообщения до конца смыслового абзаца.

Этот контекст характеризуется также неожиданной и предельно простой развязкой в самом конце параграфа. А на протяжении всего рассказа персонажи, включая рассказчика, стоят перед определенным выбором:

«In company then we three went to him, this time not to torment, but to coax and plead with him, not to forsake the shop, or the ship, now that everything was going to be as before – only better – and –

Well. We did.»

(Dreiser The Cruise of the Idlewild, p.41)

В русской художественной литературе ПДНП также используется для создания подобного эффекта напряженного эмоционального ожидания и смысловой развязки. И позиция ПДНП в тексте – заключительная. Например:

«...вдруг от самого фонаря бросился на меня какая-то странная фигура, так что я даже вскрикнул, какое-то живое существо, испуганное, дрожащее, полусумасшедшее, с криком уцепилось за мои руки. Ужас охватил меня. Это была Нелли!

- Нелли! Что с тобой? – закричал я. – Что ты!»

(Достоевский Униженные и оскорбленные, с.378)

Анализ реализации ПДНП показал доминантный характер их употребления авторами, как в русской, так и в англоязычной художественной речи. Обладая ярко выраженными выразительными характеристиками, ПДНП позволяют автору успешно осуществлять цель своего творческого замысла. Наблюдения свидетельствуют об эффективности их использования в этих целях. В данной экономной

модели - ПДНП - заложено максимум смысловой и эмоциональной нагрузки.

Многочисленные примеры демонстрируют, что ПДНП в текстах художественных произведений создают разнообразные стилистические эффекты: разрядки монотонности повествования; юмора; обозначения кульминации описываемой ситуации; неожиданной или смысловой развязки.

Как показывает анализ использования ПДНП в текстах художественных произведений, их позиция в контексте, то есть употребление в начале, середине или в конце абзаца, также имеет определенное значение:

1. **Отдельная позиция** ПДНП в тексте отмечает и акцентирует внимание читателя на наиболее значимых деталях, основных моментах повествования, создаёт ритмический рисунок текста, демонстрирует противоречивость внутреннего мира героев, в результате чего высказывание получает тот или иной сверхсинтаксический смысл.

2. ПДНП **в начале абзаца**, речевой цепи маркируют эмоциональный фон ситуации, избегая контекстной избыточности и осуществляя авторский замысел, способствуют развитию основной идеи произведения.

3. Расположенные **в центре текстового фрагмента**, ПДНП констатируют факт совершения действия, передают ситуацию в общем виде.

4. **Заключительное положение** ПДНП в тексте передаёт напряжённость ожидания (отдавая психологически значимый момент), неожиданную или смысловую развязку абзаца, финал истории.

Таким образом, в результате сопоставительного анализа художественной речи русских и англоязычных авторов было выявлено выполнение ПДНП, в основном, идентичных функций в обоих языках. Несмотря на особенности системного характера двух отдалённо родственных языков, проведённое исследование даёт право считать употребление ПДНП в аспекте формирования выразительности художественного повествования традиционным и закономерным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – М.: Высшая школа, 1984.
2. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1966.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1975.
4. Кочергина В. А.. Введение в языковедение. – М.: Академический проект, 2004.

Секция 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

МОЛОДЕЖНЫЙ ЖАРГОН ФРАНЦУЗОВ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ

И.В. Богомолова

Астраханский государственный университет

Жаргон молодежи, которое является составной частью интересной и сложной проблемы социального разобщения привлекает последнее десятилетие пристальное внимание лингвистов различных стран.

Для описания языка французской молодежи нами используются термины «жаргон», опираясь на ряд определений, данных авторитетными словарями, а также исходя из определенной национальной традиции.

Жаргон - условный знак небольшой социальной группы, от общенационального языка отличается преимущественно словарными особенностями и имеющий целью изолировать говорящих на нем людей от остальной части общества [2, с.25].

П.Гиро в своей работе «Арго» пишет, что жаргон – не язык в полном смысле слова, а особый словарь: грамматика жаргона - общенациональная грамматика в ее просторечном варианте, фонетика, за исключением некоторых интонационных особенностей, тоже, в общем, совпадает с общенациональной фонетикой, точнее в ее фамиллярных реализациях [1, с.17].

В современном арго выделяют, как отмечает П.Гиро, два основных лексических пласта:

- 1) терминологическая лексика, обозначающая специфические понятия, связанные с профессиональной деятельностью носителей арго;
- 2) эмоциональная и эмоционально – оценочная лексика, обозначающая, в основном, те понятия, которые сами по себе вызывают какую-то эмоциональную реакцию [1, с.20].

Как особый профессионально - терминологический словарь арго представляет собой социальный диалект или совокупность профессиональных жаргонов, как пласт эмоциональной и эмоционально – оценочной лексики арго входит в просторечие на правах его фамиллярного яруса и через просторечие включается в стилистическую систему национального языка. Наиболее распространенная не узко арготическая специализированная лексика относится к просторечной как фамиллярная лексика относится к нейтральной. Разговорные слова характерны для разговорной речи и служат характеристиками явлений в кругу бытовых отношений и придают речи непринужденность.

Просторечие используется в литературном языке как стилистическое средство для придания речи оттенков шутовства, иронии, пренебрежения. Эти слова являются стилистическими экспрессивными синонимами слов нейтральной лексики, что делает связь литературного языка с просторечием очень крепкой, точнее разговорная речь является частью литературного языка. Использование специфических слов в произведениях художественного стиля обусловлено стремлением к повышению образности текста. Более того, по мотивам стилистической целесообразности, например, для речевой характеристики персонажей авторы художественных произведений вводят диалектные слова, жаргон, просторечия, архаизмы, неологизмы, оригинальные обороты речи. Именно обилие разговорных слов в речи героя, читатель может более подробно представить не только его характер, но и социальный статус.

Необходимо отметить, что использование разговорных слов в произведении подобного рода обусловлено авторской позицией и не может трактоваться как нарушение стилистики произведения.

Не случайно для анализа функций молодежного жаргона мы выбрали художественное произведение современного французского писателя Раймона Кено «Зазн в метро», в котором герои общаются не книжным языком, а живым, изобилующим просторечиями и жаргоном молодежи, свойственным подростковой среде и ее коммуникации.

В вышеуказанном произведении мы выделяем несколько функций молодежного жаргона:

1. **Номинативная (назывная) функция.** Для обозначения довольно ограниченного набора смыслов, наиболее значимых для молодежи, таких как, например, *file* (девочка) и ее различные номинации – *salore*, *mouflette*.

- Une paire de blondjinnzes, qu'elle a voulu m'fauché, la mouflette [3, c.30]

- Пару джинсов эта малышка умыкнули.

- ...je ne veux pas dans ma maison d'une petite salore qui dise des cochonneries comme ça [3, c.7]

- ... я не собираюсь терпеть в своем доме эту мелкую, которая говорит такие гадости.

2. **Инвективная (оскорбительная) функция.** Персонализация сниженной лексики и фразологии. Умение ответить агрессивной на агрессию, оскорблением на оскорбление, умение дать человеку обидные и мсткие прозвища ценится в подростковой среде выше всего.

- Ce labbekak, il voulait me klopper! Je l'ai claché contre l'mur [3, c.15]

- Этот ущербный хотел меня ударить! Я его размазал по стене.

- Sur le boulevard, hier soir, il y avait une sacrée bande de clones en pogue [3, c.63]

- На бульваре, вчера вечером была всего лишь кучка клонов на веселе.

3. **Эмоционально – экспрессивная функция.** Сниженная лексика выступает в качестве экспрессивного стилистического средства для оживления эмоциональной речи говорящего. С помощью жаргона говорящий наиболее полно выражает свои переживания, чувства и эмоции.

- Je m'en fous, N'empêche que c'est à moi que ça arrive, moi, qui étais si heureuse, si contente de m'aller voir dans l'méto. Sacrebleu, merde alors [3, c.58]

- Плевать. Так меня тут и жали. А я так была рада, так счастлива, что смогу покататься в метро. Черт, облом.

- Retraite, mon cul, dit Zazi. Moi, c'est pas pour la retraite que je veux être institutrice [3, c.55]

- В ж...пу пенсию, сказала Зазн. Я не ради пенсии хочу стать учительницей.

4. **Коммуникативная функция.** Язык внутригрупповой молодежной коммуникации. Давая свои обозначения понятиям и явлениям окружающей действительности молодежный жаргон стремится создать что-то свое, более выразительное.

- tain! J'suis drôlement chareite, sur ce coup [3, c.59]

- так! За это время не успею.

- ...c'est clair! C'est de la balle! [3, c.64]

- ... без дураков! Это cvnen!

- И в нескольких каскеттах [3, c.37]

- Он на нескольких работах вкалывает.

5. **Оценочная функция.** Выражает отношение говорящего к окружающей действительности: предметам и людям. Эта оценка варьируется от дружески – ироничной до презрительно – уничижительной.

- Il est rien moche, son balut, dit Zazi [3, c.12]

- А его кодымара еще ничего, сказала Зазн.

- ... tout ça (geste), c'est du bidon: le Panthéon, les Invalides, la caserne de Reuilly, le tabac du coin, tout. Oui, du bidon [3, c.15]

- ... все это (жест), туфта: и Пантеон, и дом Инвалидов, и казармы Рейн, и табачная лавка на углу – все! Все – туфта!

6. **Манипулятивная функция.** Проявляется в таких побудительных выражениях как «Отвали!», «Забей!», «Заткнись!», имеющих значение волеизъявления, адресованного собеседнику, побуждения к каким – либо действиям.

- Fous-moi la paix, dit Gabriel. Je sais ce que j'ai à faire. [3, c.48]

- Отцепись, сказал Габриэль. Я знаю, что делать.

- Chaque ta pine, tu fais comme tu sens, dit Zazi [3, c.48]

- Заткнись и делай как хочешь, сказала Зазн.

7. «Творческая» функция. Проявляется в создании того, что не имеет эквивалента в литературном языке. Слова и выражения, созданные в результате необходимости, являются своеобразным творением жаргона. Например: повестись, слабо и т.д.

- *Il semait chiche de le faire?* dit doucement Marceline [3, с.60]
- Ну что, слабо? сказала тихо Марселина.

Исследования функций молодежного жаргона на примере литературного произведения Раймона Кено «Зазн в метро» позволяет сказать следующее: на современном этапе термин «молодежный жаргон» теряет пренебрежительный смысловой оттенок, перестает быть «чужим», становится естественным, живым элементом неофициальной французской речи. «Рассекречивание» жаргона приводит к тому, что его лексика смешивается с просторечными пластами лексики и внедряется в литературную норму. Тексты, в которых используется жаргон, являются экспрессивными, волнующими современного читателя. Раймон Кено, используя в своих произведениях все богатство разговорного языка, показал, что разговорный язык рождает новую грамматику, новый синтаксис и новую фонетику. В своих произведениях он создал «новый», живой, настоящий язык, что привлекает к его творчеству читателей и исследователей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Guiraud, P. L'argo [Texte] / P. Guiraud // Collection « Que sais - je? ». - Paris, 1999, с. 17-25.
2. Grand Robert 1: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. - Paris: Les dictionnaires LE ROBERT, 1992.
3. Queneau, R. Zazi dans le métro [Texte] / R. Queneau. - Paris: Carrière, 1990

ВЗГЛЯД КАК ВАЖНЕЙШЕЕ КИНЕСИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Т.М. Власова

Дальневосточный государственный университет
г. Владивосток

Коммуникация представляет собой обмен мыслями и информацией с помощью речи, сигналов и поведения [3: 267]. В ходе общения партнеры совершают коммуникативные акты, направленные на то, чтобы решить свои коммуникативные задачи. Для решения этих задач используются весь арсенал доступных человеку средств – как вербальные, так и

невербальные. Невербальные средства общения подразделяются на фонетические (громкость, тон, тембр, высота голоса, акцент, интонация и т.п.) и кинесические (жест, поза, походка, прикосновение, мимика, взгляд и т.п.). Данное исследование посвящено одному из кинесических средств – взгляду, актуализирующему реакцию коммуниканта на речевое поведение партнера. В статье рассматриваются функции, которые взгляд выполняет в процессе коммуникации, способы его описания в художественных произведениях современных англоязычных авторов и некоторые особенности использования взгляда в ходе общения.

Кинесическая речь играет огромную роль в акте коммуникации, так как для нормального ее протекания крайне важны различные контакты: визуальные, тактильные [6: 322]. В то время как обмен вербальной информацией осуществляется, как правило, последовательно и обладает прерывистостью, невербальная информация поступает непрерывно и обладает большей надежностью, так как не всегда поддается контролю [4: 174]. Она может идти по нескольким каналам одновременно (взгляд, мимика, жесты, прикосновение, т.д.). К тому же, невербальные сообщения более эмоциональны и способны оказывать более сильное влияние на партнера, чем вербальные [4: 175]. О мощном воздействии невербальных средств общения пишут и К.Бюви и Дж.Тилл: "Nonverbal communication is so powerful that it releases mood-altering chemicals in the sender as well as in the receiver." [1: 29]

Интуитивно коммуниканты следят за невербальными реакциями друг друга, стараясь по ним понять истинные чувства и отношение к себе и обсуждаемому предмету, например:

- There was a sudden silence, during which Sandy stared at her, wondering if she would give the *minutest sign of any emotion*. [ES, 121]

(Для Сэнди очень важно знать, что действительно думает собеседница по поводу сообщенной им информации; получив вежливый положительный вербальный ответ, он не доверяет ему и пристально всматривается в ее лицо, пытаясь разглядеть хоть какую-то реакцию, свидетельствующую об испытываемых ею чувствах.)

Между героями может разворачиваться невербальный диалог, и каждое кинесическое высказывание будет иметь свою иллюкутивную силу и актуализировать свои коммуникативные задачи, например:

- Elena looked at the teacher for permission. The woman nodded. [RP, 476] (Невербальный дискурс состоит из запроса девочки на разрешение уйти и реактивного жеста учителя, выражающего это разрешение.)

Лицо человека является мощным передатчиком информации. По убеждению Г.Е. Крейдина, глаза (наряду с голосом и руками) служат не только для проявления, но и для трансляции эмоций. С их помощью может осуществляться намеренная и контролируемая передача информации [7: 479]. Взгляд (eye contact), как и другие невербальные средства общения, может рассказать больше, чем слова: "they can send subtle messages that add another dimension to the spoken words." [1: 508] Педаром глаза считают

«зеркалом души»: они отражают его эмоциональную реакцию на поведение партнера, которая в художественном тексте может специфицироваться автором в его характеристике взгляда, например:

- "That's why I so seldom ask you where you found the gun."
Terri gave him a *startled look*. [RP, 380]
- "Could we talk outside for a moment?"
A *worried look* crossed her face as she followed him... [ES, 73]
- "Call Mr Miles now, I can help him move her."
Louise gave Toby a *long level scrutinizing look*. "Thank you." [PG, 56]

Невербальные ключи считаются более надежными, так как с помощью вербальных средств легче обмануть партнера по коммуникации [1: 29] (сказать можно все, что угодно!). К невербальным сообщениям доверия больше, и, обращая на них внимание, мы можем обнаружить обман или убедиться в искренности собеседника. М.М. Ананьева отмечает, что невербальные средства общения могут даже выразить значение, противоположное тому, что было передано вербально [5: 19]. Рассмотрим следующий пример:

- "Did you say something to Daddy about Carlo? Or a bath?"
The child's *eyes flickered*. Terri knew what it meant. Six-year-old children, when planning to lie, do not disguise it well. "No," Elena said. [RP, 338]
- (По невербальным признакам, а именно, по глазам, Терри поняла, что Елена лжет, и ее отрицательный ответ на самом деле нужно воспринимать как положительный.)

Один невербальный знак может противоречить другому, например:

- He *allowed his voice to trail away silkily as his eyes spoke their own message*. [NB, 96] (В данном случае коммуникант лучше управляет своим голосом, чем взглядом.)

Если глаза - «пустые», «стеклянные» и не отражают никаких реакций, это является отклонением от нормы, например:

- "Really?" Adam reacted *glassy-eyed*. [ES, 125]
- (В данном примере ничего не выражающий «стеклянный» взгляд является следствием начинающегося психического заболевания.)

Коммуникативные функции, которые может выполнять взгляд в процессе общения, описаны в некоторых трудах, посвященных теории коммуникации и невербальным средствам общения, например, И.А. Стернина, Э. Чанга, Л. Броснахана, К. Боуви и Дж. Тилла. По их мнению, взгляд может служить:

1. регулятором процесса коммуникации, «that monitor, maintain and control the behaviour of another individual» [3: 112-113];
2. сигналом интереса к собеседнику [3: 112-113];
3. сигналом внимания [1: 30];
4. средством воздействия на собеседника [1: 30];
5. средством установления доминирования [1: 30];

6. способом выражения симпатии и заинтересованности (приветливый, в сочетании с улыбкой) [8: 51];

7. способом проявления различных эмоций [2: 78].

В художественном тексте основными лексическими средствами описания взгляда как компонента коммуникации являются:

1) слова *gaze, stare, glance, gaze, gleam*, каждое из которых несет свою смысловую нагрузку, описывая специфику взгляда в конкретной ситуации, например:

- Suddenly Adam murmured, "I don't want this to end."
She *gazed* at him and echoed, "Me either." [ES, 38]
- (Глагол «gaze» своей семантикой выражает реакцию заинтересованности собеседника.)
- "Was your mother a militant suffragette?" The old woman suddenly *gleamed* at him. "She was!" [PG, 37] (Семантика глагола «gleam» передает состояние радостной взволнованности женщины.)
 - "Edmundo is your father."
Praying she had misunderstood, Isabel *gaped* at her mother. [ES, 139]

(Автором отмечается реакция крайнего удивления, причем семантика глагола «gape» предполагает не только широко открытые глаза, но и приоткрытый рот.)

2) слово «eyes» в сочетании с

a) определением *mine wide, cautious, veiled, shocked, m.d.*, точно указывающим на характер реакции, например:

- "But guess who is succeeding him?"
Sandy *looked* at his father *wide-eyed*. "No, Dad. You don't mean it." [ES, 98]

(Широко раскрытые глаза выдают реакцию крайнего изумления, которое вызвано не столько вопросом отца, сколько собственными догадками.)

b) глаголом *mine freeze, shine, sparkle, turn to, flicker, to widen*, т.д., например:

- "His machine is off," she said. Chris's *eyes narrowed*. "Perhaps they're out." [RP, 305] (Авторская характеристика взгляда показывает негативную реакцию и подавленное состояние коммуниканта.)

c) *существительным*, характеризующим взгляд, например:

- "I'm going to wait," he told her, *anger in his eyes*. [RP, 340]

(В данном случае характер реакции эксплицитно выражена автором.)

3) слово «look» с определением, называющим характер реакции, например:

- "Richie," Chris cut in, "doesn't know what desperate is."
Turning, Terri gave him a *questioning look*. [RP, 340]
- "I only wish you'd helped me pack." Terri gave him a *wry look*. [RP, 348]

- "Don't be late," she insisted. Andrew shot her a suspicious look. "Are you up to something?" [PG, 269]
- Так как взгляд способен выдать испытываемые в ходе общения эмоции, понятно желание коммуникантов замаскировать их, не дать им проявиться во взгляде. Рассмотрим следующий пример:
- Then Sandy exploded. "Rochelle!"
- There was a barely perceptible flash of triumph in her eyes. [ES, 121]
- (Автор указывает на то, что в глазах Рошель, вопреки ее желанию скрыть свои чувства, отразилось едва заметное торжество, и это торжество победителя: наконец-то Сэнди «сдалась» ее чарам.)
- Некоторые движения глаз равносильны использованию жестов. Как и жесты, они могут иметь свои значения и актуализировать эмоциональные реакции говорящего. Рассмотрим некоторые слова и словосочетания, называющие такие взгляды-жесты: например, *to narrow one's eyes* означает вынужденную меру защиты и служит выражением общего дискомфорта, неприятных мыслей и чувств [9: 52], а также подозрения, недоверия [2: 78]; *to widen one's eyes* передает реакцию удивления, страха, сильного волнения, гнева, злобы; *to shut one's eyes* показывает либо чувство облегчения, испытываемого коммуникантом, либо раздражение [2: 78]; *to blink* отражает растерянность [9: 52], негативную причастность человека к чему-то, а также неуверенность, смущенность, нервозность; *to roll one's eyes* выдает раздражение, нетерпение, досаду коммуниканта, например:
- "I just took her to school."
- Teri's eyes shut. "Elena's with my mother," she murmured to Chris. [RP, 350]
- "Richie's dead." His eyes widened slightly, that was all. [RP, 353]
 - "You don't like Teresa Peralta, do you?"
- Walter blinked. Slowly she answered, "No." [RP, 418]
- (Замешательство Уорнер передает не только кинесическая реакция, но и характеристика речи – ее замедленный темп.)
- "Are you ever going to answer to me?"
- Paget felt his eyes narrow. "I already have, Carlo." [RP, 478]
- (Глагол *feel* подчеркивает, что кинесическая реакция идет независимо от воли коммуниканта, который лишь отмечает про себя ее наличие.)
- "Besides, I haven't exactly decided to go yet."
- Chet rolled his eyes to the ceiling. [RC, 264]
- Автор может не только описать движение глаз, но и пояснить его значение, что создает более полную картину невербальной реакции:
- "Toby cooks a lot of lentils," Miriam agreed.
- Andrew's eye widened in silent horror. [PG, 126]
- Quietly Salinas asked, "Did you ever see Helena naked?"
- Carlo's eyelids dropped. To Paget his son looked like someone who has received a blow to stomach. [RP, 446]

(Общий вид мальчика отражает его душевные страдания, которые становятся понятными читателю благодаря использованному писателем сравнению.)

Иногда автором отмечается отсутствие кинесической реакции глаз, что является признаком либо хорошего самообладания, либо неспособности глубоко чувствовать и сопереживать собеседнику, например:

- "Nathan was perfectly happy."
- Her eyes didn't blink. "He says not." [BE, 96]

Итак, взгляд является важнейшим кинесическим средством общения. В то время как слова обычно обдумываются, невербальные знаки проявляются несознательно, естественным образом: "Without our consent, our emotions are written on our faces." [1: 29] Взгляд может акцентировать и эмоционально окрасить сказанное. Он может полностью заменить вербальную реакцию. Он может использоваться для оказания максимально возможного воздействия на собеседника с целью решения определенных коммуникативных задач.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bovee, C.L., Thill, J.V. Business communication today. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1992, 660 p.
 2. Brosnahan L. (1998) Russian and English Nonverbal Communication. – Moscow: Bilingua, 120 p.
 3. Chang Z. Comparative Studies in Language & Culture. – Qing dao: Ocean University of China, 2004, 434 p.
 4. Dou, W., Clark G.W., Prosser M.H. Intercultural Business Communication. – Beijing, 2007, 402 p.
 5. Андальева М.М. Использование невербальных средств общения на уроках английского языка. – ИЯШ, 1999, № 5, с.19-25.
 6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003, 374 с.
 7. Крейдлин Г.Е. Голос и тон в языке и речи // Язык о языке. под ред. Арутюновой Н.Д. – М.: Языки русской культуры, 2000, с. 453 – 501
 8. Стернин И.А. Практическая риторика. – М.: Academia, 2003, 268 с.
 9. Язык жестов. Сост. А. Мельник. – М.: Terra – Книжный клуб, 2003, 448 с.
- #### ЦИТИРУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ:
- BE – Buchan E. Revenge of the Middle-Aged Woman. - L.: Penguin Books, 2002, 358 p.
- ES – Segal, E. Prizes. // Reader's Digest Condensed Books. Vol 3. - New York: the Reader's Digest Association, Inc., 1995, p. 7-160.
- IB – Brooks, H. The Mistress Contract/ The 2000 Christmas Collection. – Barcelona: Mills&Boon, 2000, p. 1-186
- PG – Gregory, Ph. Perfectly Correct. – London: HarperCollinsPublishers, 1997, 294 p.

ПОНЯТИЕ "СОЦИОЛЕКТ" В ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИКИ XX ВЕКА

С.С.Джуманова

Астраханский государственный университет

В 20-30-х годах XX века в русском языкознании начался анализ социального аспекта живой речи. Во многом благодаря работам русских ученых В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского, Н.М. Каринского, Б.А. Ларина, Е.Д. Поливанова и др. обративших свое внимание на изучение речи, было основано новое лингвистическое направление, которое впоследствии получило название социальная диалектология. В научный лексикон вводится термин социальный диалект.

К примеру, в статье 1927 года «Язык как социальное явление» М.Н. Петерсон, при обращении к вопросу о социально-диалектном дроблении языка, подает, что возникновение и существование социальных диалектов («специальных языков», согласно его терминологии) само собой разумеющееся явление, как и наличие территориальных диалектов, различие заключается только в том, что они существуют не один около другого, как диалекты, а один над другим» [15, с.14].

Поэтому социальные и территориальные диалекты различны по своей природе, и их нужно рассматривать в разных плоскостях.

Изучение языка как реального факта социальной жизни, а не только с точки зрения системы, приводит к тому, что особое внимание уделяется акту индивидуальной речи, воспринимаемому и как акт речи отдельного человека, и как говорение «группы людей», например, профессии, семьи, класса, сословия, равно как и отдельных социальных слоев общества. [4]. Речь носителя социального диалекта рассматривается как результат социальных взаимоотношений, в котором психологическая сторона обусловлена социальной [5].

В серии ранних работ отечественных ученых, посвященных изучению социальной природы языка, поднимался вопрос о возникновении национальных языков, в следствии формирования нации [3; 18; 22]. Большое внимание уделялось социально-экономическим факторам в развитии языков.

Первые работы, посвященные социальной диалектологии в некоторой степени прямолинейно сопоставляли классовое расслоение общества с речью представителей этого общества. Например, план

расслоения общества и языков, предложенная В.М. Жирмунским в работе «Национальный язык и социальные диалекты» [9], представлена в виде пирамиды. В основании пирамиды находятся территориальные диалекты. Следующий уровень занимают полудиалекты, выше, как плавный переход к вершине, располагается уровень литературного языка. Пирамида имеет усеченный вид, поскольку приближение к норме всегда остается образцом. Следовательно, речь каждого уровня имеет своего носителя, это - крестьяне, городские мешани, образованные слои общества.

Лингвисты 20-х - 30-х годов, выдвигая тезис о социальной обусловленности языковых явлений, утверждали, что социальный анализ языковых единиц должен базироваться на изучении отличительных черт основных форм существования языка в их непрерывном взаимодействии. В.М. Жирмунский большое внимание уделял рассмотрению тех промежуточных форм, которые представлены полудиалекта или разновидностями территориально окрашенной обиходно-разговорной речи (см. работы В.М. Жирмунского, Н.М. Каринского, Е.Д. Поливанова и др.).

Отдельное направление социальной диалектологии связано с именем Б.А. Ларина, который разрабатывает проблему лингвистического изучения города (статья 1928 г. «К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок); «О лингвистическом изучении города»; «Западноевропейские элементы русского городского арго», 1931 г.). Изучение лексикона городских жителей весьма затруднено ввиду непостоянства населения, а так же из-за того, что подход к языку города как к промежуточному уровню способствовал восприятию его либо в качестве сниженного литературного языка, либо в качестве обиходной крестьянской речи. Б.А.Ларин утверждает, что языка города необходимо изучать самостоятельно, поскольку в последнем не прослеживаются совпадения по социальной основе и лингвистическим признакам ни с диалектами, ни с литературным языком. Наиболее отличительной особенностью городского населения является его двуязычие, так как в почти каждый горожанин владеет двумя или несколькими языковыми системами, обусловленными различными социальными группами (городские социальные диалекты), которые определяются принадлежностью этого жителя. В определенном смысле подобное понимание городского двуязычия послужило причиной развития современной идеи социолекта.

40-е-60-е годы ознаменованы особым вниманием к изучению русской диалектной речи. В области исследования различных сторон русских народных говоров неограниченный вклад внесли Р.И. Аванесов, Л.И. Баранникова, В.И. Берковский, Н.П. Гринкова, А.П. Евгеньева, Р.Г. Мельниченко, В.И. Собианникова, Ф.П. Филин и др. Причем во всех исследованиях принимались в расчет социальные характеристики говорящих. Считается, что именно данные исследования заложили основу для развития социальной диалектологии как особого направления

социолингвистики, занимающейся исследованием не только процесса социального развития языка, но и его социальной дифференциации.

В 70-90-х гг. в данном направлении на материале русского языка многими отечественными лингвистами успешно ведутся исследования. Исследуются социально-классовые диалекты, условные языки представителей русских ремесленников и торговцев, жаргон молодежи, урбанизированный язык в культурно-социальном ключе, специализированный лексика различных профессий, индивидуальный язык личности и др.

В 70-е годы изучением обиходной занимаются, по меньшей мере, три науки: социальная лингвистика, социальная диалектология и психолингвистика. Уже в 1971 году авторы монографии «Принципы и методы лексикологии как социолингвистической дисциплины» (научный редактор О.С. Ахманова) обособили в виде одного из течений языкознания социолингвистику, устанавливающую соотношения между «микрولينгвистическими» явлениями и фактами общественной жизни определенного коллектива. Таким образом, коллективная работа «Русский язык и советское общество» (1968; руководитель М.В. Панов) как по методике, так и по направлению исследования можно определить именно как микрولينгвистическую. Работы подобного направления характеризуются социально-типологический подходом при изучении наличия и взаимодействия литературной и нелитературной форм общения [1; 10; 19]. Данный подход предоставляет возможность вычлнить общую для говорящих обиходную разговорную речь и направленную на удовлетворение непосредственных потребностей повседневного общения людей [14].

В.Д. Бондалетов исследует социальную диалектологию как составляющую социальной лингвистики в рамках общих проблем социолингвистики в соответствии с предлагаемым тезисом рассмотрения всего языка «через призму "социальности" его предназначения» [2, с.16].

Рассмотрев разные формы существования языка, В. Д. Бондалетов приходит к выводу о том, что есть базовые, первичные, опорные, формы существования языка, к которым он относит литературный язык, городское койне, просторечие, территориальные диалекты и производные формы. Так же он выделяет результативные формы. Данные формы представляют непосредственно профессиональные «языки», групповые жаргоны, языки торговца и ремесленника, жаргон (арго) деклассированных, которые «представляют собой лексические системы, вызванные к жизни разными социальными причинами» [2, с.68].

На новом этапе исследования возникает необходимость выявить предмет исследования данного направления в языкознании. Предметом социальной диалектологии в пермской лингвистике 90-х г. выделяют устную обиходную речь, которая представляет собой реализацию

разговорно-литературной речи, нелитературного, городского и сельского просторечия, профессиональные «языки» и территориально-социальные диалекты, учитывая при этом все многообразие социально-психологических аспектов [6; 7; 20; 21].

При изучении разговорно-бытовой стороны речи в рамках социальной диалектологии принято говорить об употреблении разновидностей речевых единиц в пределах территориальных или социальных групп. Принимая во внимание устоявшиеся в истории лингвистики представления, предлагается ввести в лексический состав термин социолект и использовать его для индикации коллективного или группового языка [8]. Социолект включает в себя понятие социального типа, проявляющиеся у человека, в результате характеристик, свойственных данной расе, национальности, этнической группе, социальному классу, другими словами, это речь «среднего индивида». Помимо этого, социолект подразумевает систему речевых средств определенной группы, установленную факторами, которые имеют не только социальный, но и психологический и биологический характер (например, пол, возраст, темперамент и т.п.). Внедрение в научную терминологию понятия социолект позволяет охарактеризовать особенности речевого поведения горожан любого города, как большого, так и малого, на что в 20-е годы пристальное внимание обращал проф. Б.А. Ларин.

Законченное представление о сути социолекта достигнуто с помощью дисперсионного анализа степени воздействия факторов (ДА). Основой эта процедуры является оценивание вариаций конечного признака. В пример таких признаков можно привести характеристики единиц лексического, синтаксического и супraseгментного уровней. На уровне лексики рассматривались единицы диалектов, архаизмы и единицы жаргона и исследовались следующие параметры: «знание», «употребление» и «реализация». На уровне синтаксиса рассматривались лингвистические признаки «синтаксическая сложность» и «длина предложения», а на супraseгментном - темп речи, логические и эмоциональные ударения. В исследовании этих параметров использовались следующие методы: анкетирование, целью которого было определение знания и использование лексических единиц, анализ записей аудиозаписей, чтения и спонтанной речи - для выявления объективного количества употребления лексических единиц.

Предположительно на частоту употреблений какой-либо лексической единицы в речи, а также на вероятность ее включения в систему социолекта влияют социобиопсихологические факторы, которые имеют определенную ступенчатость. Причем все это уравновешенно с помощью «дерева» (графа), что позволяет увеличить количество материала

и в то же время сравнить результаты экспериментов, проведенных по различным методикам.

В самом начале работы ДА использовалась в целях построения статистических моделей социолектов, позволяющих выделить существенность или несущественность факторов и степень их влияния на каждый из рассматриваемых лингвистических признаков. На втором этапе полученные результаты сводились в единую интегральную модель социолекта, в которой выявлялись общие и специфические характеристики действия всех исследуемых факторов и их влияния на результат речевого акта, создавалась градация этих факторов.

Не обнаружено полного совпадения факторов для единиц разных уровней, так как при разработке экспериментов принимались во внимание специфические черты каждой лингвистической единицы. Во всех экспериментах исследованы два фактора - «пол» и «возраст». По полученным результатам можно сделать вывод, что фактор «пол» является доминирующим для большей части супraseгментных признаков (темп речи, логическое и эмоциональное ударение), на синтаксическом уровне характерен признак «длина предложения» и на лексическом уровне преимущественно употребляются архаизмы и жаргонизмы. Все сказанное выше свидетельствует о том, что фактор «пол» оказывает существенное влияние только на речевое употребление языковых единиц. Фактор «возраст» - наиболее значимый для всех исследуемых критериев диалекта (знания, употребления, реализации), он способствует территориальной окрашенности речи горожан. Для всех остальных случаев данный фактор не столь важен. В экспериментах по диалектному и архаическому слову исследовался фактор «место рождения» на синтаксическом уровне; а на супraseгментном уровне был рассмотрен только темп речи. Этот фактор значим для лексического уровня и несущественен - для синтаксического и супraseгментного. Фактор «образование» исследовался на лексическом, синтаксическом и супraseгментном (темп речи) уровнях. Наибольшую важность он представляет для синтаксического уровня и для параметра «знание» лексики, таким образом можно предположить, что этот фактор в основном оказывает влияние на владение разными уровнями языковой системы. На лексическом уровне был рассмотрен только фактор «специальность» и для всех единиц этого уровня оказался существенным. Фактор «температура» - основной при анализе всех супraseгментных характеристик.

Таким образом, данное исследование позволило сделать вывод о том, что ДА является вполне продуктивным методом, который можно использовать в социолингвистических исследованиях, способствующих осмыслению социолекта с точки зрения лингвистики. Об этом можно говорить благодаря специфичности ДА, определяющей работу конечного признака групповых объектов, объединенных по какому-либо фактору, и

перейти от характеристик единичного объекта к характеристикам группы. Это дает возможность перейти к исследованию социолекта как особого феномена.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранникова Л.И. Просторение как особый социальный компонент языка // Язык и общество. Саратов, 1974. Вып. 2. С.3-22.
2. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1987.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX. М., 1938.
4. Винокур Г.О. Культура языка. М., 1929.
5. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.
6. Ерофеева Е.В. Экспериментальное исследование фонетики регионального варианта литературного языка. Пермь, 1997.
7. Ерофеева Т.И. Опыт исследования речи горожан: территориальный, социальный и психологический аспекты. Свердловск, 1991.
8. Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1995.
9. Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
10. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
11. Ларин Б.А. К лингвистической характеристике города: Несколько предисловий // Изв. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Л., 1928. Вып. 1. С. 175-185.
12. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города. // Русская речь. Л., 1929. Вып.3. С. 61-75.
13. Ларин Б.А. Западноевропейские элементы русского воровского арго // Язык и литература. Л., 1931. Вып. 7. С. 1-20.
14. Ожегов С.И. О формах существования русского национального языка // Вопросы культуры речи. М., 1966. Вып. 7. С. 5-8.
15. Петерсон М.Н. Язык как социальное явление // Уч. зап. Ин-та языка и литературы. М., 1927. Т. 1. С. 3-21.
16. Принципы и методы лексикологии как социолингвистической дисциплины // Под ред. О.С. Ахмановой. М., 1971.
17. Русский язык и советское общество: Социолингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. М., 1968. Кн. 1-4.
18. Сергисевич М.В. Проблема социальной диалектологии в истории французского языка XVI-XVII вв. // Уч. зап. ин-та языка и литературы. М., 1927. Т. 1. С. 22-35.
19. Филли Ф.П. К проблеме социальной обусловленности языка // Язык и общество. М., 1968. С. 5-22.
20. Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб., 1992.

21. Штери А.С. Три аспекта горюлого бингвизма: фонетический уровень // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1993. С. 28-37.
 22. Якубинский Л.П. Классовый состав современного русского языка: Язык пролетариата // Литературная газета. 1931. № 7. С. 22-33.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Т.В. Жеребילו
 Ингушский государственный университет
 г. Магас

1. Информация как одно из свойств пространства

Глобальный современный мир постоянно коммуницирует, посылает информацию о себе. «Парадигма» философии сознания, по мнению все большего числа исследователей, замещается коммуникативной парадигмой. Многие говорят сегодня о так называемом «лингвистическом повороте», «коммуникативном априори», позволяющих открывать новые грани понимания современного мира [Мальковская 2004: 19].

Глобальная информация становится атрибутом, одним из свойств пространства, окружающего нас. В этом глобальном информационном универсуме локализовано также информационное пространство современной лингвистики, содержащее информацию, обладающую как специфичными, так и универсальными свойствами.

Специфика данной информации заключается в том, что она вбирает в себя систему лингвистических мтвопоисаний, представленных различными теориями, концепциями, технологиями. Объективное знание о языке, пропущенное через призму восприятия познающего субъекта, и представляет собой информацию, объективированную в научных текстах: монографиях, статьях, докладах, лекциях – во всех жанрах научного стиля, бытующего как в письменной, так и в устной форме.

Универсальные свойства лингвистической информации – это возможность в ней эксплозии / имплозии, наличие информационной избыточности / недостаточности, стремление к самоорганизации в результате синергетических процессов и стремление к деструкции, к разрушениям, вплоть до ее уничтожения и т.п.

Во второй половине XX века в философии диалектического материализма информация трактовалась, как «некоторые сведения, совокупность к.-л. данных, знаний; одно из основных понятий кибернетики» [ФС 1972: 153]. Разработка научного понятия информации в этот период позволяла, раскрыв материальное единство мира, подойти к

единой точки зрения «ко многим, ... казнящимся совершенно различными процессам: передаче сообщений по техническим каналам связи, функционированию нервной системы, работе вычислительных машин, разнообразным процессам управления и т.д.

Все это связано с процессами передачи, хранения и переработки информации» [ФС 1972: 153].

Весьма показательным, что роль понятия информации в диалектическом материализме приравнивается роли понятия энергии в физике.

Информация, согласно такому подходу, представляет собой меру организации системы. «Математическое выражения для информации тождественно выражению для энтропии, взятой с обратным знаком» [Там же: 153].

С середины XX века информация считалась общенаучным понятием, включающим «обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму» [БЭС 1998: 455].

Современные представления об информации находятся в тесной взаимосвязи с достижениями физики и математики в XXI веке.

«Так, российский математик и философ В.В. Налимов предложил концепцию семантического пространства. Согласно этой концепции, структура Вселенной содержит два автономных слоя реальности – физический мир и мир семантический, которые связаны между собой через геометрию мира. В исходном состоянии смысла, спрессованные вдоль семантической оси, равновзвешены, а потому образуют семантический вакуум. Сознание человека осуществляет функцию распаковывания смысла, или их вероятностного взвешивания, следствием чего оказывается появление нового текста» [Мальковская 2004: 214].

Соответствие семантического пространства с адекватным физическим референтом, Л.В. Лесков формулирует мюоническую парадигму, дополнив концепцию Налимова двумя постулатами: 1) физическим референтом семантического пространства является мюон – разновидность физического или квантового вакуума; 2) все объекты материального мира, начиная от элементарных частиц и кончая мозгом человека, обладают способностью взаимодействовать с семантическим потенциалом мюона. Однако только в мозге человека потенциально возможный набор операций со смыслами, или с информацией, реализуется в наиболее полной мере.

По мнению Лескова, «физические свойства мюона парадоксальны. Не будучи объектом материального мира, включенным в метрику Эйнштейна-Минковского, мюон не подчиняется закономерностям термодинамики и теории относительности. Если передача информации осуществляется с участием мюона, то скорость этого процесса может превышать скорость

света. Не подчиняясь закону роста энтропии, мзон не характеризуется стрелой времени: прошлое, настоящее и будущее для него как бы синхронны. Эти свойства мзона не укладываются в традиционный парадигму, но здесь нет противоречия, так как речь идет о квантовом, механическом феномене, соответствующем постнеклассической картине мира» [Лесков 1994: 511].

Приняв концепцию Налимова-Лескова, мы должны в таком случае признать, что существует некий физический механизм сверхчувственного обмена информацией, основанный на восприятии мозгом торсионных излучений, возникающих в торсионных полях.

В рамках обозначенного подхода упрощенный образ Вселенной становится все более непримлемым. «В современной физике *материя* становится равнозначной и взаимозаменяемой с *энергией* (мы бы сказали и с *информацией* – Т.Ж.). В свете этого нового мировоззрения сознание рассматривается как неотъемлемая часть вселенской ткани и, безусловно, не сводится к деятельности нашего мозга... Вселенная современной физики гораздо больше похожа на великую мысль, чем на гигантскую сверхмашину» [Грофф 2002: 16].

Вполне очевидно, что понимание глобального мира не укладывается в прокрустово ложе «антропоцентризма», «социоцентризма», а предполагает обращение к исконно русской традиции «космоцентризма», в которой «человек не просто субъект, эманицированный от остального окружения», а субъект, сопричастный этому миру» [Поболь 1999: 85].

А значит, чем «ощутимее для человека будет становиться вызов природы, тем более взор его будет обращаться к естественному лону жизни, к коммуникации с Универсумом» [Мальковская 2004: 216].

Информация, к которой сопричастен человек, выходит далеко за пределы его земного бытия. Соответственно возникает вопрос: «Ограничено ли информационное пространство современной лингвистики наличием в нем различных научных парадигм, носителями которых являются определенные группы ученых, или оно представляет более универсальную категорию?» И да и нет. «Да» потому, что объективно лингвистика как наука, продуцирующая новое знание о языке, представляет собой некую сумму знаний, воплощенных в корпусе научных, научно-популярных, учебных, справочных текстов. Она располагает отрядом ученых, работающих в ее разных отраслях. Она немалыма без экспериментальной базы данных, без того оборудования, которым располагает сегодня, начиная от простейшей картотеки и кончая новейшими информационными технологиями.

«Нет» потому, что субъект науки – ее носитель и создатель теорий, систем, технологий черпает информацию из различных каналов: чувственного, рационального и сверхчувственного – сверхрационального, или интуитивного. «Сверхсознательная интуиция – это тот инструмент,

помощью которого человек делает величайшие открытия во всех областях творческой деятельности. А первоисточником этих открытий является сверхсознание, управляющее интуицией» [Лесков 2000: 508-509].

Открытие, знание, с ним связанное, приходит откуда-то «сверху», а вовсе не «изнутри» сознания.

Если мысленно прочертить все фрагменты информационного пространства лингвистики, мы увидим, что оно представляет усложненную полевою структуру, включающую как различные компоненты знания, так и носителей этого знания, всю систему хранения, передачи и обработки лингвистической информации, ее транслирования в научный (и не только научный) социум, структуру, включающую каналы связи с другими информационными пространствами, содержащую множество объектов, между которыми возникает определенная иерархия отношений.

Пространство современной лингвистики – это особая форма существования лингвистического знания, система с бесконечным числом степеней свободы, способная как к компрессии пространства, так и к его расширению.

2. Типы виртуальных пространств в науке и в языковом коммуникате

Обычно виртуальное пространство трактуется как одно из явлений *Вторичного мира*, существующее или в сознании человека, или в информационном пространстве Интернет.

В этом плане показательное диссертационное исследование, выполненное Е.А. Луговой. Она пишет: «Виртуальное пространство – это своеобразная ментальная карта реальности в ее пространственном аспекте, существующая не реально, фактически, а лишь в нашем сознании» [Луговая 2006: 7].

Вряд ли можно безоговорочно принять за точку отсчета данное утверждение, так как вполне естественно возникают вопросы, которые в рамках обозначенного подхода остаются неразрешимыми.

Первое, на что следует обратить внимание, – это ситуация, когда в естественном смысле, а также в момент гипноза, галлюцинаций мы также можем видеть *виртуальное пространство*, которое, кстати, воссоздает реальную действительность, но не на уровне *сознания*, а на уровне *подсознания*.

Во-вторых, резкое разграничение виртуального и реального пространства вряд ли возможно, так как скорее всего существуют некие пограничные зоны перехода реального пространства в виртуальное, и наоборот, виртуального – в реальное. То есть возникает некое состояние размытости.

Предположим, что утром, собравшись выйти из дому, вы подошли к зеркалу. То, что вы видите в нем, – все это создано по принципу отражения. Весь мир, наполненный образами, красками, отражается в

зеркале, являя собой самую простую, схематичную (мы бы отказались от слова *примитивную*) модель виртуального пространства.

Но вот вы вошли в комнату, где зеркал оказалось гораздо больше, чем одно. И вы видите зеркало в зеркале, множество отражений представляющих уже более точную модель виртуального пространства, устроенную по принципу фракталов, а может быть, и по принципу голографического изображения.

Свойство зеркального отражения по-разному реализуется в языке, художественной литературе.

Само понятие *отражение* занимает одно из приоритетных мест в философских, в эстетических концепциях. Небезынтересно в этой связи вспомнить стихи К. Бальмонта, в которых реальный мир – мир земной – трактуется как отражение иного мира, который, в свою очередь, является отражением опять-таки иного мира, существующего далеко за пределами земного – реального пространства:

Как красный цвет небес, которые не красны,
Как разногласье волн, что меж собой согласны,
Как сны, возникшие в прозрачном свете дня,
Как тени дымные вокруг яркого огня,
Как ответ раковин, в которых жемчуг дышит,
Как звук, что в слух идет, но сам себя не слышит,
Как на поверхности потока близина,
Как лотос в воздухе, растущий ото дня, –
Так жизнь с восторгами и блеском заблужденья
Есть сновидение иного сновиденья.

Несомненно, что сами предметы и само пространство в виртуальной реальности могут быть деформированы, искажены, преобразованы. Вспомним эффект кривых зеркал. И это только одна из разновидностей виртуального пространства. Нам представляется, что таких разновидностей может быть достаточно много.

Рассмотрим это соображение на ряде примеров.

Так, в БТС прилагательное *виртуальный*, ориентированное на понятия *виртуальное пространство* и *виртуальная реальность*, трактуется следующим образом: 1. *Спец.* Возможный, который может или должен проявиться при определенных условиях. *В-ые перемещения, изменения.* 2. Условный, кажущийся. *В-ая реальность.* [БТС 1998: 132].

Таким образом, в данной формулировке заложены два противоположных значения: 1) возможный, потенциальный, тот, что может проявиться, актуализироваться; 2) условный, кажущийся, но может проявиться или актуализироваться в любой ситуации.

Понятно, что в таком случае мы имеем дело с эвниомемией, когда один и тот же термин обозначает прямо противоположные значения.

Если в первом случае обозначена возможность перехода в реальность, то во втором случае потенциальности перехода в виртуальность. Они равны нулю.

Аналогичным образом трактуется прилагательное *виртуальный* в «Новейшем словаре иностранных слов и выражений»: 1) возможный; такой, который может или должен проявиться при определенных условиях, но в реальности не существующий ...; 2) созданный на экране компьютера; воспроизводимый компьютерными средствами» [НСИСВ 2002: 177].

Как и в первом случае, обращает на себя внимание противоречивость значения понятия *виртуальный*. С одной стороны, не существующий в реальности, гипотетичный; с другой стороны, созданный, существующий, хотя и в особой форме – в электронной, но в такой, которую мы можем наблюдать. Аналогично тому, как если бы пространство, созданное в сказке, было бы воссоздано в реальности – материализовано в каком-нибудь парке со сказочными героями.

Вырисовывается в некотором роде бинарность виртуального пространства – его бытие / небытие, существование / несуществование.

Примечательно то, что эта бинарность трактовок характерна для вошедших в БЭС терминологических словосочетаний, в состав которых входит прилагательное *виртуальный*. А именно: 1) *виртуальная память* трактуется как кажущаяся память ЭВМ, система запоминающих устройств; 2) *виртуальные перемещения* – это же, что возможные перемещения; 3) *виртуальные частицы* в квантовой теории поля – частицы в промежуточных состояниях, существующие короткое время. [БЭС 1998: 207].

Таким образом, научные представления о феномене *виртуального* вообще (не только пространства) также включают в себя взаимоисключающие представления, основанные на предположении *может быть/должно быть*.

Бинарность представлений о виртуальном достаточно полно проанализирована в монографии М.Т. Рюминой «Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность» [Рюмина 2006].

Концепция М.Т. Рюминой обладает рядом особенностей. Во-первых, у нее понятие *виртуальности* и *виртуальной реальности* идентифицируются. Во-вторых, анализируя генезис указанных понятий, она пишет, что понятие *виртуальной реальности* используется для описания реальности, создаваемой компьютерной техникой или СМИ. Между тем понятие *виртуальность* «всплыло в классической механике XVII века как обозначение математического эксперимента». Уже тогда «виртуальность» включала в себя двойственность: она была одновременно мнимостью и реальностью, нереальной реальностью, парадоксом. Это как бы сон наяву. Подробные феномены, объединявшие то и другое одновременно, были известны и раньше – это миражи, галлюцинации,

образы наркотического опьянения, безумия, разного рода видения и т.д. Это феномены, которые объединяют в себе онтологическую бессознательность (рождаются они из ничего), нереальность, и, в то же время, чувственную достоверность. Природа их гротескна, напоминает «кентавра»: «два в одном» [Рюмина 2006: 119].

Известно, что в середине 80-х годов XX в. бывший хакер Джарон Ланьер ввел в обращение в сфере компьютерных технологий термин «виртуальная реальность», который как нельзя лучше позволяет обозначить особую искусственную реальность, которая порождает иллюзию подлинной реальности, в которой нет необходимости полностью воспроизводить последнюю. Достаточно, если задействованы зрение, слух, осязание человека, сидящего за компьютером.

Виртуальность модифицируется то как искусственное, то как естественное явление. По Рюминой, в качестве естественного физического явления виртуальность в квантовой механике описывается как внезапное появление виртуальных частиц, возникающих из ничего, обретающих мимолетное существование и внезапно исчезающих, живущих короткое время. Теория квантового поля основывается на том, что все взаимодействия в нем представляют собой процесс обмена виртуальными частицами.

Вполне естественно напрашивается вывод о том, что «появление виртуальной реальности спонтанно, внезапно, напоминает «балансирование на грани», которое поддерживает режим актуализации хаотического состояния. Так, например, при «эффекте бабочки» система внезапно меняет свои параметры ... в состоянии «балансирования» между разными возможностями небольшой толчок в сторону одной из них несет с собой непредсказуемые последствия. Результатом такого состояния системы может стать явление бифуркации, которое в теории катастроф описывает явление «раздвоения» [Рюмина 2006: 120].

Как видим, в работах разного типа: в научных исследованиях, в справочной, учебной, научно-популярной литературе – указывается на двойственность значения термина *виртуальность*, которым обозначаются реальные и нереальные явления.

Чтобы наиболее точно определить значение термина *виртуальной пространства*, мы проанализировали общепринятую в отечественной науке трактовку понятия *пространство*.

Так, М.К. Шокуева считает, что «в современной научной картине мира пространство трехмерно. В языке на лексическом уровне также закреплена его трехмерность. Таким образом, пространство может быть описано в терминах «высоты» («глубины»), «ширины» и «длины» [Шокуева 2006: 7].

Трехмерность пространства – одно из самых распространенных представлений, характерных как для наивного восприятия, лежащего в основе обыденной рецепции мира, так и для научного типа мышления.

В БЭС, определяя термин *многомерное пространство*, составители пишут о том, что «реальное пространство трехмерно. Через каждую его точку можно провести три взаимно перпендикулярные прямые, но уже нельзя провести четыре». [БЭС 1998: 743].

Многомерность трактуется как органическое продолжение трехмерности: «Если принять указанные три прямые за оси координат, то положение каждой точки пространства определяется заданием трех действительных чисел – ее прямоугольных координат. Обобщая это положение, называют *n*-мерным евклидовым пространством совокупность всевозможных систем из *n*-чисел – «точек» этого пространства» [БЭС 1998: 743].

И в первом случае, когда речь идет о трехмерном пространстве, и во втором, когда мы имеем дело с характеристикой *многомерного пространства*, основополагающим оказывается математический стандарт, постулирующий наши знания о мире, задающий как наивную, так и научную картину мира. И это вовсе не случайно, так как математический стандарт, диктующий критерий научности знаний, глубоко проник не только в точные и естественные науки, но и в гуманитарные. Определяя понятие *пространство*, составители энциклопедии также не могут абстрагироваться от математических стандартов: «*Пространство* (матем.), множество объектов, между которыми установлены отношения, сходные по своей структуре с обычными пространственными отношениями типа окрестности, расстояния и т.д.» [БЭС 1998: 968].

Восприятие пространства как чего-то ограниченного обычными пространственными отношениями прочно укоренилось в лингвистических исследованиях: «Оно [пространство] осознается наиболее простым способом (достаточно в пределах данной ситуации простого движения головы и глаз)» [Гак 1998: 670].

Конечно, лингвистика, исследуя язык, опирается прежде всего на наивное восприятие.

Однако философская трактовка понятия более универсальна, всеобъемлюща. Она учитывает многообразие и единство мира: «*Пространство* – форма сосуществования материальных объектов и процессов (характеризует структурность и протяженность материальных систем) ... всеобщие свойства пространства – протяженность, единство непрерывности и непрерывности» [БЭС 1998: 968].

Необходимо отметить, что представления о *виртуальном пространстве* обозначаются не только терминами *виртуальность* и *виртуальное пространство*. Так, И.А. Мальковская, описывая новые принципы человеческого бытия и человеческой коммуникации (*сетевой, виртуальной, интерактивной*), указывает на то, что виртуальный принцип наиболее полно проявил себя в игровых ситуациях: детских, подростковых, деловых стратегических играх. По мнению Мальковской,

выражение «виртуальная реальность» превратилось в расхожую метафору далекую от научного понятия.

Новый виток виртуализации меняет статус телесности, сознания, статус личности и статус воли человека [Носов 1997: 2006].

К искусственным *виртуальным технологиям*, по Мальковской, относятся средства массовой информации, имиджевые технологии, пиратские технологии, компьютерные виртуальные технологии и т.п. Она также пользуется термином *виртуальная среда*.

Действительно, понятие *виртуального* не только прижилось в текстах разных функциональных стилей: научного, публицистического, разговорного, делового, но оно породило целое гнездо слов и словосочетаний, активно используемых в различных сферах.

В частности, в отечественной лингвистике понятие *виртуальный* используется достаточно давно.

В свое время в словаре О.С. Ахмановой было зафиксировано следующее значение терминолексемы *виртуальный*.

Виртуальный *англ.* virtual, *фр.* virtuel, *исп.* virtual. Мыслимый как элемент языковой системы, независимо от реализации, или актуализации, в речи; *противоп.* актуализированный. *Виртуальное понятие*. Виртуальный знак. То же, что знак потенциальный (см. знак). Виртуальная «морфологическая база» см. база. Виртуальная пауза. см. пауза. Виртуальная фонема. см. фонема [Ахманова 2004: 79].

В данном случае дается целое гнездо слов, обозначающих представление о системе языка в ее реально-виртуальной ипостаси, с одной стороны, и, с другой стороны, указывающих на инвариантно-вариативное устройство всей языковой системы в целом. Так, по мнению О.С. Ахмановой *виртуальный знак* противопоставлен *актуальному знаку* [Ахманова 2004: 158].

«База виртуальная <морфологическая> ... База, выделяющаяся не путем прямой ассоциации с другими членами данного морфологического ряда, а как бы косвенно, т.е. вследствие морфологизации другого элемента данной словоформы. Русск. мал-, смород- являются виртуальными базами, так как выделяются не непосредственной ассоциацией с другими лексемами, содержащими эти элементы, а вследствие морфологической выделенности суф. -ина» [Ахманова 2004: 62].

«Пауза виртуальная граница (стык) двух линейно расположенных элементов речевой последовательности как потенциальная точка реализации соединительной или разделительной паузы» [Ахманова 2004: 314].

В данном случае значение понятия *виртуальный* совпадает с потенциальностью, с возможностью/невозможностью реализации.

Фонема виртуальная трактуется у О.С. Ахмановой как инвариантная единица языка [См.: Ахманова 2004: 494]. Естественно при этом

предположить, что в инварианте как бы сходятся все потенциальные возможности, которые актуализируются или в тех, или в иных позициях, представляя всякий раз одну из возможных модификаций, в данном случае один из вариантов фонемы.

Понятие *виртуальное* зачастую используется в лингвистике. В частности, в лексической семантике, по мнению И.М. Кобозовой, термин «депотат» применительно к слову-лексема может иметь только виртуальное понимание [Кобозова 2004: 82]. В этом аспекте можно говорить о виртуальном пространстве словаря. Таким образом, возникает вопрос о том, каков же вообще пространственный континуум, вербализованный в языке.

В нем [пространственном континууме] «может быть выделено объективное пространство, представляющее собой отражение реального мира, пропущенное через восприятие субъекта» [Брусенская и др. 2005: 170].

Показательно то, что объективное пространство характеризуется как пропущенное через восприятие субъекта отражение реального мира, т.е. в одной точке как бы совпадают реальное и виртуальное. Пространственные характеристики приписываются именно вторичному, отраженному миру. На наш взгляд, принципиально важным здесь является указание на то, что отражение реального мира пропущается не через *сознание*, а через *восприятие* (восприятие шире: оно связано не только с сознанием, но и с более широким кругом явлений и процессов, «значная от простого осознания человеком того, что с ним в тот или иной момент его бытия происходит (спонтанное восприятие), до обобщения сенсорного или чувственного опыта в виде отражения окружающей нас объективной действительности и в образе мира и его отдельных фрагментов. Термин равно относится как к отдельным сенсорным актам, так и к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных, как к способностям человека выделять в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процесса, так и формировать их целостный образ, а также и к способностям членить, дискретизировать и структурировать сенсорные данные – весь поток обрушивающейся на человека информации и воспринимаемой им как множество разных материальных сигналов или стимулов» [Кубркова и др. 1996: 17].

Не случайно, таким образом, «пространственные характеристики могут приписываться понятиям, которые сами по себе не имеют пространственной природы, т.е. можно говорить о других видах текстового пространства: концептуальном, психологическом, социальном» [Брусенская и др. 2005: 170].

В этом случае возникает вопрос, применимо ли к данным видам пространства понятие реального/виртуального. Очевидно да, так как и концептуальное, и психологическое, и социальное пространства

представляют собой «превращенную форму», содержащую в себе все потенциальные возможности, которые могут реализоваться или не реализоваться.

В кандидатской диссертации И.Н. Грицкевич используется термин *синтаксическое пространство*, под которым понимается совокупность устойчивых синтаксических особенностей, характерных для индивидуального исследуемого его писателя [Грицкевич 2006: 10].

При этом она, формулируя понятия пространства, времени, континуума, опирается на отечественные традиции. В частности, на исследования И.Р. Гальперина: «Особые виды связи, обеспечивающие континуум, то есть логическую последовательность, темпоральную и/или пространственную взаимосвязь отдельных сообщений, фактов, действий И.Р. Гальперин назвал когезией» [Грицкевич 2006: 11].

И конечно же, всеобъемлющее представление о пространстве реальном и виртуальном, о мирах ментальных, воображаемых, об универсуме, а также о вербальных воплощениях названных понятий отразилось в исследованиях Ю.С. Степанова.

Так, в концепции Ю.С. Степанова используются термины *ментальные миры, воображаемый мир*.

Соотносятся ли они с понятиями *виртуальное/реальное* или являются компонентами иной, автономной терминосистемы?

По мнению Ю.С. Степанова, *ментальные (воображаемые) возможные миры* – это предмет логики.

Однако они существуют и как объект теории искусства. Они в то же время и часть нашей жизни, причем весьма существенная. В связи с этим Ю.С. Степанов пишет: «Что же касается роли ментального мира в жизни каждого из нас, – а ему принадлежат и «воздушные замки», – то она хорошо обозначена великим знатоком человеческой души Чарльзом Диккенсом: «Мы легче миримся с разорением нашего гнезда, чем с гибелью наших воздушных замков» [Степанов 2004: 217].

Мир (пространство), по Степанову, отраженный в языке и культуре, – это концепт, который модифицируется в результате расширения первичного концепта «Мир как обжитое место» то как «Ментальный мир», то как «Мир – Вселенная, Универсум». «И, как нередко бывает и в других случаях, прообраз этого процесса, его модель заланы самим языком в его внутреннем устройстве» [Степанов 2004: 219].

Взяв за точку отсчета две подсистемы в устройстве языка – семантику и референцию – он показывает, что в семантике процесс освоения мира прослеживается по линии грамматической категории «единичности – безличности», т.е. как бы по степени выделенности вещи из фона.

Возникает ситуация, когда внутренний мир человека осваивается по образу внешнего. «Но этот внутренний мир все еще не вполне

«ментальный», это – мир мыслей, логики, а мир неких внешних сил, вызывающих состояния духа и чувства» [Степанов 2004: 220].

«Референция, в отличие от семантики, имеет дело не с пространственной определенностью вещи, а с логической определенностью она во всех случаях, в общем, одна и та же, – определенная (ответ: здесь; логический ответ: пространство, определяемое словом *здесь*).

По линии референции мир также осваивается человеком от «себя», от ближайшего пространства, – к пространству «вне себя», к более дальнему. Но результатом освоения оказывается уже создание не «мира чувств», а подлинно ментального, логического мира» [Степанов 2004: 221].

В связи с этим Ю.С. Степанов выделяет три вида пространства, обусловленных дейксисом: 1) пространство 1-го лица, говорящего; 2) референционное пространство 2-го лица, слушающего; 3) референционное пространство 3-го лица, наиболее удаленное от непосредственных собеседников.

Обращаясь к ментальному расширению первичного концепта, Ю.С. Степанов приходит к мысли о том, что «ментальное, или «идеальное», или воображаемое, пространство формируется именно как пространство референции, т.е. в формах языка. Во-вторых, ему предшествует, под ним лежит ... пространство семантики, т.е. мыслимое именно как видимое пространство, в котором размещены «вещи». В-третьих, в семантическом пространстве выделяется, таким образом, некоторое ядро-концепт «место» [Степанов 2004: 222-223].

В этом ядре «место» и «вещь» соединены, что подтверждается формами языка, хотя в истории культуры существует также представление, когда место мыслится как «пустое пространство».

Эта мысль была в свое время детально отрефлектирована Аристотелем: «Место [существует] вместе с предметом, так как границы [существуют] вместе с тем, что они ограничивают» [Аристотель 1981: 132].

Действительно, прообраз этой идеи содержится не только у Аристотеля, но и в формах самого языка. Когда мы говорим «прибрежный камыш», то мы тем самым определяем признак существительного *камыш*, его отношение к месту.

Форма с предлогом «в лесу» наиболее отчетливо прочерчивает место, в котором кто-то или что-то находится.

В истории всех народов происходило освоение пространства мира, и это «расширение» фиксировалось в языке, параллельно с этим шел процесс создания «ментального, логического мира».

Когда наступает предел физического освоения, начинается мысленное освоение, перенос; экстраполяция уже известного на более отдаленные расстояния.

«Черты обжитого мира переносятся на гораздо более широкий мир, где человека нет и где он, может быть, никогда не будет» [Степанов 2004: 224].

Мы говорим: «Звезды светили на ночном небе». Тем самым мы обозначаем ситуацию, когда космос представляется человеку как бы наблюдаемым с земли. Там же, где-то далеко, в космосе, не будучи наблюдателя, находящегося на земле (или на планете Земля), теряет всякий смысл за пределами Земли. То есть мы как бы убеждаемся в том, что язык не только *антропоцентричен*, он *геоцентричен*. Его формы привязаны к месту обитания человека.

Индукция пространственных представлений, по мнению Степанова, в философской форме была завершена к XVII в. Однако развитие представлений о разных видах пространства в информационных технологиях, в нано-технологиях говорит в пользу того, что и философия вообще, и лингвофилософия в частности стоят на пороге открытий, которые смогут перевернуть наше представление о пространстве.

Революции в области естественных наук меняли наши взгляды на мир, а вместе с тем влияли и на язык. Революция в области духа, возможно, в корне изменит привычные представления о пространстве, повлияв при этом и на появление новых языковых форм, которые сегодня мы можем предположить только гипотетически.

Что же касается начальной точки отсчета – различения «мира» и «универсума», то в данной работе мы остановимся на различении, которое было введено Лейбницем, а позже развивалось в работах Я. Хинтиikka, С. Крипке и др. Интересно, что и в этом случае возникает дихотомия *возможный/невозможный* мир. Одна из работ Я. Хинтиikka так и называется «В защиту невозможных возможных миров» [Хинтиikka 1978].

Ментальные миры зачастую модифицируются как идеальные миры в художественной литературе, в других видах искусства.

Ю.С. Степанов указывает на то, что один из идеальных миров, описываемых в художественной литературе, – это остров.

«Остров как место, где существует прекрасный, непохожий на повседневный мир, – обычен для европейской литературы Нового времени, да, пожалуй, и для «европейского воображения» вообще» [Степанов 2004: 227].

Можно бесконечно приводить примеры из европейской и других литератур, но стремление к созданию идеального мира в результате художественного вымысла является, пожалуй, одним из основных типологических свойств искусства вообще.

Информационное пространство современной лингвистической лингвистики представляет усложненную полую структуру, включающую как различные компоненты знания, так и носителей этого знания, всю систему хранения, передачи и обработки лингвистической информации, ее

транслирования в социум, структуру, включающую каналы связи с другими информационными пространствами, содержащую множество объектов, между которыми возникает определенная иерархия отношений.

Пространство современной лингвистики – это особая форма существования лингвистического знания, система с бесконечным числом степеней свободы, способная как к компрессии пространства, так и к его расширению.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель 1984 – Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. Т. 4. – М., 1984. – С. 645-680.
2. Ахманова О.С. 2004 – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Изд-е 2-е, стереотип. – М.: Издательство УРСС, 2004. – 576 с.
3. Брусенская Л.А. 1997 – Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка. – Ростов-на-Дону, 1997.
4. БТС 1998 – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
5. БЭС 1998 – Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1998. – 1456 с.
6. Грицкевич Н.Н. 2006 – Грицкевич Н.Н. Структурные и семантические функции сочинительных союзов и их конкретизаторов (на материале прозаических текстов И.А. Бунина). Автореф. ... к.ф.н. – Ставрополь, 2006. – 22 с.
7. Грофф С. 2002 – Грофф С. Холотропное сознание: Три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь // Пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ, 2002.
8. Жеребило Т.В. 2007 – Жеребило Т.В. Лингвистическая парадигма в информационном пространстве современного языкознания. – Назрань: Пилигрим, 2007. – 192 с.
9. Лесков Л.В. 1994 – Семантическая вселенная. Вестник Московского университета. Серия 7, 1994, выпуск 2 и 4.
10. Луговая Е.А. 2006 – Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория (на материале эпосов Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец»). Автореф. ... к.ф.н. – Ставрополь, 2006, 22 с.
11. Мальковская И.А. 2004 – Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. – М.: Издательство УРСС, 2004. – 240 с.
12. НСИСВ 2001 – Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Минск, 2001.
13. Поболь О.Н. 1999 – Поболь О.Н. Синергетика техносферы и социокультурная динамика современности // Пилигрим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени: Сборник материалов. – М.: СПб., 1999.
14. Рюмина М.П. 2006 – Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. Изд. 2-е, испр. – М.: Ком Книга, 2006. – 320 с.

15. Степанов Ю.С. 2004 – Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
 16. ФС 1972 – Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. Изд-е 3-е. – М.: Изд-во политической лит., 1972. – 496 с.
 17. Шокуева М.К. 2006 – Шокуева М.К. Вербализация пространства и времени с позиции наблюдателя. Автореф. ... к.ф.и. – Нальчик, 2006. – 21 с.

КОРРЕЛЯТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ГЕНДЕРНО – ДЕТЕРМИНИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО И ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКОВ

М.М. Магамедова

Дагестанский государственный педагогический университет

Как известно, гендерные проблемы в лингвистике рассматриваются в разных ракурсах. Первый аспект касается специфических языков, в которых форма речи зависит от того, кто говорит (мужчина или женщина), к кому обращаются (женщине или мужчине) или учитывают оба этих фактора одновременно. Второй связан с отражением концепта пола в системе языка. Третий затрагивает вариативность гендерного поведения и объяснение возможных причин выявленных различий [Потанов, 2002: 103].

В связи с этим, раскрытие языковых стереотипов, связанных с понятиями «женщина», «женственность», выявление и коррелятивное описание лексических единиц (ЛЕ), номинирующих данные понятия в языке, является одним из важных направлений гендерных исследований в лингвистике.

Анализ понятий, называющих женщину и характеризующих её в сопоставляемых языках, позволил выделить несколько групп слов:

1) ЛЕ, обозначающие женщин по роду деятельности, по социальному положению и характеризующие их профессиональные качества. Сразу отметим, что в лезгинском языке слов, обозначающих по профессии или по социальному положению исключительно женщин, немного: *хьарбаби* – женщина, выпекающая хлеб; *фалчи* – предсказательница, гадалка; *мангчи* – повивальная бабка; *хьарум* – 1) госпожа; 2) белоручка, неженка и др.

Многие слова лезгинского языка, называющие женщин по профессиональной деятельности, употребляются и в отношении мужчин и подразумевают, прежде всего, мужчин: *муалым* – учитель, учительница; *духтур* – доктор, врач и др.

В русском языке количество номинирующих женщин по профессии слов гораздо больше, чем в лезгинском языке, хотя и здесь наблюдается

явное превалирование «мужской» лексики, т.е. слов, номинирующих мужчин: *манекеница, белошвейка, диспансер, визажист, дама, леди, домохозяйка, барышня, принцесса* и др. Многие слова, обозначающие традиционно женские профессии, гендерно не маркированы, т.е. употребляются в мужском роде, хотя, в основном, обозначают женские специальности: *фотомодель, топ-модель, визажист* и др.

2) ЛЕ, дающие нравственную характеристику, оценивающие нравственные качества: ЛЯ - *кабач* - 1) козломый безрогий козел, 2) перен. козочка (в отношении женщины); *кафттар* - 1) гниена, 2) старая, дряхлая; *кафттар* (*кафттар*) *кьари* - 1) дряхлая старуха, 2) баба-яга; РЯ - *чаровница, женственная, мегера, хищница, бестолочь, истеричка, изменница, наркоманка, алкогоничка, паучиха, фифа, стерва* и др.

3) ЛЕ, номинирующие женщин по внешности, по возрасту: ЛЯ - *кьешенг* – изящная; *назик* – нежная; *миллим* – милая; *тлаус*; *тлаус кьуш* – павши, яркая, самодовольная; *руш* – девушка, девочка; *наб* – женщина, жена; *кьари* – старуха, свекровь; *гьурьур* – гурья; РЯ - *женщина, девушка, красавица, богиня, русалка* и др.

4) ЛЕ, обозначающие женщин по семейному статусу: ЛЯ - *диде* – мать, бабушка; *бах* – мать, *вах* – сестра; *эме* – тетя, сестра отца; *хаза* – тетя, сестра матери; *свас* – невеста, невестка; *багьуз* – золовка; *хендеда* – вдова; *лишаву* – помолвленная и др.; РЯ - *мать, бабушка, теща, свояченица, кума* и др.

Статистический анализ понятий, номинирующих женщину в сопоставляемых языках, позволил сделать следующие выводы:

- И в лезгинском, и в русском языках имеют место явные гендерные асимметрии, т.е. и в том и другом языках слов, раскрывающих понятие «мужчина», гораздо больше, чем слов, раскрывающих понятие «женщина»;

- И в лезгинском, и в русском языках среди единиц, обозначающих женщин, наблюдается явное преобладание слов с положительной и нейтральной эмоциональной оценкой над словами с негативным значением. Причем соотношение это в сопоставляемых языках примерно одинаково. Так, в лезгинском языке положительно коннотированные лексические единицы составляют 75 % от общего количества слов, обозначающих женщин, против 25% слов с отрицательной эмоциональной оценкой. В русском языке эти показатели составляют примерно 77,1 % и 22,8 % соответственно.

Особенностью женской речи является более частое употребление ими лексических единиц, описывающих традиционно «женские» фрагменты окружающей действительности – ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, понятия из области моды и косметологии и др.

В лезгинском языке подобные различия в лексиконе мужчин и женщин более четко определяются и более последовательны. Как было

отмечено, наличие в современном лезгинском языке подобной лексической дифференциации, на наш взгляд, объясняется сохранением традиционного патриархального уклада жизни и распределения социальных ролей у лезгин, особенно в горных районах.

Слова лезгинского языка, составляющие активный лексический запас женщины и мало употребляемые мужчинами, образуют ряд тематических групп:

1. Выделяются так называемые женские «детские» слова, т.е. слова, которыми мать общается с только начинающим говорить ребенком: *бабаба* – 'байбай', междометие, убаюкивающее ребенка, отпугивающее его спать; *буф* – 'хлеб', *буь* – что-нибудь дурное, плохое; *дуду* – обозначение живности; *убаг* – 'улица', 'явор', *убагидиз ша* – 'пошла гулять'; *тертер* – 'пешком'; *лизи* – 'хороший'; *бим!* – 'исменно', 'чуть-чуть'.

Поскольку именно мать или женщины в доме занимаются ребенком, общаются с ним с самого рождения, именно для их речи подобные слова более характерны. Интересно, что и в русском языке детские слова (*бука*, *бака*, *цыпка*, *байбай*) чаще встречаются в женской речи¹.

2. Специфические бытовые условия жизни лезгинской женщины накладывают определенные особенности на формирование гендерной лексики, называющей предметы одежды: *банлан* повязка для удержания на голове чохты; *безек* 'украшение', 'наряд'; *буьме* складки одежды, гофрировка; *ган* 'передний подол платья'; *дубеьар* уст. покрывало невесты (из шелка); *калеьба* (*буьме*) тонкий шелковый головной платок, *кемер*, *камари* женский пояс с украшениями; *мазази* женский головной платок из тонкого шелка; *филе* женский головной убор треугольной формы, в основном из простой материи; *шуткуь* 'чохту, женский головной убор'.

В русском языке также можно выделить названия предметов женской одежды, практически не употребляемые мужчинами, за исключением тех из них, кто занимается ими в силу профессии (кухотье и т.д.): *шаголь*, *тренкот*, *кардиган* и др.

3. Плат специфически женской лексики представляют собой и названия предметов и понятий, связанных с рукоделием: короткошестом, вязанием, вышиванием, шитьем – неизменными атрибутами жизни женщины лезгинок. Это слова, обозначающие различные приспособления для работы, названия различных видов ткани, пряжи, узоров на коврах и др.: *абхар* голубая пряжа; *акван* синяя; *батист* батист; *баци* строчка, шов; *гилебатун* – позолоченные шелковые нитки; *дере* тафта (род шелковой материи); *жесгерар* (*жесгре*) алая пряжа; *бибиз* *жесгре* розовая пряжа; *зарлу хара* шелковая материя с золотыми узорами; *ручун* делать основу

¹ Отметим, что здесь мы не рассматриваем гендерные различия в употреблении т.н. «детских» слов мальчиками и девочками.

для тканья; *ган ручун* делать основу для ковра; *хара* парча, муар; *хун* бязь; *хьитер* желтая пряжа; *цваз* стезок, шов;

4. Особенностью женской речи является и более частое употребление названий предметов и понятий, связанных с домашним обиходом, приготовлением пищи. В эту достаточно большую группу входят такие единицы, как: *базламач* крутлый тонкий хлеб из кислого теста; *булама*, *тан* молозиво; *гьаргьала* металлический скребок (для очистки квашни от теста); *гьвар* закуска для теста; *кьаб-кьаж* посуда; *кьазах* корка (например, на кислом молоке); *кьужун* подниматься, набухать, *тин* *кьужунава* тесто поднялось; *киар* скалка; *кьач-кьач* (*куак-ваз*) комок теста, *кьач-кьач ханла* затируха; *фирчи* круглая плоская дощечка, на которой раскатывают хлеб и сажают в печь; *хьирган* посуда, в которой хранится закуска; *кьуба* наперсток; *гьети* горшочек (повешиваемый под люльку для скопления мочи); *тагар* матерчатые ремни (используются для пеленания детей в колыбели); *хекендз* совок; *зубдуб* большая игла (круглая или трехгранная) и др.

5. Отдельную группу представляют различного рода обращения женщин друг к другу в лезгинском языке: *ярун* обращение женщины к ровеснице или младшей по возрасту; *чана* милочка, обращение к сверстнице; *кьейди* (бука, умершая) обращение к женщине или девушке; *ханум* госпожа, обращение к женщине и др.

Различия в употреблении обращений мужчинами и женщинами имеет свои особенности и в русском языке. Так, если в мужской речи отмечается большее разнообразие обращений (таких как *мамаша*, *папаша*, *братан*), для женской речи характерно употребление уменьшительно-ласкательных слов: *милочка*, *зайка*, *деточка*, *голубушка*, *панюшка* и др.

6. Отдельную группу образуют междометия, свойственные женской речи: *дуду!* цып-цып (возглас, которым созывают кур и другую домашнюю птицу); *дес!* удивление; *кьи* крик, которым прогоняют кур; *ву-у!* *ву!* – удивление, в речи женщин и др.

Следует отметить, что большое количество междометий в отличие от мужской речи, отличительная особенность женской речи вообще, а не только речи женщины-лезгинки. Эмоциональность является одним из общепризнанных свойств женской речи. Интересно, что в русском языке, как отмечают, женская речь отличается также более частым, нежели у мужчин, употреблением так называемых прощессивов, т.е. элементарных сигналов внимания, таких как: *ага*, *узу*, *тах*, *да* [Белыева, 2001].

Как можно заметить, в целом элементы языковых различий в зависимости от пола говорящих наблюдаются в обиходных сопоставляемых языках. Так, женщины в своей речи широко используют также просодические средства, как придыхание, лабиализация, назализация и др. (*Он та-акой симпатичный!*). Эти средства обычно передают различные оттенки эмоционального состояния, отношения к рассказываемому.

Мужчины чаще прибегают к лексико-грамматическим средствам. В современном русском обществе мужчины и женщины по-разному приветствуют друг друга, по-разному обращаются друг к другу.

В лезгинском языке различия носят, на наш взгляд, скорее качественный характер, т.е. употребление некоторых единиц (приветствий, пожеланий, формул речи) регламентируется полом говорящего, что обусловлено, на наш взгляд, традиционными гендерными отношениями в обществе и специфическими условиями быта лезгин.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беляева А.Ю. Речь и речевое поведение мужчин и женщин // <http://hclub.cluster.sgu.ru/lingvistic/14.html>
2. Горошко Е.И. Гендерные исследования в языкознании (к проблеме становления метода). // <http://www.genderstudies.info/lingvo/lingvo1.php>.
3. Гюльмагомедов А.Г. Гендерная лингвистика, или лингвистическая гендерология (К проблеме исследования на материале дагестанских языков) // Языкознание в Дагестане. Махачкала, 2004 №7. – С.5-16.
4. Кирилина А.В. 2000 - Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты) // ОНС, 2000, № 4. С.138-143.
5. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
6. Перехвальская Е. Гендер и грамматика // Материалы международной научной конференции «Язык – гендер – традиция», 25-27 апреля 2002.
7. Потапов В.В. 2002 – Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания. 2002. №1. с. 103-130.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ НЕСКЛОНЯЕМЫХ ИМЕН

Л.А. Мельникова

Астраханский государственный университет

В лингвистических исследованиях последних десятилетий приобрела значимость идея «скрытой» грамматики, утверждающей, что «основную нагрузку в плане выражения грамматических отношений несут не словоформы, а внутренние связи – типы значений, их принадлежность к тому или иному разряду, типы сочетаемости слов и т.д. «Все понятия, с которыми в изобилии имеет дело описание языка, как множественное и единственное число, настоящее, будущее и прошедшее время и т.д., являются категориями подразумеваемого содержания, и, будучи совершенно независимыми от языковых средств их выражения, они связаны между собой прочными взаимоотношениями, которые не

меняются от того, что в каком-либо языке угадываются только из контекста либо выражаются не грамматическими средствами» [Koschmieder, 1965: 19].

Возможно, именно в плоскости «скрытой» грамматики находятся ответы на важнейшие вопросы языкознания, а наиболее подходящим средством, неким «ключом» к освоению этой области могут оказаться так и не принятые традиционной грамматикой несклоняемые слова-исключения. Наблюдения показывают, что восприятие категорий рода, числа и падежа несклоняемого имени в речи часто не зависит от грамматического оформления соседствующих с ним частей речи. Чтобы понять, как грамматические категории воспринимаются вне формальной отнесенности, следует проникнуть за материальную оболочку слова, в область смысловых категорий, которые образуют семантическое поле компонента высказывания. Показательны в этом отношении способы выражения одной и той же языковой формой несклоняемого имени разных речевых значений. Механизм актуализации частных сем рассматривается на примере функционирования несклоняемого существительного *регби* в статье «Регби – правильный вид спорта» («Литературная газета» № 22 от 30 июня 2007 г.):

- 1) *Регби – один из самых популярных видов спорта.*
- 2) *Регби было причислено к «буржуазным» видам спорта.*
- 3) *Регби заводит наших студентов.*
- 4) *Регби заводит свои традиции.*
- 5) *Весь курс увлекается регби.*
- 6) *Регби в отداю все свободное время.*

При сопоставлении всех приведенных употреблений слова *регби* методом компонентного анализа выводятся две общие семы: «спортивная командная игра с овальными мячом» и «вид спорта». Эти семы не изменяются во всех контекстах, поэтому мы назовем их постоянными, основными признаками понятия. В зависимости от знаний и представлений носителя языка об этом виде спорта, возможна актуализация дополнительных частных сем: «разновидность футбола», «игра руками и ногами с использованием защитной амуниции», «игра американского происхождения» и др. Противопоставив семантически поля первых двух форм И.п., можно обнаружить незначительное перераспределение сем во втором номере: из числа дополнительных на первый план вышел компонент «игра американского происхождения» («американский футбол»). Причиной актуализации частного значения, вероятно, послужило определение *регби* как «буржуазного» вида спорта. Осмыслив следствия этого явления, приходим к выводу, что отражение количественных отношений действительности не изменилось – изменилась картина наших представлений, ассоциаций, изменился ракурс на данное понятие. Это сравнимо с эффектом kaleidoscope: незначительное

смещение мельчайшего стеклышка в объективе игрушки изменяет целостную картину видения, создает новый узор.

На примере двух следующих фрагментов проследим взаимодействие семантического поля глагола с существительными разных категориальных разрядов.

Регби заводит наших студентов / Регби заводит свои традиции.

Предложения имеют сходную синтаксическую структуру, но в содержательном плане их структуры резко расходятся. Семантико-грамматический анализ показывает, что сообщения отличаются друг от друга не только лексическим наполнением формы винительного падежа, но и принадлежностью этих лексем к разным категориальным разрядам. *Студенты* – конкретное понятие, означающее группу лиц определенного рода занятий. Понятие *традиции* абстрактно, оно называет не предметы, а установленный обычай, принятый определенным кругом лиц порядок общения, взаимоотношений, совместного времяпровождения, отличающийся регулярностью, повторяемостью и т.д. Каждое из этих значений вполне может выступать в роли объекта речи, но возможность их употребления с одним и тем же глаголом представляется сомнительной. Рассмотрим содержательные особенности глагола. Основное его значение связано со словом «вести»: заводить – «вести за что-либо». В словаре С.И.Ожегова отмечено еще 8 производных значений, которые проявляются (актуализируются) в определенных контекстах. Проследим процесс актуализации категориальных значений лексемы в условиях речевой реализации:

Фиксируя момент формирования смысла высказывания, отметим, что актуализация одного из значений глагола наблюдается при соединении с объектом речи. При этом обнаруживается совместимость двух лексем и некий «мостик» взаимной связи в одном лишь значении предиката. В первом случае: «дает энергию, приводит в активное состояние, веселит». Однако в словарном перечне полученного варианта значения нет. Наиболее близким является следующий: «привести в движение, пустить в ход (механизм)». Мы наблюдаем явный перенос смысла с «механизма» на одушевленный предмет, т.е. имеет место метафора. Совмещение данного контекста со словом *заводит* придает сообщению выразительность и комичность, заключенные в действительной аналогии: «заводить часы» – «заводить студентов». Думается, что такое употребление, скорее всего, попало в СМИ из уст представителей молодого поколения, для которых язык является одним из средств самовыражения и самоутверждения.

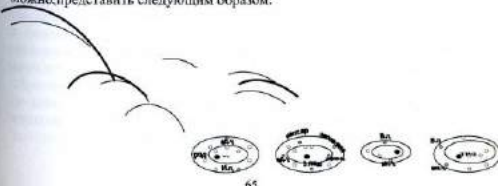
Во втором случае лексемы *заводит* и *традиции* являются совместимыми в значении предиката: «организовывать, устанавливать ч.-л.». Эта сема взаимодействует с основным значением зависимого существительного «обычай, порядок в поведении». При этом происходит смысловое сращивание компонентов и установление соответствия смысла сообщения логике вещей.

Можно предположить, что в семантическом поле понятий присутствуют и грамматические семы: числа, падежа, лица, времени, залога и т.д. Тестирование данных конструкций на предмет актуализации такого рода сем:

Регби заводит студента традиции

показывает, что потенциальные грамматические значения распределяются при формировании сообщения в тесной связи с семантическими отношениями, заявленными мысленным образом говорящего, в данном случае – субъектно-объектными. В связи с тем, что субъект речи означает единичное неодушевленное понятие и характеризуется внеотнесенности к временному промежутку, т.е. постоянным действительным признаком, то предикат принимает форму 3 лица, ед.ч., настоящего времени. Т.к. предикат означает «приводить в действие что-то», т.е. предполагает присоединение объекта действия, то отпущенное говорящим для этой роли слово (уже во мн.ч., поскольку означает «группу лиц») принимает форму В.п. В омонимичном предложении, взятом в сравнении с предыдущим, в экспериментальных условиях наблюдается изменение смысла высказывания с присоединением к предикату нового объекта речи. Поскольку он означает «обычай, порядок», которые в силу своей абстрактности не могут производить физические действия, то имеет место повторное обращение к глаголу, в семантическом поле которого моментально актуализируется (причем без мысленного перебора) другая сема: «устанавливать, организовывать», после чего фиксируется логическое соответствие. Вне лингвистического сравнения, т.е. в живой речи, актуализация сем происходит также поступательно, как описано в первом случае.

Картину актуализации потенциальных значений лексемы в речи можно представить следующим образом:

Каркас сообщения состоит из последовательной цепочки понятий, совместимых между собой средствами семантических категорий, присущих любому понятию. Арсенал этих категорий составляет ядро лексемы и имеет неоднородный по своей значимости состав: основные, опорные, неизменные в любой интерпретации семы и частные, второстепенные, проявляющиеся лишь в некоторых контекстах. В периферийной области семантического поля лексемы содержатся ряды словоформ, потенциальные грамматические значения, обеспечивающие формальную совместимость понятий. С момента появления мысленного образа сообщения в сознании говорящего до момента его озвучивания проходят доли секунды, поэтому разложить процесс формирования сообщения на последовательные этапы во временной протяженности очень сложно. Но механизм этого процесса вне временной характеристики воссоздать можно. Итак, определенная последовательность понятий, намеченных говорящим для коммуникативной цели еще до своего оформления, не лишена смысла: *режи-заводить-традиции*. В пользу этого утверждения можно привести другие примеры: *она-работает-учитель / ничто-не-предвещает-гроза / отец-хранит-много-фотография-война*. Следовательно, логический ряд лексем способен передать содержание сообщения и без помощи элементов формы. Однако это не умаляет роли формальных показателей в русском языке, а убеждает в способности понятий устанавливать смысловые связи при помощи своих внутренних средств, называемых семантическими категориями.

В двух следующих примерах из СМИ *Весь курс увлекается режби / Режби я отдаю все свободное время* НИ употреблено без зависимого определения, следовательно, никаких указаний на синтаксическую форму *режи* не имеется. В I предложении НИ управляется однообъектным глаголом, который может сочетаться только с формой Т.п. Второе предложение осложнено непрямым порядком слов. Это может создать двусмысленную ситуацию, поскольку, попадая в начало конструкции, существительное с повелительной формой становится претендентом на роль подлежащего. Но, как показывает семантико-грамматический анализ, восприятие двух следующих за *режи* компонентов уже ставит все на свои места. Предикативное ядро согласовано в числе, лице и падеже, а семантическая категория глагола открывает две возможные позиции для остальных существительных: В.п. и Д.п. Конкурируя со словом *время* (на роль объекта), *режи* тоже терпит неудачу, т.к. конкурент формально и семантически не соответствует адресату и, в итоге, несомненное имя закономерно занимает отведенную ему смысловую нишу. Следовательно, семантические категории компонентов высказывания, а также формальная согласованность окружающих лексем не позволяют НИ претендовать на занятые синтаксические позиции и выступают гарантами адекватного восприятия сообщения, содержащего подобные существительные.

Анализ речевых фрагментов показал:

- 1) неоднородность семного состава компонентов высказывания:
 - а) значения, относящиеся к понятию (основные и второстепенные);
 - б) значения, относящиеся к форме;
- 2) переменный характер участия этих значений в формировании сообщения;

- 3) асемантичность грамматической категории рода;
- 4) способность ядерных (понятийных) элементов значения образовывать прочные смысловые связи, позволяющие передавать суть высказывания без помощи формальных показателей.

На примере функционирования НИ четко просматривается связь и взаимобусловленность семантики и грамматики в русском языке. В ходе анализа удалось установить следующую закономерность: без восприятия показателя грамматической формы, нам трудно дать лишь количественную характеристику предмета (ограничить виртуальное понятие), тогда как понять его роль в высказывании и отношение к другим участникам события достаточно легко; с другой стороны, если легко воспринимаются, например, косвенно-объектные отношения в словосочетании (*увлекается режби*), то не составляет труда догадаться о форме неизменяемого слова и его синтаксической функции. Отсюда вытекает предположение, что лексико-семантические категории слов в коммуникативной цепи создают самостоятельную в содержательном плане конструкцию, которая уже предполагает синтаксические роли компонентов и нуждается в формальной коррекции лишь отчасти, локально и сообразно авторским акцентам.

Последний пункт результатов анализа, возможно, содержит объяснение функционированию несклоняемых имен в русском языке вопреки правилам грамматики. Подобно тому, как мы понимаем речь иностранца, пытающегося выразить просьбу неформальными лексемами, угадывается и общий смысл любого коммуникативного отрезка, в котором понятия объединены в пропозицию (семантическую модель), отражающую суть высказывания. Компоненты пропозиции, взаимодействуя между собой, образуют первичную, общую структуру сообщения, необходимо требующую уточнения, конкретизации для создания полной, исчерпывающей картины события. Элементами конкретизации являются второстепенные компоненты высказывания, а также формы слов, т.е. их грамматические значения, призванные представить участников пропозиции в объемном видении (во времени, пространстве и отношении друг к другу). Неформальная цепочка понятий передает отчетливый образ ситуации в плоскостном, одномерном изображении, лишь обозначая ее в виде схематического наброска. Принимающий эту информацию может немедленно добавляет в нее формальную составляющую, приводя в соответствие детали реального события и придавая плоскости

недостающую глубину. Несклоняемое имя, в силу своей словообразовательной особенности, лишено возможности получить формальную примету, следовательно, остается в плоскости семантики, тогда как окружающие флексивные компоненты демонстрируют многоаспектные отношения к реальности в передаваемом событии. Таким образом, семантические категории, скрытые в лексических значениях слов, определяют способность лексем взаимодействовать в линейной конструкции и создавать основу для синтаксических связей, что позволяет несклоняемым существительным, обладающим лишь ядерным лексическим потенциалом, выполнять различные синтаксические функции в простом предложении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Е.Косчмieder, «Beitrage zur allgemeinen Syntax», Heidelberg, 1965, s 19.

ГЛУБИННЫЕ ПАДЕЖИ В СИСТЕМЕ ЭРЗИ-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

Н.М. Мосина
МГУ им.Н.П. Огарева

В силу своего универсального характера глубинные падежи относятся к разряду важнейших понятийных категорий. Интерес к ним обнаруживается уже в древности. Панини применял термин *kaṅaka*, что значит «фактор», «актант». В числе содержательных элементов упоминаются «действие», «объект», «инструмент», «местонахождение» и др. Термин Панини в измененной форме используется и в современных исследованиях. В частности, В.П. Леман применяет название «К-категория» для обозначения существительного в одном из восьми падежей: прямого дополнения, реципиента, деятеля (агенса), средства (инструмента), времени, места, источника образа действия [1]. Тонкие наблюдения над функционально-семантической стороной языка высказывались Аристотелем. Ученый, в частности, отмечал, что падежи характеризуются многозначностью.

Вопрос о количестве и значении падежей является одним из наиболее спорных моментов в падежной грамматике. Хотя названия глубинных падежей в разных концепциях часто совпадают, это не значит, что они равнозначны по содержанию. И, наоборот, разные названия иногда отражают близкие по сути значения. Как известно, одной из причин существующих разногласий является то, что любому семантическому исследованию присущ элемент субъективизма. Глубинные падежи с приписываемыми им значениями носят в определенной степени условный

характер, что и порождает многочисленные подходы к их интерпретации [2]. Недостаточно разработаны критерии выделения глубинных падежей. В результате, в разных концепциях количество глубинных падежей варьируется от 2 до 50 и более.

Высказывается мнение, что количество глубинных падежей на должно превышать двух десятков. Глубинный падеж - это мыслительная категория.

Как известно, количество основных понятий языка и логики ограничено 10-12 единицами. Например, «число частей речи колеблется в различных теориях от двух до двадцати, средняя величина - десять традиционных частей речи в русском языке» [3]. Лингвисты стремятся создать универсальную систему падежей, пригодную для описания разных языков, для того, чтобы обеспечить надежность подобных описаний, число семантических функций, по мнению некоторых авторов, должно быть увеличено. Поэтому более общие функции подвергаются дроблению на более узкие, что соответственно увеличивает количество функций в целом.

Родоначальник глубоко-падежного подхода к семантике Ч. Филлмор в своих трудах неоднократно меняет состав падежей (от 5 до 8), называя в их числе агентив, датив, локатив, инструментив, объектив и некоторые другие [4]. Среди отечественных лингвистов к глубоко-падежной теории Ч.Филлмора тесно примыкает концепция В.Г. Гака, согласно которой, глубинная структура может включать в себя следующие семь реальных актантов: субъект, объект, адресат, субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса, пространственный конкретизатор, временной конкретизатор, субстанция, которой принадлежит или часть которой составляет субъект или объект. В.В.Богданов ограничивается перечислением 14 семантических функций, в число которых входит агентив, пассивив, бенефициатив, экспириенсив, локатив и др. [5].

В.В.Богданов все перечисленные им семантические функции объединяет в три группы с точки зрения их отношения к семантическому признаку одушевленности/неодушевленности [5]. Л.А.Львов все типы семантических актантов делит на три группы согласно тому, в какой степени семантические актанты, отображающие предметы, обуславливают описываемую в предложении ситуацию. [6]. В первую группу входят актанты, известные в литературе под названием агенса, номинатив, элемента (сила), причина, инструментив и др. Вторая группа состоит из актантов, отображающих предметы, которые причастны к описываемой в предложении ситуации, но не обуславливают её. Сюда относятся объект, пассивив, бенефициатив, экспириенсив, результатив и другие актанты. В третьей группе - актанты, отображающие ориентиры предметов, которые причастны к описываемой в предложении ситуации, в числе которых локатив аблатив, адлатив и др. [6].

При построении классификации берется как признак одушевленности, т.е. выделяют «субъект» и «объект», так и признак «активная деятельность», т.е. «агенса» и «пациенса». В силу их взаимодействия друг с другом, выделяются глубинные падежи с более конкретными ролями, а именно:

- 1) Агентив, Каузатив, Элементив, Бенефициатив, Экспериментив, Дескриптив, Комитатив.
- 2) Пациентив, Объектив, Перцептив, Результатив, Делибератив, Инструментив, Мобилитив, Локатив.

Агентив (агенса) – глубинный падеж со значением активного одушевленного деятеля. Большинство исследователей признает в качестве главного партиципанта какое-либо действующее лицо, агента. К характерным признакам агента относят то, что он всегда является производителем действия, управляет им и ответственен за совершенное. Действие агента, как правило, направлено на пациента или объект, который в результате совершенного воздействия меняет свое состояние. Для осуществления своей деятельности агент может использовать как свое тело, так и какую-либо вещь, предмет. Среди характеристик агента У. Чейф называет потенционность, т.е. способность иметь свою собственную силу для осуществления деятельности. Потенционность во многом совпадает с понятием одушевленности [7].

При рассмотрении особенностей функционирования агента часто возникают сложности при разграничении таких понятий как «активность – инактивность», «произвольность – непроизвольность», контролируемость – неконтролируемость». А.В. Бондарко использует термин «агенсаивность» вместо «активности» [8].

В зависимости от условий протекания события агент в одних случаях действует намеренно, а в других – нет. Если агент производит какую-то деятельность намеренно, то он выступает и как инициатор, и как исполнитель действия. Субъект в данном случае стремится к достижению конкретной цели, результата.

Агентив – это глубинный падеж, который обозначает любого одушевленного партиципанта, осуществляющего физический акт, акт коммуникации, акт психологического воздействия или акт мыслительно-волевой деятельности. В зависимости от обстоятельств деятельность агента может быть как намеренной, запланированной, так и спонтанной. В любом случае агент сам осуществляет ее, нередко оказывая воздействие на окружающую его обстановку, т.е. он является активным партиципантом события. В роли агентива могут использоваться различные наименования животных.

На материале эзянского языка агентив в предложении может выражаться следующими средствами:

- 1) Собственное имя существительное в форме номинатива:

1) *Misha karmas' alashat'n'en' purdano l'ija jonov.* [9] 'Миша начал поворачивать лошадей в другую сторону'.

2) *An'uta tus' ban'a ushtomo, c'orin'es' martonzo mol's', c'orin'en't'en, An'uta pr'ikazi* [9] 'Анюта пошла топить баню, сынок вместе с ней пошел, Анюта сыночку приказывает'.

3) *Mixall Ivanovich mol's' n'in't' vokss di mer's'* [10] 'Михаил Иванович подошел к жене и сказал'.

2) Нарительное имя существительное в форме номинатива как определенное, так и неопределенное склонения, например:

1) *L'iv'as' s'ijev varaka* [9] 'Летела вишняя ворона'.

2) *Baran di katka tus't' v'ir'ev* [9] 'Баран и кошка ушли в лес'.

3) *Ovtos' tago sas', tago mor's'i* [9] 'Медведь снова пришел и снова поет'.

4) *V'es'e ban'as't' nar'azhiz' od t'ej'er's' di od'goras', nar'azhiz' v'el't' maziste.* [11] 'Всю баню украсили молодая девушка и молодой парень, украсили очень карсиво'.

5) *Kiskat'n'e kadiz' azorost, a sin's' tus't' kudon't'en.* [9] 'Собаки оставили своего хозяина, а сами зашли в дом'.

6) *Mol's' ved'en' kandomo vishka sazoros'* [9] 'Пошла принести воду младшая сестра'.

7) *C'oras' mijs' v'ir'ste kudo, a- mazigado p'eshks'e.* [11] 'Парень нашел в лесу дом, полный нечестью'.

Имя существительное также может выступать с притяжательным суффиксом, что является характерной чертой для финно-угорских языков.

8) *A n'ize m'er'i* [11] 'А жена (его) говорит'.

9) *Mon' braton es'i mer'e varshamodo.* [9] 'Мои братья не велели смотреть'.

10) *Omboe' chisten't' avazo tago mol's' tago kevks't'n'i.* [9] 'На следующий день мать (его) снова пошла, снова спрашивает'.

3) Местомимие. В роли агентива могут выступать личные, указательные, вопросительные, усилительно-личные местоимения в форме номинатива. Личные местоимения могут опускаться, и субъект указывается через личное окончание глагола-сказуемого, например:

1) *Son mol's' mol's' di ban'as't'en' sovas'; ban'as't' v'el't' p'ek nar'azhaz'* [11] 'Он шел, шел, и в баню зашел, баня очень сильно украсива'.

2) *Son jalaksos't' tago kudus kadiz'e.* [11] 'Он младших братьев (его) снова дома оставил'.

3) *A n'e val'mava vanit'; pop di popad'ija, lanhgonzono.* [11] 'А те в окно смотрят, поп и попадай, на него'.

4) *T'e m'er'i* [11] 'Этот говорит'.

5) *Tona tus' kas'kas.* [11] 'Тот полез в подполь'.

6) *K'ije v'ed' lanhga sed' sed'i uz'er'ev't'em'e rubanhkavomo?* [11] 'Кто по воде мост мостит без топора и рубанка?'

7) *Me'z'e alov kasi?* [11] 'Что внос растер?'

8) *Son's' van's' kartan't' langs, konason't' n'ev't'ez'el', koda aravtos' frontos'*. [10] 'Сам посмотрел на карту, на которой было показано, как расположился фронт'.

9) *Uches' t'ej't'er'n'es', a si k'ijak*. [11] 'Ждала девочка, не идет никто'

10) *Veshn'es' paro chavto*. [9] 'Искал (он) хорошее дерево'.

4) Субстантивированные причастия действительного залога настоящего времени:

1) *Pachkoc't' pan'ic'at'n'e*. [9] 'Добравшись пастухи (гонящие)'.

2) *Pan'ic'at'n'e kevks't'iz'* [9] 'Пастухи (гонящие) спросили его'.

3) *Sajs' n'il'e v'ei'e kar'ksk'e i tus' i'kshe- laikat'n'eva, er'va m'ikshn'ic'as' t'er'd'i ejsejce*. [11] 'Взял четыре, пять завязок и пошел по лавкам, каждый продавец (продающий) приглашает его'.

4) *Konfor'en'c'ijav sic'at'n'e t'eshkatz' shito sin' purnavs't' a stuvoviks shkasto* [10] 'Приехавшие на конференцию отметили, что они собрались в незабываемое время'.

5) *Son uchos' z'ardo sic'at'n'e ojs'es't'* [10] 'Он ждал, когда приехавшие рассядутся'.

6) *Odon' veshn'ic'as' ar's'ez'eva, mejse di koda shl'ams butilkin'et'n'en' komat'n'en' ejste a sajevi rudazos' ved'en' strajan't'en'* [10] 'Идущий новосе задумался, чем и как вымыть бутылки, из которых не берется грязь под струей воды'.

5) Комплетивные словосочетания, в состав которых могут входить указательные местоимения и числительные:

1) *S'et'n'e kolmo lomai'n'e tus't' id'em'enze*. [11] 'Эти трое человек пошли его спасать'.

2) *Kolmo lomai'n'e s'et'n'e mol's't' t'ej't'er'in't'en, m'er'it' t'ej't'er'in't'en*. [11] 'Трое человек эти пошли к девушке, говорят девушке'.

3) *L'iv't'it' kolmo jaks'argot*. [9] 'Легат три утки'.

4) *Kavto sazortce orshn'iz' panarost di tus't' l'iv't'az'*. [9] 'Две сестры надели рубашки (свои) и полетели'.

Как показывает проведенный анализ агентов как одушевленный активный участник в системе глубинных падежей на материале эзянского языка выражается: 1) именами существительными (собственными и нарицательными) в форме номинатива в определенном и неопределенном склонении, с possessivными суффиксами; 2) личными, вопросительными, указательными, усилительно-личными местоимениями в номинативе; 3) субстантивированными причастиями действительного залога настоящего времени в номинативе; 4) комплетивными словосочетаниями, в состав которых могут входить числительные и местоимения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Леман В.П. Из книги «Противоисвропейский синтаксис» // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 21. – М.: Прогресс, 1988. – С.351-408.

2. Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий. Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С.3-52.

3. Ольшанский И.Г. «Глубинные падежи и контекстная семантика // Контекстная семантизация лингвистических единиц. Вып. 238. – М., 1984. – С. 166-182.

4. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369-394.

5. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – М.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204с.

6. Львов Л.А. О семантических акцентах в английском языке // Теория и практика структурно-семантического анализа текста. – Владимир, 1988. – С.52-61.

7. Чейф У. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 432с.

8. Бондарко А.В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. – С-П.: Наука, 1992. – С.29-70.

9. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. // Науч. - исслед. ин-т Мордов. АССР / под общ. ред. Н.И. Бояркина и др. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983.

10. Литературно-художественный журнал «Сяtko», № 5. - / Гл ред. Аранов. - Саранск: тип. «Красный Октябрь», 1982. – С. 16-47.

11. Paasonen, H. Mordwinische Volksdichtung. Bd. I. VIII. Helsinki, 1938-1981.

ПОНИМАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е.В. Шведова

Кемеровский государственный университет

Поведение коммуникантов в процессе общения преследует определенные цели, достижение которых невозможно без стратегического и тактического планирования деятельности. Исследования показали, что речевая деятельность в большинстве случаев мотивируется неречевыми целями и задачами. В связи с этим выделяются два наиболее важных типа целей, которые имеет в виду говорящий: результат (эффективность) своего сообщения, т.е. общая стратегия речевой деятельности говорящего и более частные способы достижения коммуникации (конкретные тактики), которые соответствуют той или иной ситуации общения.

Изучением коммуникативных стратегий и тактик занимались многие отечественные и зарубежные ученые [Гоффман, 1959; Демьянков, 1982;

Дейк ван, Кинч, 1988; Сухих, 1986; Троянов, 1991; Тарасова, 1992, 1993; Верещагин, Раймайр, Ройтер, 1992; Плотникова, 1998, 2000, 2006; Иссерс, 2002).

Первым, кто осуществил научный анализ стратегий, используемых говорящим, был Э. Гоффман, который утверждал, что любое взаимодействие людей в процессе общения является стратегическим (strategic interaction). В качестве отправного пункта для стратегического взаимодействия провозглашается непосредственное присутствие людей рядом друг с другом. Единицей стратегического взаимодействия, по Гоффману, является встреча (encounter). Во время встречи люди осуществляют управление совместным пребыванием друг с другом (management of co-presence), для чего используются определенные стратегии общения.

Приводя примеры стратегического взаимодействия с собеседником, Гоффман обращается к обману как наиболее яркой иллюстрации стратегического замысла. Исследователь приходит к выводу, что необходимо переосмыслить понятие обмана трактуемого на бытовом уровне как плохой поступок человека. Если изучать обман не с деонтических позиций, а как стратегию общения, то выясняется, что существует масса случаев, когда человеку приходится обманывать, чтобы выжить [Гоффман, 1959].

Основываясь на теории Э. Гоффмана, Браун и Левинсон проводят исследование категории «вежливость», указывая, что она представляет собой стратегию, так как основана на таких понятиях, как желание и цель, а не на нормах или моральных стандартах. Они приводят три причины для подобного понимания. Во-первых, вежливость – это не какое-то универсальное, безоговорочно соблюдаемое право, которое все люди имеют по отношению ко всем другим людям, вежливость просто в интересах говорящего. Во-вторых, вежливость не является чем-то универсальным и обязательным для исполнения, в отличие от норм и моральных ценностей. Вежливостью можно пренебречь, что и делается повсеместно, например, в ситуациях общественного противостояния, при оскорблении собеседника, в кризисных ситуациях. В-третьих, понимание вежливости как стратегии, а не как нормы, позволяет анализировать ее в динамическом аспекте. Стратегическое общение динамично – оно строится, над ним работают, оно срывается и т.д. Если бы вежливость рассматривалась как норма, то подобное понимание не могло бы объяснить ее социальную изменчивость и в то же время ее инвариантность во всех культурах и во все времена. Вместе с тем подчеркивается, что, хотя вежливость инвариантна как явление культуры, базовой категорией для ее изучения служит язык, и в разных языках выражение вежливости имеет свои особенности, требующие отдельного рассмотрения [Brown, Levinson, 1987].

Анализ вежливости поднимает вопрос о том, существуют ли еще какие-либо стратегии общения подобного типа. Браун и Левинсон указывают еще на одно явление, которое можно отнести к семiotике общения наряду с вежливостью. Это юмор или шутовское вербальное поведение, под которым понимаются отношения собеседников, выражающие отсутствие агрессии и в то же время позволяющие сохранить потенциал агрессивности, который может быть немедленно востребован в случае необходимости [Brown, Levinson, 1987]. Речевой этикет также начинает рассматриваться как одна из важнейших стратегий общения в социуме [Фаснова, 1991]. Проводится исследование неискренности как дискурсивной стратегии языковой личности [Плотникова, 2000].

В современных исследованиях можно найти много определенных стратегий. Иногда под стратегией понимается цепочка решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств. Другая точка зрения связывает стратегию с реализацией набора целей в структуре общения [Макаров, 2003: 193]. Коммуникативная стратегия в самом широком смысле определяется, по мнению А.А. Романова, как «тип или линия поведения одного из коммуникантов в конкретной ситуации общения, которые соотносятся с планом достижения преимущественно глобальных (а иногда и локальных) коммуникативных целей в рамках всего сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа» [Цит. по: Макаров, 2003: 194].

Чтобы планировать какие-либо речевые действия, коммуниканты должны обладать определенной когнитивной информацией: иметь представление о предстоящей ситуации общения, об адресате, обладать элементарным опытом анализа речевых действий и т.д. Другими словами, прогноз предстоящей вербальной коммуникации строится на основе представлений о речевом акте, коммуникативном взаимодействии (с учетом мотивов и целей говорящего и слушающего, их вербальных и невербальных действий) и всей ситуации в целом [Иссерс, 2002: 95].

Следует отметить, что планирование речевого поведения – это не просто конструирование языковых высказываний, а часть процесса взаимодействия, в котором слушающий не пассивно воспринимает текст-сообщение говорящего, а активно интерпретирует его речевые действия, реализующую собственную стратегическую линию.

Существенной чертой стратегии является ее гибкость и изменчивость, в ходе общения стратегия подвергается постоянной корректировке, непосредственно зависит от речевых действий оппонента и от постоянно пополняющегося и изменяющегося контекста дискурса. На гибкость как на конституирующий признак стратегии указывается в работах Т. ван Дейка, В.И. Троянова, О.С. Иссерс [Дейк ван, 1989; Троянов, 1991; Иссерс, 2002].

Гибкость стратегий определяется возможностями их реализации

через различные речевые тактики и коммуникативные ходы. Впервые на речевые тактики обратили внимание отечественные лингвисты Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, которые вследствие отсутствия устойчивого термина-бирки для обозначения данного понятия, предложили ввести термин «речевая тактика». Выбор этого термина был мотивирован тем, что тактики входят в какую-то общую стратегию или сверхзадачу. Причем сверхзадачи обычно универсальны, а тактики производны от национальной культуры [Верещагин, Ратмайр, Ройтер, 1992: 86-87].

Вопрос о соотношении понятий «стратегия» и «тактика» освещается во многих трудах отечественных лингвистов. Так, П.В. Зернецкий понимает под стратегией общения «творческую реализацию коммуникантом плана построения своего речевого поведения с целью достижения общей (глобальной) языковой/неязыковой задачи общения в речевом событии» [Зернецкий, 1988: 40]. Тактика общения определяется им как «гибкое динамическое использование говорящим имеющихся у него умений построения речевого хода согласно намеченному им плану речевых действий с целью достижения языковой задачи общения, ограниченной рамками речевого взаимодействия, обычно – получения искомого ответного речевого хода слушающего или его невербальной реакции на свой инициальный речевой ход» [Зернецкий, 1988: 39].

Л.Л. Федорова проводит разграничение данных терминов на примере предложенной ею модели акта речевого взаимодействия, которая может описывать как элементарный диалог, так и более сложные случаи речевого общения [Федорова, 1991]. Она отмечает, что цель общения инициатора диалога задает его стратегию, в то время как конкретные речевые действия задают тактику ведения диалога.

На глобальный, охватывающий всю сферу речевой коммуникации характер стратегии указывает И.П. Тарасова, уточняя, что она «включает в себя планирование построения процесса речевого взаимодействия в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию плана, т.е. линию беседы» [Тарасова, 1992: 107]. Стратегия речевого общения предстает как весь комплекс речевых действий, нацеленных на достижение коммуникативной цели. Тактика коммуникации описывает «совокупность приемов ведения беседы и линию поведения на определенном этапе в рамках отдельного разговора, нацеленного на достижение желательного эффекта или предотвращение нежелательного результата» [Тарасова, 1992: 108].

В исследовании О.С. Иссерс, посвященном коммуникативным стратегиям и тактикам русской речи, под стратегией понимается «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [Иссерс, 2002: 109]. Речевая тактика, в свою очередь, определяется «как одно или несколько действий,

которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс, 2002: 110]. О.С. Иссерс указывает на динамический характер речевой тактики, обеспечивающий гибкость стратегии, оперативное реагирование на ситуацию. Также отмечается, что определенное сходство в номинации речевых тактик и речевых актов (например, тактики просьбы, угрозы и речевые акты просьбы, угрозы) может создать иллюзию тождественности указанных понятий. Однако, как указывает исследователь, в теории речевых актов объектом анализа служит отдельное высказывание, вне диалога, вне факторов реального общения, а в анализе речевых тактик учитываются социальные и психологические аспекты общения. Речевая тактика может включать в себя как одно, так и несколько высказываний, говорящий может контролировать успех/неуспех конкретного речевого акта на отдельных этапах диалога и корректировать свои речевые действия с учетом перлокутивных эффектов. При этом следует иметь в виду, что спецификой речевых стратегий вообще и тактик в частности является комплексность использования языковых средств для достижения коммуникативной цели [Иссерс, 2002: 113-114].

Е.В. Клюев определяет коммуникативную стратегию как совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели. Коммуникативная тактика рассматривается им как совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия [Клюев, 2002: 18-19]. То есть, стратегия соотносена с коммуникативными целями, а тактика – с практическими целями общения.

Исследователями предлагаются различные типологии стратегий и тактик. В.З. Демьянков предложил одну из первых классификаций стратегий: 1) стратегии, использующие общие свойства коммуникации (как речевые, так и паралингвистические), например, стратегии приветствия и 2) стратегии чисто вербального общения: а) использующие свойства динамики коммуникации и б) свойства единиц общения, в) предполагающие владение «техникой» проведения конкретных речевых актов и г) техникой «совершенения» высказывания [Демьянков, 1982: 335].

Т. ван Дейк и У. Кинч выделяют длинный список стратегий, реализующих цели различного свойства и перерабатывающие различную информацию (пропозиционные, стилистические, риторические, стратегии локальной когерентности, схематические и т.п.). Список стратегий открыт и может пополняться в зависимости от типа языкового взаимодействия [ван Дейк, Кинч, 1988]. Т. ван Дейк также разграничивает когнитивные стратегии, являющиеся способами обработки сложной информации в памяти, и речевые (диалоговые) стратегии, то есть специфические способы речевого взаимодействия. Речевая стратегия определяет семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего. Так, стратегия

вежливости накладывает определенные ограничения: какое семантическое содержание следует выражать, а какое – нет, какие речевые акты уместны и какое стилистическое оформление приемлемо [ван Дейк, 1989: 277].

Классификация стратегий, предложенная С.Н. Плотниковой, включает совместное решение проблем, уклонение от участия в беседе, власть и подчинение, убеждение, враждебность и неискренность [Плотникова, 1998].

О.С. Иссерс выделяет такие стратегии и тактики, как уговаривание (уговоры, просьбы, убеждение), дискредитация (оскорбление, издевка, обвинение), комплимент, похвала, самопрезентация, контроль над инициативой в диалоге, завершение разговора, рекламная экспансия и др. [Иссерс, 2002].

Как отмечает С.Н. Плотникова, «разной в классификациях стратегий свидетельствует о том, что исследовательская мысль направлена пока на выделение и описание отдельных стратегий и на доказательство того, что они определенным образом проявляют себя в процессе коммуникации, манифестируясь в особом выборе языковых средств. Можно сказать, что исследователи уже не сомневаются в том, что стратегии существуют, но пока точно не знают, что они представляют собой в теоретическом отношении» [Плотникова, 2006: 91].

Обобщая вышесказанное, следует заметить, что в современных исследованиях понятие стратегии обнаруживает весьма широкую вариативность, та или иная трактовка термина находится в прямой зависимости от научных интересов исследователя, который ориентирован на изучение разных аспектов речевой деятельности. Также пока нерешенной является проблема выбора адекватного термина: сегодня в лингвистической литературе сосуществуют два термина – речевая стратегия и коммуникативная стратегия, которые зачастую используются как синонимы, но думается, что это не вполне правомерно. Коммуникативная стратегия – более широкое понятие, поскольку предполагает не только речевые, но и неречевые действия (жесты, мимика, позы и другие сопутствующие речевому акту действия). Коммуникативная стратегия – это некий общий сценарий поведения в той или иной ситуации. Речевая стратегия – выбор языковых средств, позволяющих говорящему добиться поставленной цели непосредственно в процессе коммуникации.

Коммуникативная стратегия в процессе общения реализуется посредством коммуникативной тактики, представляющей собой конкретное воплощение сценария, связанное с оценкой речевой ситуации, условий общения и коммуниканта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Верещагин, Е.М. Речевые тактики «призыва к откровенности» [Текст] / Е.М. Верещагин, Р. Ратмайр, Т. Ройтер // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 82-93.
2. Дейк, Т.А. ван. Стратегии понимания связного текста [Текст] / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – № 23. Когнитивные аспекты языка. – С. 153-211.
3. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Демьянков, В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) [Текст] / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1982. Т.41. – №4. – С. 327-337.
5. Зернецкий, П.В. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности [Текст] / П.В. Зернецкий // Языковое общение: Процессы и единицы: Межкуз. сб. науч. трудов. – Калинин, 1988. – С. 36-41.
6. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Издательство УРСС, 2002. – 284 с.
7. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого общения [Текст] / Е.В. Клюев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
8. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
9. Плотникова, С.Н. Сотрудничество и конфликт в беседе: Анализ интерактивных стратегий [Текст] / С.Н. Плотникова. – Иркутск: ИГЛУ, 1998.
10. Плотникова, С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) [Текст] / С.Н. Плотникова. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. – 244 с.
11. Плотникова, С.Н. Стратегичность и технологичность дискурса [Текст] / С.Н. Плотникова // Лингвистика дискурса-2: «Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация; под ред. С.Н. Плотниковой. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – С. 87-98.
12. Сухих, С.А. Речевые интеракции и стратегии [Текст] / С.А. Сухих // Языковое общение и его единицы: Межкуз. сб. науч. тр. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1986. – С. 71-77.
13. Троянов, В.И. Стратегии коммуникантов в споре [Текст] / В.И. Троянов // Прагматика и логика дискурса: Сб. науч. тр. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 1991. – С. 20-24.
14. Тарасова, И.П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез: Пособие по самообразованию [Текст] / И.П. Тарасова. – М.: Высшая школа, 1992. – 175 с.
15. Тарасова, И.П. Структура личности коммуниканта и речевое воздействие [Текст] / И.П. Тарасова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 70-88.
16. Фаенова, М.О. Обучение культуре общения на английском языке: Научно-теоретическое пособие [Текст] / М.О. Фаенова. – М.: Высшая школа, 1991. – 144 с.
17. Федорова, Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в

структуре общения [Текст] / Л.Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 46-50.
18. Brown, P. Politeness. Some universals in language usage [Text] / P. Brown, S.C. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 232 p.
19. Goffman, E. The Presentation of Self in Everyday Life [Text] / E. Goffman. – New York: Doubleday, 1959.

Секция 3. ЯЗЫК КАК ОДНА ИЗ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

“ТЬЛО ЙОГО... ВОЗЛОЖИША НА САНИ”: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФОН УКРАИНСКОЙ ОБРЯДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В.Н. Васильченко

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова
г. Киев

Вместе с рождением и свадьбой смерть является главным, (“пороговым”) этапом человеческой жизни. Смерть “архаический” человек (с “обрядным” (“мифологическим”) сознанием) никогда не воспринимал как естественный и неизбежный акт: для него это – результат действий некой злой силы, врагов или иноплемеников. Понимание естественности смерти приходит позже, когда сознание развивается до уровня “реализма мысли” [Грушевский, с. 145]. В экзистенциальной системе украинского народного мировоззрения она имела огромное значение: с одной стороны, смерть осознавалась как неоправимое и несказанное горе, а с другой – как неотвратимый и – поэтому – закономерный финал любого существования, как естественное явление: *Як народились, то треба й померти; Як не живем, а все ж тури не лишеш; Нехай мруть, та дорогу труть, а ми сухарів насудимо, та й собі рудимо.*

Для этнолингвистики (как и для этнолога) погребальная обрядность выступает необходимым и богатым материалом, с помощью которого можно интерпретировать много других традиционных (жизненных и календарных) обрядов; в то же время похоронная обрядность состоит в связи со многими древнейшими фольклорными мотивами и метафорами: она может как объяснять их, так и сама объясняться многими жанрами устной народной поэзии (особенно – ее малыми формами: загадкой, заговорами и т.д.) [Севакова, с. 18-19].

Парадигму похоронного обряда составляли действия и формы ритуального поведения, функциональным предназначением которых было сообщить о смерти члена социума, подготовить его к проведению похорон, само погребение, а также прощание социума с покойником. Когда человек умирал, его хоронили согласно обрядным нормам – “как следует”: *“Умерла старуха; ее как следует (подчеркивание наше – В.В.) похоронили!”* [Иванов, с. 345]. Такие исконные народные представления нашли свое отражение в белорусском выражении *ложка смерти и похова* – “правильно совершенный погребальный обряд” [Севакова, с. 223]. Сравним в этом плане украинские наремии, содержащие идею непрерывности народных традиций и обычаев: *Так за батьків було, так і нам треба; Як діди і батьки наші робили, так і ми будемо* [Номис, с. 70]. Невыполнение погребально-поминальных ритуалов в жизнь вносит хаос, являющийся деструктивным состоянием экзистенции, поскольку это приводит к разрушению космоса (упорядоченной, привычной, отлаженной жизни) семьи (рода). В одной из известных работ Дж. Фрэйзера приводится картина предсказаний пророка Иеремии об опустошении Иудеи: “Народ будет умирать, и некому будет хоронить покойников и совершать по ним обычные траурные обряды. “И умрут большие и малые на земле сей; и не будут похоронены, и не будут оплакивать их, ни терзать себя, ни стричься ради них” [Фрэйзер, с. 442]. Как видно, согласно обычаям многих этносов, смерть непременно должна сопровождаться надлежащими обрядодействиями (ср. украинское: *Умер козак та й лежить, та й нікому заступит* [Номис, с. 75]). В то же время совершение похоронного обряда по всем канонам (он, кстати, оказался самым консервативным элементом культуры из-за устойчивости представлений, ставших основой его формирования), “со всяким вниманием, чтобы не нарушить интересов покойника, не обидеть его и не оставить в потребности за чем-то возвращаться к старому жилищу и к брошенной семье” [Грушевский, с. 146], гарантировала “дружественные отношения” с умершим, страх перед которым для живых пересилил архетипное чувство преклонения перед предками: по народным представлениям, нарушение обрядных канонів приведет к тому, что покойник “че простит, а свое возьмет” [Еремия, с. 41]. О регулятивной функции погребального обряда относительно наведения баланса в универсуме семьи после внесения в него хаоса чьей-либо смертью, свидетельствуют факты захоронения гроба без умершего (это касалось случаев, когда человек погибал где-то далеко или пропал без вести) с соблюдением всех определенных обычаям обрядных норм, как это делается при настоящем погребении.

Будучи многоплановым структурным образованием, обряд оставил свои глубокие следы (как и в других областях деятельности социума) также в языке. Поэтому привлечение обрядного дискурса к этнолингвистическим разработкам в сфере отражения языковыми единицами этнокультурного фона представляется нам вполне

закономерным и перспективным. Интересными в этом плане выступают аспекты отражения украинскими погребальными фразеологическими единицами (далее – ФЕ) этнокультурной семантики. Как показывают наши наблюдения, много погребальных номинаций выступило генотипами соответствующих обрядных ФЕ. Рассмотрим некоторые из них. Фраза *посадовити на санки (на саночки)*, отражая способ преодоления расстояния к сакральному месту перехода умершего в иной мир, репрезентует связи с реликтовым обрядным способом погребения, который исследователем поэтики погребального обряда Е.Седякова называется "легендарным древним обрядом убийства стариков" и квалифицирует как украинский [Седякова, с. 230]. По свидетельству В.Ужченко, "на Руси раньше покойников хоронили на санях, даже летом. Волоком тянули их на холм, обкладывая хворостом, обрызгивали петушиной кровью и зажигали" [Ужченко, с. 56]. В летописях находим описания упомянутых обрядов: "В лето 1015... завернули Володимира в ковер... Потом, положив его на сани, отвезли и поставили в десятичной церкви, которую он сам построил"; "В лето 1078. Тело ж убитого Изяслава взяли и повезли в челне, и вышел навстречу ему весь Киев. Положили его на сани и с печальным пением повезли в город" [Ужченко, с. 56]. Ср. в этом плане белорусский диалектный оборот *глядзець на павы сані* – "плохо себя чувствовать, готовиться к смерти". Этнокультурный фон этой ФЕ поддерживается устойчивыми формулами: *Не в свої сани гай* [Номис, с. 427] и *Санна їзда – ангельська їзда, але дідичи виворот* [Номис, с. 504]. Таким образом, в системе одного из видов погребального обряда реалема "сани" выступала своеобразным "средством транспортировки" покойника к месту перехода в иной мир. Эта обрядная особенность отражена украинской ФЕ *посадовити на санки (на саночки)*.

Интересной в плане своей внутренней формы выступает фразеологизированная формула *виспися в човні (или: в дубі)* [Номис, с. 576] – "выспиться после смерти". В текстах сказочного эпоса находим иллюстрации древних народных верований, согласно которым смерть представлялась как сон ("Два королевича"; "Настасья Прекрасная"; "Иван Богданец" и др.). О связи смерти и сна говорит Л.Дунавская, считающая, что "мотив сна – как мотив смерти и возрождения – родственен древнемифологическому мотиву умирающего и воскресающего божества", он "восходит к генезису тотемного покровителя, способного воскресить посвященного в мир предков" [Дунавская, с. 387]. Одной из многих архаических форм захоронения являлось погребение в лодках; нахождение царства мертвых, куда, согласно древним верованиям, необходимо было отправляться душе после смерти человека за морем (океаном) определяло средством передвижения, что вполне логично, лодку. Конечно, такая ее обрядная функция могла возникнуть и стать традиционной у народов-мореплавателей. Отсюда –

сказочный летучий корабль: "*Дурень прокинувся, коли гинє – аж стоїть корабель, сам золотий, цюгли срібні, а паруси шовкові так і понадимались – тільки летіти! Ст ави, недогово думавши, сів на корабель, той корабель знявся й полетів...*" [Казки, с. 94]. Корабль, как и крылатый конь, тоже выступавший в мифологии и фольклоре средством преодоления пути к царству мертвых (тому свету), развился из птицы, возможно, через этап скитания или поднятия на помощь. Кстати, лодка тоже могла иметь форму птицы, как обрядная хлижина в обряде инициации имела форму змея. В.Пропш говорит о существовании разновидности погребения на деревьях и в стволе дерева [Пропш, с. 176-180]. Как свидетельствуют украинские исторические лексикографические источники, слово "дуб", кроме прямого, имело также значение "большая выдолбленная из цельного дерева лодка" [Билецький-Носенко, с. 125]; "большая лодка, выдолбленная из дерева" [Гринченко, I, с. 451]. Эти представления и архаические обрядовые действия лежат также и в основе внутренней формы ФЕ *до свого берега причалив навіки* ("умереть") [Гринченко, III, с. 451].

ЛІТЕРАТУРА:

1. Билецький-Носенко П. Словник української мови. Підготував до видання В.В. Німчук. – К., Наукова думка, 1966. – 424 с.
2. Грушевський М.С. Історія української літератури: В 6 т., 9 кн. – Т. 1. – К.: Либідь, 1993. – 392 с.
3. Дунавська Л.Ф. Українська народна проза (легенда, казка): Еволюція епічних традицій. – К., 1997. – 410 с.
4. Ерешина В.И. Ритуал и фольклор. – Л.: Наука, Л.О., 1991. – 206 с.
5. Иванов П.В. Народные рассказы о доле // Украинці: народні вірування, повір'я, демонологія. – К.: Либідь, 1992. – С. 342-374.
6. Пропш В.Я. Исторические корни волшебн. сказки. – М., 2000. – 336 с.
7. Седякова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М.: Индик, 2004. – 319 с.
8. Словарь української мови. Збірка ред. журн. "Київська старина". Упорядкував з додатком власного матеріалу Борис Гринченко. Т. 1-4. – К.: Наукова думка, 1996-1997.
9. Ужченко В.Д. Народження і життя фразеологізму. – К., 1988. – 279 с.
10. Українські народні казки. – К.: Веселка, 1992. – 415 с.
11. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклад М.Номис. – К.: Либідь, 1993. – 768 с.
12. Фрэнгер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете: Пер. с англ. 2-е изд., испр. – М.: Политиздат, 1990. – 542 с.

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «ГНЕВ» В РУССКОЙ И ЛЕГГИНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Д.Г. Гайдарова

Дагестанского государственного педагогического университета

Одним из ведущих лингвистических направлений современной лингвистики, ориентированных на антропоцентричное исследование языка, его роли в сознании и ментальности человека, в складывании у него определенной картины мира является лингвокультурология.

Являясь «концентратом» культуры, язык содержит информацию не только о национальном сознании и репрезентирует не только «национальный дух», но и особенности концептуализации мира отдельной личностью.

Язык, опосредуя общение и понимание членов этноса, обеспечивает их совместную деятельность, обуславливая, таким образом, накопление, хранение и передачу из поколения в поколение всего ценностного опыта данного этноса.

Термин «концепт» представляет собой одно из базовых понятий лингвокультурологии и ряда смежных лингвистических направлений. Анализ концептов в последнее время проводится на самом различном материале в пределах самых различных научных направлений. Концепт является центральным понятием современной когнитивной лингвистики, эмпиологии, лингвоконцептологии и аксиологической лингвистики.

Понятие «концепт» трактуется в лингвистике неоднозначно. Сам термин «концепт» появился в научной литературе лишь в середине XX века, хотя его употребление зафиксировано в 1928 году в статье С.А. Аскольдова «Концепт и слово». Под концептом автор понимал «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997: 267].

По мнению В.Н. Телия, концепт – это «все то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания» [Телия, 1996: 97]. Он представляет собой семантическую категорию наиболее высокой степени абстракции, включающую в себя частные значения конкретизации общей семантики. Кроме того, В.Н.Телия подчеркивает, что концепту онтологически предшествует категоризация, которая создает типовой образ и формирует «прототип».

В терминах Ю.С.Степанова концепт – микромодель культуры, он порождает ее и порождается ею. Являясь «пустоткой культуры», концепт обладает экстралингвистической, прагматической, т.е. внеязыковой информацией [Степанов, 1997: 40].

Особое место среди концептов принадлежит так называемым универсальным, базовым концептам. Они занимают центральное место в картинах мира многих национально-языковых сообществ, так как составляют основу, фундамент всего мировосприятия. Несомненно, что

эмоциональный концепт «гнев» - «хьед» в лезгинском и русском языках представляет собой одну из несущих конструкций образа мира.

Для выявления этнокультурной специфики концепта «гнев» в русской и лезгинской языковых картинах мира, важными в настоящем исследовании представляются результаты анализа русских и лезгинских пословиц и поговорок, т.к. именно на уровне паремий наиболее ярко проявляется познавательный и эмоциональный опыт этноса, особенности его культуры.

Обзор словарей пословиц и поговорок выявляет небольшое количество паремий, репрезентирующих концепт «гнев».

По данным русских паремий можно заключить, что гнев – очень сильное чувство, которое имеет большую разрушительную силу, гнев заставляет терять голову, совершать неразумные поступки:

*Гнев человеку сушит кости, крушит сердце;
Кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает;
Гнев – враг, разум – друг;
Начало гнева – безумство, а конец его – раскаяние;
Не давай воли языку во тире, во беседе, а сердцу в гнев;
Не давай воли языку во хмеле, в беседе и в гнев;
Гнева не тудает, на ласку не хидайся;
Гневаться – прикуси свой нос;
Гневайся да не сохраний.*

Гнев противопоставляется любви:

*В гнев и яркое превращается в кривое; когда любишь – то и бесформенное изображается круглым;
В гнев ты как огонь, а в любви как вода;
От гнева стареешь, от любви молодеешь.
Очень часто противопоставляются гнев и мудрость:
Гнев шагает впереди, ум – сзади;
Гнев глупого – в его словах, гнев умного – в его делах;
Храбрый узнается на войне, мудрый в гнев.*

Через осуждение гнева/любви превозносятся/всдержанное, осознанность:

*Бранное слово на гнев наводит;
Где гнев, там и мгиость;
Приветливое слово гнев побеждает;
Страшен гнев добряка;
В бессилии гнев очень сильный;
Кроткое слово гнев побеждает;
Господин гневу своему – господин всему.*

Подчеркивается спонтанность возникновения этого эмоционального состояния, то, что его способны вызвать самые незначительные причины:

*Капля горя – море гнева;
Просим не гневаться на нашем хлебе-соли;*

Просим не прогневаться! Чем Бог послал;
Нет солнца так и не прогневайся, соломка;
Безносаму только покажи зеркало – разгневайся;
Пел про себя и разгневайся – никто не подневает.

Сила и значимость концепта «гнев» в языковой картине мира подчеркивается тем фактом, что понятие «гнев» в паремиях часто актуализируется с понятием «Бог». Таким образом подчеркивается сила и непредсказуемость этого чувства:

Божий гнев (или божья кара) его постигнет;
Бога зови, а черта не гневи! Богу угождай, а черту не перечь!
Бога прогневишь – и смерти не даст;
Не гневи Бога ропотом, молись ему шепотом;
Как ни живи, только Бога не гневи;
Правдвое слово Бога радует, а человека – гневит;
Правдую жить – от людей отбыть, неправдую жить – Бога гневить;
Бога прогневишь – и смерти не даст;
На это плакаться – только напрасно Бога гневить;
Правда груба, да Богу любва, правда гневна, да Богу мила;
Бога не гневи, черта не смеши.

В паремиях, актуализирующих концепт гнев часто используются противопоставления - противопоставляются огонь и вода (причем огонь символизирует гнев), ласка и грубость и т.д.:

В гневе ты как огонь, а в любви как вода;
Туча не без зрону, хозяин не без гнева;
На ласковое слово не кидайся, на грубое - не гневайся;
Начало гнева – безумство, а конец его – раскаяние.
Подчеркивается что чувство это, как правило, коротечно:
Материнский гнев, что весенний снег; и много его выпадет, да скоро растает;

Гневиться – дело человеческое, а зло помнить – дьявольское.
Таким образом, в области русской паремологии реализуются такие признаки анализируемого концепта, как *сила, неуправляемость, неразумность, глупость, коротечность, разрушительность, спонтанность, противоречивость.*

Анализ пословиц лезгинского языка позволил выделить следующие признаки гнева: гнев, это сильная эмоция, чувство, отличающееся высокой степенью интенсивности, негативное, разрушительное, спонтанное и неуправляемое:

Хьел атунип сифте дилвап я, эхирин – тимавап (Начало гнева безумие, конец – раскаяние);
Хьел атайла – акьул катда (Когда приходит гнев – ум убегаёт);
Хьел атайла, ам ирид папавайин кьуна акьвазариз жьедач (В гневе и семь жён не удержат);

Хьел кьвал, гел такваз (В гневе последствий не видишь);
Хьел кьведай инсан фад кьуьз жьед (Гневливый человек рано стареет);

Хьэле инсан акъажарда (Гнев скрывает человека);
Хьэле кьвал чурда (Гнев разрушает дом / семью);
Хьэле хьел хада (Гнев порождает гнев);
Хьэле хьел чурдач, кьвал чурда (Гнев разрушает не гнев, а дом/семью);

Хьел атайла деведини тфу иида (В гневе и верблюд плюётся);
Хьел атайла нд хьуь (Если прогневаешься – воду пей).

Таким образом, общими признаками гнева для лезгинской и русской паремологии являются: 1) интенсивность чувства; 2) его разрушительность; 3) коротечность; 4) иррациональность. Данный вывод подтверждает общечеловеческую природу такого базового эмоционального концепта как «гнев», который имеет различное выражение в разных лингвокультурах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимов К.Х. Лезгинские народные пословицы. Махачкала, 1991
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. М., 1997.
3. Степанов Ю.А. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
5. Фенцица В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. М., 1979
6. Шаховский В.И. Эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. - 1986. - № 6. - С. 97-103.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ПРОФИЛЯ.

А.М. Кошкина,
Астраханский Государственный Университет

В настоящее время возросли требования к знаниям иностранных языков на профессиональном уровне выпускников неязыковых ВУЗов. Выпускник ВУЗа в современных условиях должен быть не только высококлассным профессионалом, но и обладать развитыми творческими, мыслительными, коммуникативными и другими способностями, иначе он не сможет стать полноценным членом социума. Способность принимать

грамотные общественно значимые решения формируются путем систематического приобретения знаний и опыта. Приобретение таких знаний возможно только при ориентированном преподавании гуманитарных дисциплин, в том числе и иностранных языков в вузе. Таким образом, качество образования в ВУЗе оказывает влияние не только на формирование личности обучаемого, но и на его профессионализм и компетентность в дальнейшей жизни.

Проблема развития и самореализации личности в профессиональной деятельности, проблема «своего» и «не своего» места в жизни всегда привлекала внимание философов, психологов и педагогов. Но особенную актуальность эта проблема приобретает в современных условиях развития российского общества.

Современной экономикой в наибольшей степени востребован такой специалист, который может быть охарактеризован как инициативный и самостоятельный субъект профессиональной деятельности, способный активно и творчески строить свои отношения с различными сферами действительности. Именно поэтому для российской системы высшего образования чрезвычайно актуальными становятся не только идеи в области развития личности профессионала, но и технологии, направленные на реализацию его творческого и интеллектуального потенциала в процессе обучения.

Необходимость изучения иностранных языков в процессе профессионального обучения доказывается во многих исследованиях (О.А. Витохина, Н.А. Ковалева, В.К. Невлев, Г.В. Неваева, И.А. Жучкова и др.). Традиционно в научных разработках исследуется проблема профессионального соответствия, которая ассоциируется не только с наличием у личности набора определенных задатков или уже обнаруживающих себя способностей, но и усвоенных в процессе обучения профессиональных знаний, сформированных профессиональных умений и навыков.

Переход России на рыночные отношения поставил перед системой профессионального образования новые цели, решение которых педагоги видят в глубоких преобразованиях системы профессионального образования.

Эти преобразования целесообразно представлять в виде двух взаимосвязанных процессов: совершенствование существующей системы и формирование новых концептуальных подходов и условий ее развития на основе прогнозных оценок и стратегических направлений в соответствии со структурными сдвигами в экономике и социальной политике государства.

Высоко оценивая значимость имеющихся в науке разработок в области подготовки будущих специалистов к профессиональной деятельности (Е. А. Климов, Н. С. Прыжников, Е. И. Головаха, А. П. Чернявская, Л. М. Митина, и др.), следует отметить их ориентированность

на относительно стабильную социальную необходимость в конкретных специалистах. Между тем радикальные экономические изменения и модернизация системы образования России в последние десятилетия требуют поиска новых подходов к обучению студентов. В этой связи высокую практическую и научную значимость приобретает выявление и исследование психолого-педагогических условий обучения иностранным языкам в период профессионального обучения.

Обучение иноязычному речевому общению в условиях вузов неязыковых специальностей подлежит целому ряду ограничений. Оно является в основном учебным общением. Это предполагает, что коммуникативные цели не вытекают самопроизвольно из естественных условий общения, а задаются извне преподавателем. Вместе с тем статус будущего специалиста и конкретный профиль его учебной деятельности в целом допускают определенные возможности выхода за пределы учебного общения в силу его заинтересованности в зарубежной информации, касающейся, прежде всего, его специальности. Это значит, что процесс непосредственного общения на занятиях должен представлять собой аналог процесса общения в естественных условиях. В этой связи представляется целесообразным перенести основные характеристики естественного непосредственного общения в конкретные условия обучения, приближенные к реальным жизненным условиям, к будущей профессиональной деятельности.

Поскольку под влиянием самой атмосферы ВУЗа, профильных предметов происходит психологическая переустановка личности обучаемого на изучение иностранного языка с ориентацией на избранную специальность, то в этой связи даст плодотворные результаты использование внутрипредметных и межпредметных связей, которые предполагают расширение профессиональных знаний через чтение зарубежной профессиональной литературы, через умение обобщать основное содержание прочитанного и быстро находить в нем логические связи между родственными областями знаний, логически переносить полученные знания из одного предмета в другой и устанавливать причинно-следственные зависимости.

Наблюдения за учебным процессом, результаты опытного обучения позволили установить, что при постоянном доброжелательном отношении к обучаемым степень скованности становится ниже, но при этом значительно повышается коэффициент взаимодействия друг с другом и с преподавателем, наступает удовлетворенность от речевого партнерского общения (независимо от уровня обученности), формируется мотив учения. Более того, устно-речевое партнерское общение может сыграть роль своего рода «пускового фактора» в преодолении имеющегося барьера для обучаемых со слабой языковой подготовкой, что в дальнейшем может вызвать порождение мотива к более серьезному изучению иностранного

языка как средства расширения профессиональных знаний, то есть чем чаще каждый студент с разным уровнем знаний будет занимать активную позицию субъекта познания и речевого общения, тем скорее в его сознании, чувствах сформируются положительные мотивы изучения иностранного языка, выработается потребность поиска дополнительных знаний по специальности из зарубежных источников, потребность в речевом партнерском общении.

Таким образом, в ходе исследования нам удалось определить ряд недостатков, снижающих эффективность учебного и профессионального использования иностранного языка, и обосновать комплекс психологических и педагогических условий, которые направлены на ликвидацию этих недочетов и повышение качества формирования навыков по изучаемому иностранному языку в ВУЗе. Нами разработана система психолого-педагогических условий подготовки студента, которая включает в себя такие компоненты как диагностика индивидуальных особенностей обучающихся, формирование групп по принципу психологической совместности и уровню развития личности, типологизация обучающихся по уровню развития личностных качеств, объему и качеству педагогического опыта, уровню сформированности соответствующих знаний и умений, способов деятельности, индивидуальная психологическая поддержка личности обучающихся, повышение мотивации преподавателей в сфере педагогической деятельности и т.д.

Овладение коммуникативной компетенцией в ВУЗах неязыкового профиля тесно связано с такими факторами, как потребность в изучении иностранного языка, интерес, намерения, желание устно общаться с зарубежными специалистами в предстоящей профессиональной деятельности. Оно предполагает моделирование, реализацию процессов порождения и смыслового восприятия речевых высказываний, связанных с проблемой мотивации, стимулированием коммуникативной деятельности и созданием ситуаций речевого общения.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НЕМЕЦКОГО ТЕРМИНА «EISEN» / «ЖЕЛЕЗО»

А.М. Туреханова

Казахский Национальный технический университет им. К.Сатпаева
г. Алматы

В человеке живет естественное стремление узнавать и добиваться понимания. И этимология, как всякая другая наука, удовлетворяет естественное наше влечение к познанию истин. По мнению О.Н. Трубочева, знание «эволюции значения слова небыстрозначимо для

понимания его нынешней природы и структуры, поэтому суждение этимологии, должно интересоваться, и оно так или иначе интересует, специалиста по современной лингвистической семантике, иначе проигрывает лингвистическая семантика» [Трубочев, 1976: 148]. По Е.С. Яковлевой, «обращение к историческому прошлому слова может помочь в усвоении его смысла, закономерностей употребления и на синхронном уровне» [Яковлева, 1998: 43].

Знакомство с историей 'железа' показывает, что оно является основой современной техники и технологии. В свое время за обладание железом, как и за обладание золотом, грабили и убивали, плели интриги и предавали, делали большую политику и вели войны. 'Железо' использовалось для изготовления ритуальных предметов: амулетов, талисманов, священных изображений (бусы, браслеты, кольца, огаги). В Вавилоне при царе Хаммурапи (1728 — 1686 гг. до н.э.) 'железо' было в 8 раз дороже золота и в 40 раз дороже серебра.

Этимология названий 'железа' на древних языках довольно отчетливо отражает историю знакомства народов с этим металлом. В древности и в средние века многие народы связывали название железа с его небесным происхождением, с металлом, упавшим с неба. Так, в древнем Египте железо имело название *biti-net* (*бешитет*, коптское — *besute*), что в буквальном переводе означает небесная руда, или небесный металл. В Месопотамии железо именовали *an-bar* — «небесное железо», в древней Армении — *еркат*, «окапнувшее (упавшее) с неба». Древнегреческое и севернокавказское названия железа происходят от слова *sideres*, «сведный». На месте падения железных метеоритов создавались культовые сооружения, их растапливали в порошок и пили как лекарство от многих недугов. Первое оружие из метеоритного железа украшалось золотом и драгоценными камнями и использовалось в погребениях.

Сопоставление 'железо' с небесным металлом было обычным более 2000 лет назад и постоянно встречается в литературе вплоть до XIX в. Во II в. н. э. железо сопоставлялось с Меркурием и называлось меркурием, но позднее его стали сопоставлять с Марсом и называть *Mars/mars*, что, в частности, подчеркивало внешнее сходство красноватой окраски Марса с красными железными рудами.

Этимологический анализ термина 'Eisen', показывает, что данная лексическая единица в немецких этимологических словарных статьях имеет несколько версий происхождения. Озвучим некоторые из них.

Версия Ф. Кутзе:

Eisen *Sn stid* (8. Jh.), mhd. *isen*, ahd. *isan*, *iser*, älter *isarn*, as. *isarn*. Aus g. **isarna-* n. »Eisena, auch in gt. *eisarn*, anord. *isǫrn* (neben älterem *isarn*), ae. *ise(r)in*, *iren*, afr. *isern*, mit unregelmäßiger lautlicher Vereinfachung von *-m-*. Die gleiche Form wird durch die keltischen Wörter für »Eisen«, vorausgesetzt;

air, iarann, iarn m./n., kynr. *hearn, haiarn*. Das Wort ist wohl aus einer dritten Sprache entlehnt; alles weitere ist jedoch unklar. Es wäre verlockend, für die Etymologie von ig. **isara-* »stark, wirkungsvoll« auszugehen (gr. *hlarós*, ai. *isara-*), doch bleibe der Langvokal in dem Wort für »Eisen« dabei ungeklärt. Adjektiv: *eisern* [Kluge, 2002: 236].

Версия Г. Кёблер:

eis-am* 2, got., st. N. (a), nhd. Eisen; ne. iron (N.); ÖG.: gr. *ἰσάρα* (= *eisarna* bi *fótuns gabugana*, *pe ana fotum eisarna*); UE.: lat. *compes* (= *eisarna* bi *fótuns gabugana*, *pe ana fotum eisarna*); Q.: Bi (340-380), PN; E.: germ. **isarna-*, **isarnam*, st. N. (a), Eisen; Lw. kelt. *isarno*; vgl. idg. **eis-* (1), V., bewegen, antreiben, schleudern, Pokorny 299, Lehmann E2; B.: Akk. Pl. *eisarna* Mrk 5,4 CA; Dat. Pl. *eisarnam* Mrk 5,4 CA [Köbler, 1989: 118].

Версия К. Шанце:

Das althochdeutsche *isan* (auch *isarn*), mittelhochdeutsch *isen* oder *isern*, germanisch **isarna-* (belegt durch gotisch *eisarn*), entspricht dem neuhochdeutschen *Eisen* (englisch *iron*, schwedisch *järn*) und entstammt einem keltischen Wort, das durch altirisch *iarn* oder *iarann* belegt ist. Es hat also keltische und germanische Wurzeln und ist laut Kluge "sicher aus einer dritten Sprache entlehnt; alles weitere ist jedoch unklar" (<http://homepages.uni-tuebingen.de>).

Версия Г. Тишнер:

Die Vorfahren der Italiker und Germanen müssen in der Bronzezeit Nachbarn gewesen sein, denn sie haben dasselbe Wort für 'Bronze':

6. lat. *aes* = got. *aiz* 'Bronze'

Vor Beginn der Eisenzeit haben sie sich getrennt; das *Eisen* Wort für das neue Metall haben die Germanen mit ihren neuen Nachbarn, den Kelten, gemein: euras. **ai-ǵs-* 'brennen, leuchten'

5) anord. *eisa* 'glühende Asche, Feuer', mnd. *ése* 'Esse des Metallarbeiters'

Das Besondere am Eisen ist, dass man es schmiedet.

a. akelt. *isarno-*, gall. *isarno-* 'Eisen'

mit Anfügung *-arn-* wie in gall. *locarna* = lat. *lucerna* 'Leuchte'

i. air. *iarn*, ir. *iarann*, gael. *iarann*, Manx *yiarn* 'Eisen'

ii. brit. **iharn* > cymr. *haearn*, corn. *hoern*, bret. *houarn* 'Eisen'

iii. > germ. *isarn* 'Eisen'

iv. got. *eisarn*, ahd., asächs. *isarn*, anord. *isarn* 'Eisen'

l. dazu der Name des Eisvogels: ahd. *isar*, *isarn*, *isarno*, *isaro*, *isarnfagal*, *isfagal*, wohl nach seinem Gefieder benannt.

Das Lateinische hat stattdessen *ferum* 'Eisen' [heinrich.tischler@web.de].

Предположения указанных исследователей этимологии слова «Eisen» можно разделить на две точки зрения. По одной из них данное слово атрибутируется как германское *eisarn, isarn, isarn*, где *-m-* впоследствии упрощается, т.е. редуцируется, а по другой, оно заимствовано у кельтов от

air, iarn, iarann, iarann, iarn, трансформировавшегося затем в «Eisen». Ф. Клуге, полагает заманчивым связать этимологию данного слова с индогерманским **isara/сильный, действительный* и сравнивает с греческим *hlarós* и древнеиндийским *isara*. Однако в этом случае остается, как отмечает он сам, неясным, откуда долгое гласное. В целом все авторы отмечают связь с кельтским словом *isara*, что означает «*крäftig/крепкий, сильный*». Кельтское происхождение слова выглядит весьма убедительно и на это имеются причины.

С самых древних времен кельтские языки вступали в контакт с другими языками Европы. Судя по письменным источникам, кельтские племена занимали некогда обширные территории Западной и Центральной Европы. История не знает, откуда пришли эти племена, однако археологические исследования свидетельствуют, что «в период второго железного века (начиная приблизительно с 475 г. до н. э.) кельты захватили обширные территории. Военная экспансия кельтов сменялась экономической и культурной экспансией. Они насытили новыми, прогрессивными «технологиями» первобытную цивилизацию, развивавшуюся на европейских территориях к северу от Альп».

Кельтские племена принесли с собой, прежде всего, железные орудия труда, о которых в этих краях до них никто и понятия не имел. До появления кельтов никто даже не догадывался, что повозки на колесах – отличное транспортное средство. Сегодня осколки некогда великого народа сохранились только на самом западе континента: в Ирландии (Изумрудный остров), Шотландии, Британских графствах Уэльс и Корнуэлл, французской Бретани и испанской Галиции. [Maier, 2000, 1994; Keller, 1995; Корякова, 2002].

Немецкая энциклопедия / Справочник по кельтским языкам пишет: «Так как кельты в IV и III вв. до рождения Христова, населяли всю Европу, то, само собой разумеется, что в результате длительных экономических и культурных контактов во многих европейских языках, именно в немецком сохранились кельтские слова. В своей повседневной жизни немецкоговорящие люди используют древнекельтские слова, даже не подозревая об этом» [Keller, 1995: 541]. Одним из таких слов является «Eisen» от «*isara*». Однако слово «Eisen» не является заимствованным/Lehnwort из кельтского языка, оно рассматривается в немецкой лингвистике как субстрат. Слово «Eisen» заимствованное из кельтского языка в немецкие этимологи относят к разряду адстратных, а не субстратных слов, потому что здесь не имело место поглощение одного языка другим. Оба взаимодействующих языка имели в то время свое независимое существование, несмотря на то, что кельты занимали обширные территории Европы. Наряду со словом «Eisen», в немецком языке прекрасно уживаются другие слова кельтского происхождения: *Rhein/Рейн*, *Stadt/город*, *Reich/империя* и т.д. Черты, появившиеся в языке в

результате влияния на него со стороны другого языка в условиях их длительного существования, рассматриваются как адстраты, а имевшие место лингвистические изменения как взаимовлияние и взаимообогащение языков [Вайманн, 2002: 754]. Субстрат в лингвистическом смысле «базируется на взаимодействии разноязычных народов, но лингвистически «валентным» влияние субстрата становится только тогда, когда вся масса данного языка в его строе (а не лексическом составе) сдвигается с пути развития по внутренним законам, когда возникает что-то противоречащее этим законам, когда по-настоящему происходит скрещивание языков и один из них «вбьет», подчиняясь другому, но, «погибая», вносит искажение во внутренние законы победившего языка, в его строй: морфологию и фонетику» (цитируется по: [Реформатский, 2005: 430]).

Таким образом, рассматриваемый нами объект «железо» занимает значительное место в литературе. Это объясняется, вероятно, тем что, оно является самым употребляемым металлом, на него приходится до 95% мирового производства металлов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Корякова Л. Н. Археология раннего железного века Евразии. Общие проблемы. Железный век Западной Европы. Часть I. Екатеринбург. 2002.
2. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: ФСПЕНТ ПРЕСС, 2005.
3. Трубачев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
4. Яковлева 1998 - Е. С. Яковлева. 1998 О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // ВЯ, № 3, 1999, с. 92-107.
5. Bußmann, Hadumod. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Kröner; Stuttgart, 2002; ISBN 3-520-45202-2.
6. Keller, R. *Die deutsche Sprache und ihre historische Entwicklung*. // *Enzyklopädie. Lexikon/Keltische Sprachen. Welt Chronik Sach-Artikel*. Dt. Bearb. v. Karl-Heinz Mulagk, Hamburg: Buske 1995.
7. Kluge, Friedrich. *Etimologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Walter de Gruyter, Berlin/New York 2002.
8. Köbler, Gerhard. *Gotisches Wörterbuch*. Leiden ea, Brill. 1989.
9. Maier, Bernhard. *Die Kelten, ihre Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart*. München: Beck 2000, 320 S.
10. Schanze Christoph. *Etimologische Bedeutung der Namenbestandteile*. Deutsches Seminar, Universität Tübingen [http://homepages.uni-tuebingen.de/2002/2003].
11. Tischner Heinrich. *Sprache, Stilistik, Sprichwörter* [http://www.heinrich-tischner.de/22-sp/4stil/sprw/0sprw.htm].

ИНТРОСПЕКЦИЯ КАК ЧАСТЬ «ПОТОКА СОЗНАНИЯ»

Изучение различных форм реальности, представленных в тексте художественной прозы, является новым и актуальным направлением исследования в лингвистике текста. Внутренняя реальность персонажа англоязычного художественного произведения как одна из составляющих этой многомерной структуры остается в настоящее время недостаточно изученной, несмотря на ее очевидную важность, поскольку именно эта информация представляет особый интерес для дальнейшего изучения смысловой и структурной организации текста, а также для более глубокого анализа концептуальной картины мира англоязычного социума.

Внутренняя реальность персонажа может быть представлена такими явлениями как интроспекция и «поток сознания».

Поток сознания возник в литературе модернизма XX в. Он определяется как стиль, претендующий на непосредственное воспроизведение ментальной жизни сознания посредством сцепления ассоциаций, нелинейности, оборванности синтаксиса. Термин принадлежит американскому философу, одному из основателей прагматизма Уильяму Джеймсу, который использовал его в своей работе «Принципы психологии» (1890) для описания течения мыслей в бодрствующем мозгу. Он считал, что сознание подобно потоку или ручью, в котором мысли, ощущения, переживания, ассоциации постоянно перебивают друг друга и причудливо переплетаются подобно тому, как это происходит в сновидении. В XX веке в эпоху модернизма термин «поток сознания» стал применяться в литературной критике и теории для обозначения новой техники письма. Необходимость этой новой техники была вызвана все возрастающим интересом писателей к тому, что происходит в сознании персонажа, пусть даже в ущерб важным и значительным событиям внешнего мира. При этом внимание концентрируется на относительно тривиальных вещах, которые важны не сами по себе, а в свете реакции на них со стороны персонажа.

Апри Бергсон (1859–1941), французский философ, представитель интуитивизма и «философии жизни» сыграл большую роль в утверждении метода «потока сознания». Он описывал человеческое сознание как непрерывно изменяющуюся творческую реальность, как поток, в котором мышление составляет лишь поверхностный слой, подчиняющийся потребностям практики и социальной жизни. В глубинных же своих пластах сознание может быть достигнуто лишь усилием самонаблюдения (интроспекции) и интуицией. Основу познания составляет чистое восприятие, а материя и сознание суть явления, реконструированные рассудком из фактов непосредственного опыта. Как мы видим, уже в этих определениях просматривается определенная корреляция техники «потока сознания» и интроспекции.

Философия Бергсона оказала значительное влияние на интеллектуальную атмосферу Европы, в том числе на литературу. У многих писателей первой половины XX века «поток сознания» из философского метода познания превратился в эффективный художественный прием.

Философские идеи Бергсона легли в основу знаменитого романа французского писателя Марселя Пруста (1871—1922) «В поисках утраченного времени» (в 14-ти томах). Работа, представляющая собой цикл романов, служит выражением детских воспоминаний писателя, выплывающих из подсознания. Воссоздавая ушедшее время людей, тончайшие перемены чувств и настроений, внешний мир, — писатель насыщает повествовательную ткань произведения причудливыми ассоциациями и явлениями непроизвольной памяти. Опыт Пруста — изображение внутренней жизни человека как «потока сознания» — имел большое значение для многих писателей XX века.

Ирландский писатель, представитель модернистской и постмодернистской прозы Джеймс Джойс (1882—1941), опираясь на бергсоновский прием, совершенствовал этот способ письма, в котором художественная форма занимает место содержания, кодируя в себе идейные, психологические и другие измерения.

Исследователи отмечают, что «поток сознания» представляет собой предельную степень, крайнюю форму «внутреннего монолога», в нём объективные связи с реальной средой нередко трудно восстанавливаемы. Объектом прозы «потока сознания» является непосредственно человеческая мысль и работа сознания. В прозе «потока сознания» до предела обострено внимание к субъективному, потайному в поисках человека; нарушается традиционная повествовательная структура, смещены временные планы.

Н.И. Матвеева рассматривает «поток сознания» как особый тип нарративного дискурса, опирающийся в словесном воспроизведении а) на аспект длительности внутреннего времени сознания, в котором прошлое накладывается на настоящее и б) на бесконечный поток чувственных умственных образов плана внутренней речи, активизирующих систему ассоциаций персонажа, его память, скрытые травмы сознания [Матвеева, 2003: 99].

Основные определения «потока сознания» акцентируют тот факт, что обращаясь к этой технике, писатель стремится воссоздать движение мысли и представить мир мыслей и чувств повествователя. Поток сознания определяется как «фиксация работы сознания, получающего миллиарды впечатлений, отбирающего наиболее для себя важные, устанавливающего ассоциативные связи, является основной задачей приема «потока сознания». Попытка передать работу сознания, сведя к минимуму традиционные описания и диалоги, заменив их потоком мыслей, впечатлений, эмоций, воспоминаний персонажа, часто нелогичных и

синтаксически не оформленных, являлась революционным обновлением в романной форме» [Современный словарь-справочник по литературе, 1999: 369].

Новый энциклопедический словарь определяет поток сознания следующим образом: « - творческий принцип в западноевропейской литературе в начале XX века... Как изобразительный литературный прием — прямое воспроизведение процессов душевной жизни, предельная форма внутреннего монолога, как бы самоотчет ощущений. В литературе модернизма становится самодовлеющим методом изображения жизни, претендующим на универсальность и на особую полноту иллюзии «присутствия» и сопереживания при передаче психических состояний» [НЭС, 2000: 956].

Упоминание о том, что «поток сознания» является предельной формой внутреннего монолога, и о том, что «поток сознания» представляет собой своеобразный *самоотчет* человека (персонажа) о своих ощущениях, напрямую связывает данное явление с интроспекцией, которая в одном из своих определений, соотносится с самонаблюдением. Однако, имеются и явные отличия.

Прежде всего, интроспекция — это намеренное отвлечение человека (персонажа) от непосредственных реакций на внешние стимулы и переход к анализу своих действий, оснований своих поступков и своих ощущений. В отличие от «чистой» интроспекции, по мнению Н.И. Матвеевой, «поток сознания» в первую очередь дублирует спонтанность и подвижность мышления [Матвеева, 2003]. Его целью является не только выражение мыслей героев, но, что гораздо важнее, создание и «развертывание» образа, который воспроизводит определенную внутреннюю реакцию на внешний раздражитель [Матвеева, 2003: 125].

По мнению Н.И. Матвеевой, дискурс «потока сознания» стремится воссоздать не внутренний монолог человека, обращенный к самому себе и характеризующийся традиционной повествовательной организацией текста, а внутреннюю речь, имитируя вербальными средствами быструю смену образов словесного ряда, имеющую место в естественной работе сознания [Матвеева, 2003]. Интроспекция же — своеобразный диалог человека (персонажа) с самим собой, причем этот диалог имеет своей целью прояснить для самого себя, каковы его ощущения и мотивы. В этом заключается основное отличие «потока сознания» от интроспекции, во время которой происходит целенаправленная фиксация персонажа на своем душевном состоянии.

Совершенно очевидно, что понятие «потока сознания» намного шире интроспекции. Воспоминания о фактических событиях (например, *он мне тогда сказал, что уходит*) составляют часть потока сознания, но вряд ли относятся к интроспекции, поскольку человек (персонаж) восстанавливает

цепочку прошлых событий, но не анализирует ни их, ни свою реакцию на них.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Матвеева Н.И. Нарративная структура англоязычного художественного дискурса (на материале романов «потока сознания» начала XX века). – Дис. канд. филол. наук. – М., 2003. – 192с.
2. Современный словарь-справочник по литературе. – М., 1999. – 560с.
3. Новый энциклопедический словарь. – М.: Наука, 2000. – 1456с.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТАЛОНАХ СРАВНЕНИЯ В ИДИОМАТИКЕ

Э.Б. Хабилова

Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик

Данная статья посвящена теме эталонных сравнений в языках. На наш взгляд, наиболее интересный материал сравнений представлен в идиоматике.

Далеко не секрет, что «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное сознание» [Телия 1996: 9]. По мнению Т.З. Чердашевой, «идиоматика любого языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нем народа» [Чердашова 1996: 58], поэтому изучение фразеологии помогает глубже понять «дух народа». Идиоматика языка представляет собой своего рода «сборник культурно-значимых черт национального мировидения, отраженных в тропических основаниях фразеологизмов (метафора, метонимия, гипербола, синекдоха, сравнение), представляющих результат различных восприятий одних и тех же жизненных ситуаций, качеств и свойств человеческого характера и т.п. [Ворокова 2003: 54].

«Сравнение – стилистический прием, заключающийся в сопоставлении одного предмета, явления (субъекта сравнения) с другим предметом, явлением (объектом сравнения) на основании каких-либо признаков с целью более точного и одновременно образного описания первого» [Бердников 1988: 330].

Известно, что свойство, по которому сопоставляются объекты, образует основание сравнения. По мнению Воркачева С.Г. «Если за основание сравнения принять, например, цвет, то сравнимыми будут все предметы, доступные непосредственному визуальному наблюдению, а

несравнимыми – предметы ненаблюдаемые, либо в силу своей идеальной природы («зеленые идею»), либо размера (элементарные частицы). Дальнейшее сопоставление происходит за счет умножения признаков и, соответственно, разбиения множества на классы абстракции: все наблюдаемые объекты либо как-то окрашены, либо нет (прозрачны, зеркальны); все цветные объекты либо хроматичны, либо ахроматичны (черные, белые, серые); хроматичные объекты либо относятся к «теплому» краю солнечного спектра (красные, желтые, оранжевые – халфиче), либо к «холодному» (синие, зеленые, фиолетовые – суапс). Тем самым при сопоставлении уже формируется набор семантических признаков, совокупность которых образует *tertium comparationis* – «третий термин сравнения», он же – «эталон сравнения», обеспечивающий возможность сопоставительного изучения объектов по всей полноте свойств, образующих их качественную определенность. Признаки, составляющие эталон сравнения, упорядочиваются иерархически и количественно, на них выстраиваются отношения логической выводимости и транзитивности (градуативности), а вся их совокупность приобретает черты семантической теории, которая при определенной степени эксплицитности и формализованности может считаться семантической моделью или прототипом» [Воркачев 2003: 6].

В результате сравнения выявляются тождества и подобия. На фоне тождества и подобий выявляются эталонные объекты, являющиеся основными представителями различных черт ментальности народа. Таким образом, мы говорим об эталонных сравнениях в языках.

Итак, известно, что, эталоны сравнений могут быть универсальными и специфическими, присущими сразу нескольким языкам, и могут наблюдаться лишь в одном языке. Эталонными могут быть качества, характеризующие как внутренние, моральные качества, так и внешние качества, присущие тем или иным объектам. Это такие качества как твердость, жесткость, мягкость, цвет, количество, физические качества (сила, удал, стать, красота и многие другие), внутренние, моральные качества (храбрость, трусость, смекалка, ум, глупость и т.д.).

Для каждого из перечисленных качеств в языках существуют свои эталоны. Причем наряду с универсальными эталонами, характерными для нескольких языков, существуют специфические эталоны, функционирующие только в одном языке и нигде более не встречающиеся. Это явление можно объяснить с точки зрения лингвокультурологии: носители разных языков по-разному воспринимают окружающую действительность.

Рассмотрим некоторые из эталонных качеств на примере фразеологических единиц.

Такое свойство как «чернота» (черный цвет) в английском языке выражается такими идиоматическими выражениями, как *as black as a crow's wing* «черный как воронье», *as black as a crow's wing* «черный как воронье»

крыло», as black as a raven «черный как ворон», as black as a raven's wing «черный как воронино крыло» (заметим, что данные ФЕ, в принципе, совпадают, ср. «черный как ворон», «как воронино крыло»), в русском языке используют сравнения лишь с вороном, т.е. птицей, принадлежащей к мужскому полу, в то время как в английском языке наряду со сравнениями со словом «ворон» используют сравнения со словом «ворона», т.е. птицей, принадлежащей к женскому полу). Еще одним отличием является то, что в русском языке в качестве эталона черного цвета выступает также «глаз ворона».

В английском языке наряду с вышеуказанными идиомами для выражения насыщенности черного цвета используют также такие сравнения: as black as coal «черный как уголь» (полное совпадение с русским языком), as black as ink «черный как чернила» (характерно только для английского языка), as black as soot «черный как сажа» (полное совпадение с русским языком), as black as the ace of spades (данное выражение не имеет аналога в русском языке, букв. столь же черный как туз лопаты.). Можно предположить, что в английском языке для выражения насыщенности черного цвета объекты сравнивают с лопатой, т.к. с помощью неё выполняют работу с землей черного цвета, лопата пачкается в земле и приобретает данный цвет.

Не менее интересно обстоит дело с эталонами различных качеств человека. Например, трудолюбие. В русской культуре эталоном трудолюбия выступают муравей, пчела и белка: «трудолюбивый как муравей», «трудится как пчелка», «вертеться как белка в колесе», в английской культуре эталонами данного качества выступают пчела и бобр: as busy as a bee «занятый как пчела», as busy as a beaver «занятый как бобр». Также в обеих культурах эталоном чрезмерной опеки и суетливости выступает курица: «вноситься как курица с яйцом» - as busy as a hen with one chicken (вноситься как курица с одним цыпленком). В татарском языке эталоном трудолюбия, как и в русском, выступает муравей: «кырмаккадай тырыш».

Еще одним стереотипом работоспособности в русском языке выступает вол: «работать как вол».

Сравнивая фразеологические единицы, связанные со значениями «трусости» и «страх», можно сделать вывод, что в английской, русской и татарской лингвокультурах эталоном данного качества выступает «заяц». Ср. фразеологизмы русского языка: «зачья душа», «трусливый как заяц», «дрожит как заяц», английские фразеологизмы: as timid as a hare «напуганный как заяц», as scared as a rabbit «напуганный как кролик, до смерти напуганный», татарский фразеологизм куркак, куял йорак – зачья душа.

Еще одним эталоном, характерным для всех трёх культур, является лиса - эталон хитрости. В русском языке зооморфизмов со словом «лиса» можно найти очень много: «хитрый лис», «лиса Патрикеевна», «старый

лис», «хитрый как лис». В языке очень часто исполняют восклицание, например «Эх, лиса, лиса...», что означает очень хитрый и т.д.

Примеров в английском и татарском языках тоже можно найти немало: play fox – хитрить, притворяться, прикидываться, дословно «играть лисой»; as cunning as a fox – хитрый как лиса; an old fox – старый лис, хитрец; талке кебек хайлакяр, хайлакяр талке – хитрый как лиса.

Итак, в ходе нашего исследования были выделены следующие эталоны:

1. Эталонами черного цвета в русском языке являются ворон, крыло ворона, глаз ворона, сажа, уголь; в английском языке ворона, воронье крыло, ворон, крыло ворона, уголь, чернила, сажа, лопата;
2. Эталоном трудолюбия в татарской и русской лингвокультурах является муравей; в русской и английской лингвокультурах эталоном трудолюбия выступает пчела; в русской лингвокультуре также эталонами являются белка и вол, а в английской бобр;
3. Эталоном трусости в трёх культурах выступает заяц;
4. Эталоном хитрости в трёх культурах выступает лиса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воркачев С.Г. Эталонность в сопоставительной семантике // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 25. - М., 2003.
2. Ворокова Н.У. Национальная культура в идиоматике. Нальчик: 2003.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
4. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура // ВЯ. 1996. №1
5. Энциклопедический словарь юного лингвиста / Сост. Г.П. Бердникова М.: Педагогика - 1988.

ЭВФЕМИЗАЦИЯ КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РУССКИХ СЛОЖНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ С СЕМАТИКОЙ АРГУМЕНТИРОВАННОГО НЕСОГЛАСИЯ

А.Г. Хорошавина

Институт экономики, управления и права
г.Казань

Языковые явления зоны переходности привлекают пристальное внимание исследователей на протяжении нескольких последних десятилетий. Их активное функционирование в языке, с одной стороны, и недостаточная изученность, с другой, стимулируют научный поиск. Развитие новых лингвистических теорий открывает возможности изучения этих явлений с ранее неизученных сторон.

В своей статье мы обращаемся к рассмотрению сложных единиц, имеющих переходный статус как на грамматическом, так и на семантическом уровнях, – фразеологизированных конструкций с семантикой аргументированного несогласия. Необходимость учета языковых фактов, не вмещающихся в общепринятые классификационные рубрики, неоднократно отмечалась многими исследователями (В.В.Виноградов, Л.В.Щерба и др.). Становление фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины и развитие теории фразеологизации способствовало рассмотрению вопроса о статусе фразеологизированных конструкций. Анализ явления синтаксической фразеологизации нашел отражение в работах целого ряда ученых: В.Л.Архангельского, Л.И.Ройзензона, В.А.Белошапковой, Н.Ю.Шведовой, Д.Н.Шмелева, В.И.Кодухова, А.М.Слепцовой и др. Проблема разграничения собственно фразеологизмов и фразеологизированных конструкций, представляющих собой разные ступени фразеологизации, была решена в работах В.Л.Архангельского (1964), И.С.Торопцева (1966), А.В.Пашковой (1966) и др. После рассмотрения вопроса о конститутивных признаках данных переходных единиц внимание исследователей было обращено к их отдельным видам, прежде всего темпоральной, каузальной и противительной семантики (В.А.Белошапкова, Л.И.Новикова, Н.М.Карпенко, А.М.Слепцова, Р.М.Теремова, Н.А.Андромонова, Г.Н.Смирнов, Н.Ф.Исламова, Л.М.Салкина и др.). Сложным фразеологизированным конструкциям с семантикой аргументированного несогласия были посвящены отдельные замечания в статьях А.В.Дудникова (1966), А.М.Слепцовой (1966), Н.С.Жигалова (1974), Г.Н.Смирнова (1982), У.И.И (1988) и диссертационное исследование автора (Хорошавина 1996).

Ранее мы обращались к исследованию прагматического потенциала русских фразеологизированных конструкций с семантикой аргументированного несогласия [Хорошавина 1995; 2008]. Изучению была подвергнута конструкция *не + Мол., чтобы*. Отдельного рассмотрения, несомненно, заслуживают местоименно-соотносительные конструкции фразеологического типа с отрицанием при соотносительном слове [Грамматика современного русского литературного языка 1970:690], сближающиеся по общей синтаксической семантике с рассмотренной уже фразеомоделью. (Например, *Не такой город Петербург, чтоб в нем раньше ободили стравить (М.Е.Салтыков-Щедрин)*). Некоторые замечания о прагматике этих конструкций уже были сделаны нами [Хорошавина 2009], однако весь спектр их прагматических функций пока не изучен. Поэтому предметом рассмотрения в настоящей статье стала одна из прагматических функций этих фразеомоделей – эвфемизация.

Эвфемия как лингвистический феномен активно изучалась и изучается многими отечественными и зарубежными исследователями,

однако говорить о вполне сформированной теории еще преждевременно, поскольку слишком много фундаментальных положений носят пока дискуссионный характер. Вместе с тем достигнуты неоспоримые успехи в изучении этой языковой универсалии: успешно изучается природа эвфемии, уточняется дефиниция эвфемизма как феномена языка, ведется работа над выделением типологических свойств и созданием типологии эвфемизмов, изучаются способы их образования (В.П.Москвин, Т.Л.Павленко и др.); этот феномен рассмотрен в диахроническом и синхроническом аспектах (Л.П.Крысин, Н.А.Евсеева и др.), исследован в аксиологическом плане (Ю.Д.Апресян, В.В.Хлынова и др.); изучается эвфемистический ресурс единиц различных языковых уровней.

Не останавливаясь на дискуссионных вопросах дефиниции явления, отметим, что в настоящей статье мы понимаем эвфемизацию как процесс реализации (в единицах языка) в ходе речевого акта интенции говорящего, состоящей в смягчении того, что представляется ему неактивным, грубым. «В речевом акте эвфемизм (курсив М.Л.Ковшова), – пишет М.Л.Ковшова, – говорящий сознательно нарушает коммуникативный постулат ясности, т.е. эвфемизм, согласно своему предназначению, должен создавать неоднозначность, расплывчатость, семантическую неопределенность высказывания, чтобы избежать излишне прямолинейного, а значит резко, бестактного, грубого описания чего-либо» [Ковшова 2007:40]. Специалисты, изучавшие эвфемии в ракурсе коммуникативной, скорее наоборот, способствует ему, поскольку нарушение носит лишь формальный характер. Адресат же благодаря общему фонду знаний легко декодирует смыслы «закачанные» в эвфемизм.

Описывая семантику местоименно-соотносительных конструкций фразеологического типа с отрицанием при соотносительном слове, заметим, что отрицание препозитивной части, относящееся к предикату, а к местоимению *такой*, придает главной части конструкции не общеотрицательный, как в случае с конструкциями типа *Я не врач, чтобы лечить*, а частичноотрицательный характер. Для семантики рассматриваемых конструкций свойственно не отрицание самого признака, отрицается лишь некоторая его степень. Формант *такой* в конструкциях этого типа является строевым элементом, однако степень его участия в формировании семантики и, следовательно, прагматического потенциала модели неодинакова.

Имеющийся языковой материал позволяет говорить о трех разновидностях конструкций с соотносительным словом *такой*:

1. Местоименно-соотносительные конструкции, построенные по модели *не + такой + N_п* (полнозначная лексема), *чтобы*. Например, *Не такой я лопух, чтобы указывать* (Р.Белоглазова);
2. Местоименно-соотносительные конструкции, построенные по модели *не + такой + N_п* (лексема с ослабленным значением), *чтобы*. В роли

такой лексемы обычно выступают слова с родовым значением, называющие общие понятия. Например, *Не такая это женщина, чтобы стала из-за пустого каприза верным положением рисковать* (М.Салтыков-Щедрин).

3. Местомножительно-соотносительные конструкции, построенные по модели не + *такой*, чтобы. Например, *Я знаю, ты не такая, чтобы этим интересоваться, да и денги у тебя всегда есть* (К.Финн).

Рассматривая каждый тип, можно отметить, что в главной части конструкций первого типа отрицается не сам признак, не его наличие, а лишь его определенная степень: *Не такой лопух* = 'язвительный, глупый, но не очень'. Местомножительно-соотносительный компонент *такой*, безусловно, модифицирует семантику конструкции. Фразеомодели с семантикой аргументированного несогласия функционируют в диалогизированном контексте, представляющем коммуникативную ситуацию контраста. Такая ситуация способна развиваться как в сторону углубления антагонистических отношений собеседников, так и в сторону их нивелирования. Стоящие перед коммуникантами коммуникативные задачи заставляют их выбирать те речевые тактики, которые позволят достичь целей коммуникации. Эвфемия позволяет собеседникам успешно нейтрализовать коммуникативную ситуацию конфликта. Так, в рассматриваемом примере говорящий явно не считает себя глупым и наивным, однако чтобы его возражение не носило характера резкого возражения (*Я не лопух*), он прибегает к конструкции, которая демонстрирует некоторое согласие с собеседником, тем самым смягчая возражение. Конечно, такой прием нельзя считать эвфемизацией, но прагматическая задача смягчения возражения, которое способно усугубить коммуникативную ситуацию конфликта, выполняется.

Семантика второй разновидности модели, когда в позиции предиката стоит лексема с ослабленным значением (*человек, город, девушка, место, женщина* и т.д.), становилась уже объектом внимания лингвистов [Смирнов 1982]. По поводу данного случая Г.Н.Смирнов заметил: «Как нам кажется, во многих случаях произошло переосмысление конструкции: она не столько указывает на отсутствие у субъекта необходимых качеств, сколько наоборот, утверждает наличие у него черт характера, которые не позволяют ему совершить определенное действие» [Смирнов 1982:37]. Относительно этого типа конструкций можно говорить, что формант *такой* в них находится на пути от местомножительно-соотносительности к усилительности. Для предложений этой группы характерно приобретение качества компонентом *такой*, поскольку в сочетании с лексемой с ослабленным значением основная семантическая нагрузка, связанная с функцией квалификации, ложится именно на местомножительно-соотносительный компонент. Среди языковых способов эвфемизации исследователи называют использование гиперонимов, т.е. слов общей семантики вместо слов, называющих конкретные явления и предметы

[Кобозева 2000; Ковшова 2007]. Использование таких лексем в позиции предиката ведет к созданию семантической неопределенности, которая является одним из главных типологических качеств эвфемии.

Третий тип рассматриваемых конструкций демонстрирует нам случай, когда формант *такой* полностью берет на себя функцию характеристики, квалификации. Однако квалификация носит неточный, несколько размытый характер. Контекст в значительной мере помогает устранить эту неточность, но прямая номинация, полностью снимающая семантическую неопределенность конкретного высказывания, отсутствует. Обращает на себя внимание тот факт, что в этой разновидности конструкции местомножительно-соотносительным компонентом *такой* осуществляется характеристика исключительно лица. Использование форманта *такой* в позиции предиката можно объяснить намерением говорящего избежать прямой номинации и прибегнуть к эвфемизации. Например, *Шура не такой, чтоб чужое без спросу брать* (ср. *Шура не вор, чтоб чужое без спросу брать*). Действительно, использование местомножительно-соотносительных конструкций достаточно распространено. Денотативная неконкретность местоимений позволяет создать с их помощью семантическую неопределенность. Предикатная функция в этом случае акцентирует такой эвфемистичный способ характеристики.

Таким образом, говоря об эвфемизации как прагматической функции местомножительно-соотносительных конструкций фразеологического типа с отрицанием при соотносительном слове, заметим, что не все разновидности этих фразеомодели способны в полной мере к ее реализации. Лишь два последних типа этих конструкций имеют потенциал, позволяющий полноценно осуществлять в речевом акте функцию смягчения характеристики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
2. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
3. Смирнов Г.Н. Сложные предложения типа «не + номинатив, чтобы» // Переходность в системе сложного предложения современного русского языка. – Казань: Изд-во КГУ, 1982. – С. 33-41.
4. Хорошавина А.Г. Сложные фразеологизированные конструкции с семантикой аргументированного несогласия в современном русском языке: Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук / А.Г.Хорошавина. – Казань, 1995
5. Хорошавина А.Г. Некоторые замечания о сенсibilизирующих компонентах в структуре русских фразеологизированных конструкций с семантикой аргументированного несогласия // Изучение славянских языков, литератур и культур как индоевропейских и иностранных. Симпозиум МАПРЯЛ - Белград, 2008. – С. 139-140.

6. Хорошавина А.Г. Замечания о прагматических функциях местоименных компонентов в структуре русских фразеологизированных конструкций с семантикой аргументированного несогласия // Славянские языки и культуры в современном мире. Материалы Международного научного Симпозиума. – М., 2009. – С. 90-91

Секция 4. ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

НЕМЕЦКИЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ИМЕННЫМ КОМПОНЕНТОМ С СЕМАНТИКОЙ «ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ» И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А.В. Гутарова
Казанский государственный университет

На современном этапе развития языкознания все больший интерес вызывают исследования сопоставительного и типологического плана, позволяющие проследить взаимодействие языков мира друг с другом и установить определенные тенденции в развитии в плане сближения или расхождения.

Проблема аналитизма, грамматического и лексического, является одной из наиболее широко дискутируемых проблем языкового исследования аналитических глагольно-именных конструкций (АГИК) как в немецком, так и в русском языкознании. Данные конструкции, чрезвычайно разнообразные в структурно-грамматическом отношении, обладают различной степенью устойчивости составляющих их компонентов, законченности содержания и грамматической формы.

Аналитические глагольно-именные конструкции (АГИК) функционируют как явление языковой синонимии, как перифразы к существующей лексической единице. Они возникают в определенных стилистических условиях, там, где идут поиски, выбор средств и способов выражения мысли, где отчетливо прослеживается стремление избежать повторений, шаблона, подчеркнуть своеобразие функционально-речевого стиля и преследуется стилистическая задача. Именно потребности коммуникации, поиски стилистических вариантов выражения приводят к созданию данных конструкций.

Характерной чертой АГИК являются особые соотношения глагольного и именного компонентов.

В АГИК входят отглагольные существительные, имеющие этимологически родственный производящий глагол, от которого они образованы, и являющиеся наименованием действия или состояния, а также существительные, которые, не являясь в чистом виде отглагольными, по своему значению приближаются к ним. Кроме того, в составе АГИК употребляются существительные, обозначающие чувства, переживания, эмоции человека, и отвлеченные существительные, характеризующие какие-либо состояния, процессы и т. п. [Месинева, 1972: 95-97].

Часто именным компонентом немецкой АГИК является существительное, образованное от сильного глагола [Литвишес, 1971: 98-107]. В данном случае при образовании именного компонента важную роль играют корневые и деривационные морфемы, а также аффиксы и флексии [Степанова, 1963: 15-25]. Именной компонент образуется с помощью таких словообразовательных средств, как суффиксы *-schaft* (*Freundschaft*), *-ung* (*Führung, Leistung, Steigerung*), *-keit* (*Sicherheit*), *-heit* (*Zartheit*), *-igkeit* (*Hilfslosigkeit*), *-tion* (*Organisation*), *-tät* (*Produktivität*) [Крашенинникова, 1960; Фляйшер, Степанова, 1984]. Особенно продуктивными с точки зрения словопроизводства являются суффиксы *-schaft* и *-ung* [Маслова, 1985]. В образовании АГИК особое значение приобретают абстрактные отглагольные существительные на *-ung*: *Anwendung, Verwendung, Erklärung, Deutung, Fortsetzung, finden* [Даниэль, 1963].

Именной компонент немецкой АГИК может быть выражен также с помощью субстантивированного инфинитива, например, *zum Lachen, in Lachen ausbrechen* (разразиться смехом) [Ефимова, 1972: 25-41].

Отношения компонентов глагольного сочетания представляют собой тот или иной вид семантической спайки "ослабленного", модифицированного или формирующегося лексического значения глагола с лексическим значением слов именной семантики.

Глагол в устойчивом словосочетании является лексически исполненным словом, напоминает глагол-связку в составном сказуемом. Смысл устойчивого сочетания в целом заключен в грамматически зависимом компоненте – существительном или субстантивированном прилагательном, которые становятся семантическим центром всего сочетания, например: *imеть беседу, приводить данные* и т. п.

Более подробно мы остановимся на проблеме сопоставительного анализа перевода немецких аналитических глагольно-именных конструкций с именным компонентом со значением «положительные эмоции» на русский язык. Материалом для исследования послужил роман Г. Бёля "Групповой портрет с дамой" на немецком языке и в переводе на русский язык (перевод Л. Б. Черновой).

При рассмотрении материала мы выделили группу именных компонентов немецких АГИК с семантикой «положительные эмоции».

образующих структурные ряды с одним и тем же существительным, напр., *Freude machen* русск. доставлять радость, радовать, *Freude bereiten* русск. доставлять радость, радовать, *Freude spüren* русск. чувствовать радость, радоваться, *Freude spenden* русск. доставлять радость, радовать, *Trost suchen* русск. искать утешения, *Trost finden* русск. находить утешение, утешаться; *Aus der Ruhe bringen* русск. терять спокойствие, выводить из равновесия, *In Ruhe lassen* русск. оставлять в покое и др.

На русский язык АГИК с именными компонентами со значением «положительные эмоции» часто переводится с помощью простых финитных глаголов с указанной семантикой или глагольно-именных словосочетаний, ср.: 1) *Sie hat diese Gedächtnisse auswendig gelernt, um ihm eine Freude zu machen, und es hat ihm Freude gemacht...*...ей хотелось доставить удовольствие Борису. Ему она доставила удовольствие, или 2) *...die noch verwendbar ist und ihrem Träger Freude macht ...? - ... которая вполне годна для носки и даже может и впредь радовать ее владельца?*

Именной компонент играет особую роль там, где глагол один не в состоянии справиться с коммуникативной задачей более детального представления семантики процесса или качества/состояния и т.п. в определенных контекстах. С другой стороны, активный процесс образования новых отглагольных и отглагольных существительных обуславливает возникновение рядов АГИК по модели: разные именные компоненты с одним и тем же глаголом.

Таким образом, как в немецком, так и в русском языке, существуют ряды моделей, по которым могут образовываться АГИК, но обычно немецкой конструкции соответствует в русском языке финитный глагол, то есть данные модели, присущие немецкому языку, в русском языке реализуются реже. Это свидетельствует о большем аналитизме немецкого языка по сравнению с русским и о стремлении его к номинальному стилю речи, т.е. к более дробной форме выражения действия. Мы полагаем, что русскому языку все же более присущ характер глагольности, точнее, «отглаголивания» действия. Этим объясняется факт меньшей употребительности АГИК в русских примерах по сравнению с немецкими.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антышев А.Н. Грамматико-лексическая характеристика коррелирующих сильных глаголов и существительных современного немецкого языка / А.Н. Антышев // Вопросы романо-германской филологии. Ученые записки. Т. 64.- М., 1971.- С. 98-107.
2. Бель Г. Групповой портрет с дамой / Г. Бель. - Кишинев: Лумина, 1987. Кн. 2. - 448 с.
3. Ефимова М.А. О некоторых морфологических и лексико-семантических способах словопроизводства в современном немецком языке (к проблеме номинализации вербальных конструкций и словосочетаний) / М.А.

Ефимова // Вопросы романо-германской филологии: Сборник трудов МГПИ им. М. Тараса. В. 67.- М., 1972.- С. 25-41.

4. Крашенинникова Е.А. / Е. А. Крашенинникова // Новое в немецкой грамматике. В. 3. - М.: Учпедгиз, 1963. - 160 с.
5. Маслова Н.А. Семантика и синтаксис производных имен существительных в современном немецком языке / Н.А. Маслова. - Казань: КГУ, 1985. - 174 с.
6. Месинева Л.А. О семантико-структурном своеобразии глагольно-именных описательных оборотов аналитического типа в русском и немецком языке / Л.А. Месинева // Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков: Тезисы докладов на научно-теоретической конференции в г. Новгороде (1972). Ч. 2. - Новгород, 1972. - С. 95-97.
7. Степанова М.Д. Структура слова и анализ по непосредственно составляющим (на материале современного немецкого языка) / М.Д. Степанова // Проблемы морфологического строя германских языков. - М., 1963. - С. 15-25.
8. Фляйшер В., Степанова М.Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке / В. Фляйшер, М.Д. Степанова. - М.: Высшая школа, 1984. - 264 с.
9. Böll H. Gruppenbild mit Dame / H. Böll. - Köln: Verlag Kiepenheuer&Witsch, 1986. - S. 467.
10. Daniels K. Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache - Nominaler Ausbau des verbalen Denkkreises / K. Daniels. - Düsseldorf: Schwann, 1963. - S. 249.

ОБУЧЕНИЕ РАБОТЕ С НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

А.А. Мухамалиева

Астраханский государственный университет

Задачей вузов является подготовка конкурентоспособного специалиста в условиях информационно-технологического общества. Развитое мышление, способность находить и обрабатывать информацию, оперировать ею, творчески ее использовать становится главным условием эффективности профессиональной деятельности. В связи с расширением связей с зарубежными странами, возрастанием контактов с представителями иноязычных культур, возникает необходимость в повышении уровня владения иностранными языками студентов

неязыковых специальностей. Изучение иностранных языков обеспечивает потенциальные возможности коммуникации, значительно расширяют сферы профессионального сотрудничества.

В высших учебных заведениях на языковых специальностях возможность уделять много времени иностранному языку ограничена. Поэтому в задачи преподавателя входит, помимо прочего, научить студента работе с научно-технической литературой. Понимание научно-технических текстов обеспечивается, прежде всего, владением соответствующей лексикой, а также знанием основных характеристик данной литературы.

К научно-техническим текстам относятся научные статьи, монографии, технические описания. Тема при этом значения не имеет. Такие тексты характеризуются стабильностью типологических признаков, которые обусловлены, прежде всего, преобладанием когнитивной информации, под которой понимаются объективные сведения о внешнем мире. Когнитивная информация оформляется следующими основными языковыми средствами:

1. Языковые средства, повышающие уровень плотности когнитивной информации. Это лексические сокращения (общенаучные, например, «и т.д.», «etc.», «e.g.»); специальные терминологические, например, ЭКГ – «электрокардиограмма», ВОР – «Balance of Payment»; графические (двоеточие, скобки); синтаксические (наличие причастных оборотов речи, являющихся компрессивными синонимами определительных придаточных). Использование разнообразных вспомогательных знаковых систем также повышает плотность информации.
2. Термины. Они лишены эмоциональности и однозначны. Терминологическая лексика дает возможность наиболее точно, четко и экономно излагать содержание данного предмета и обеспечивает правильное понимание существа трактуемого вопроса.
3. Нейтральная лексика, создающая нейтральный лексический фон.
4. Объективность когнитивной информации обеспечивается наличием пассивных конструкций, безличных и неопределенно-личных подлежащих, глагольных конструкций с пассивным значением, преобладанием настоящего времени глагола. Подчас использование причастных, инфинитивных и герундиальных оборотов, а также некоторых других чисто книжных конструкций затрудняет понимание текста и ставит перед переводчиком дополнительные задачи.
5. Обилие сложных слов, образованных по словообразовательным моделям с абстрактным значением, номинативный стиль, специальные средства когезии обеспечивают абстрактность когнитивной информации.

Научно-технический текст характеризуется логичностью построения, что обеспечивается графическими средствами.

Преобладание языковых средств, оформляющих когнитивную информацию, исключают наличие эмоциональной информации. Средства объективизации не дают появиться субъективному началу.

Из научно-технического текста получают также оперативную информацию, представляющую собой побуждение. Она касается конкретных условий объективности описания исследования, которые решают обязан принять к сведению. Доминирует, наравне с когнитивной информацией, оперативная информация в инструкциях к различным техническим устройствам.

Коммуникативное задание научного текста – сообщить новую информацию. Эта информация всегда опирается на уже известные факты. Вышеперечисленные особенности научно-технических текстов необходимо учитывать при переводе.

Рассмотрим английское предложение из текста инструкции и его перевод на русский язык:

The V and A buttons are used to adjust the tracking when, for example, noise bars on the picture are better removed manually than by automatic digital tracking control. – Кнопки V и A используются для регулировки трекинга, когда, например, шумовые полосы на изображении удаляются вручную лучше, чем при помощи автоматического цифрового трекинга.

Прежде всего, необходимо обратить внимание студентов на то, что в данном тексте присутствует исключительно когнитивная информация. Ее подача обеспечивается языковыми средствами: терминами (*to adjust the tracking – регулировка трекинга, noise bars – шумовые полосы, the picture – изображение, automatic digital tracking control – автоматический цифровой трекинг*), пассивными конструкциями, инфинитивами (*are used to adjust, are removed*), а также использованием глаголов в настоящем времени. Перечисленные языковые средства не вызывают трудности при переводе предложения, производятся лишь некоторые трансформации, правомерные с точки зрения норм русского языка.

В переводе заменяется инфинитив "to adjust" на существительное с предлогом «для регулировки». Эта замена частей речи является правомерной, т.к. существительное с предлогом выступает в функции обстоятельства цели так же, как и инфинитив в английском варианте. Перестановка слова "better" в переводе в конец фразы приводит к его выделению, поскольку, как известно, данная позиция является сильной. Кроме того, наблюдается замена предлога «by» фразеологизмом с нейтральной стилистической окраской «при помощи». Такая замена объективна, поскольку она определяется расхождениями в грамматическом строе языков. В данном предложении встречается дущеленная атрибутивная группа, образованная цепочкой существительных без флексий (*automatic digital tracking control*) и имеющая в своем составе прилагательные. Стержневым компонентом словосочетания, который всегда стоит на конце, является *control*. Исходя из контекста, из всех сочетаний прилагательного *digital* наиболее

вероятным является digital tracking («цифровой трекинг»), а прилагательного automatic – automatic control («автоматический контроль»). В целом все словосочетание переводится как «автоматический контроль за цифровым трекингом». При переводе употреблялся такой тип трансформации, как опущение (опущено слово «контроль»).

Данный пример работы с научно-техническим текстом можно использовать на занятиях со студентами неязыковых специальностей. Конечно, это требует определенной подготовки и знаний не только терминологического характера, но и грамматического строя английского языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – <http://linguistic.ru/index.php?id=86&op=content>.
3. Воскобойник Г.Д. Когнитивный диссонанс как проблема теории и практики перевода: Основные конституальные положения. Иркутск, 2002. – 31с.
4. Пенежина Е.В. Предпереводческий анализ как этап переводческого процесса. – <http://sanket.uzd.ac.ru/revizija/interp.htm>.
5. Рабцова Н.К. Теория и практика перевода: когнитивный аспект // Перевод и коммуникация. – М.: ИЯЗ РАН, 1997. – С. 42-63.
6. Хлевава Ю.А. Способы представления информации в современных немецких репортажах: когнитивный аспект. – http://www.amursu.ru/vestnik/4/50_4_99.html.

Секция 5. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

РОЛЬ МЕТОДА ПРОЕКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Ю.И. Бокатина

филиал Самарского государственного университета путей
сообщения, Республика Мордовия

В условиях перехода к новой образовательной парадигме и под влиянием идеи гуманизации складываются предпосылки для распространения и развития личностно-ориентированного типа

образования, суть которого состоит в признании личности ученика важнейшей ценностью, в создании условий для развития школьника (см. работы В.В. Краевского, В.В. Серикова, А.В. Хуторского, И.С. Якиманской, Е.В. Бондаревской, А.Н. Тубельского и др.). Личностно-ориентированный подход в обучении русскому языку связан, в первую очередь, с мотивационным направлением, при котором большую роль играет создание благоприятной обучающей и воспитывающей среды, опора на чувства и эмоции обучаемого [Стычева 2009: 300].

Понятие «индивидуальная образовательная траектория» является одним из ключевых для понимания сути личностно-ориентированного образования. Его функционирование в педагогическом контексте, на наш взгляд, обусловлено вниманием личностно-ориентированного образования к индивидуальным особенностям каждого ребёнка, необходимостью создания условий для его самореализации.

Индивидуальные образовательные траектории учащихся связываются с осуществлением личностно значимой деятельности в работах Н.В. Рыбалкиной. В работах И.С. Якиманской используется понятие «индивидуальная траектория психического развития», которое тесно связано с активностью ребёнка как выражением его субъектности [Якиманская 1996: 59]. А.В. Хуторской рассматривает индивидуальную образовательную траекторию как «результат реализации личностного потенциала ученика в образовании через осуществление соответствующих видов деятельности» [Хуторской 2005: 89]. Схожей с взглядами А.В. Хуторского позиции относительно сущности индивидуальной образовательной траектории придерживаются Ю.Г. Юдина, А.И. Березинцева, В.В. Михайлова, О.Л. Дановская, Л.И. Корякина и др.

На основе анализа психолого-педагогической литературы можно сделать вывод, что индивидуальная образовательная траектория представляет собой конечную цель обучения или какого-либо его отдельного этапа, идеальный результат, необходимость достижения которого имеет личностную значимость для ученика. Индивидуальная образовательная траектория должна выстраиваться школьником самостоятельно при координации своих действий с учителем. При этом педагог выступает в роли консультанта, помощника. Источниками построения индивидуальной образовательной траектории являются индивидуальные предпочтения школьников, их жизненные планы. Следовательно, они выстраиваются на основе личностного компонента содержания образования.

На наш взгляд, из всего многообразия педагогических технологий, направленных на формирование у школьников способности к выбору и внедрению собственной индивидуальной образовательной траектории в процессе обучения русскому языку, наиболее актуальным является метод проектов. При этом под методом проектов понимается набор техник и

приёмов, позволяющих создавать образовательные ситуации, в которых учащийся ставит и решает собственные проблемы, и технология сопровождения самостоятельной деятельности учащегося [Щербакова 2009: 8].

Основой проектной деятельности является проблема теоретического или практического характера, имеющая для школьника личностную, субъективную значимость. Проект как специально организованный учителем и самостоятельно выполняемый детьми комплекс действий ориентирован на решение данной проблемы. Результатом проектной деятельности является создаваемый школьниками продукт, который реализуется в форме доклада, реферата, исследовательской работы, презентации, творческого отчёта.

Следовательно, использование метода проектов в процессе обучения русскому языку способствует увеличению уровня самостоятельности школьников в достижении учебных целей, формированию функциональной грамотности в использовании языкового материала. Увеличение объёма знаний, умений и навыков повышает готовность ученика к самореализации [Стычева 2009: 300].

Приведём пример исследовательской работы ученика на тему «Особенности этимологических словарей», выполненной учащимся при помощи метода проектов:

«Вы задумывались когда-нибудь над тем, почему какой-то предмет действительности назван именно так, а не иначе? Пытались ли вы узнать, откуда произошли слова: *торжество, богатый, зима, волейбол, зеркало*? Я думаю, хотя бы раз в жизни вы задумывались над этим, ведь все мы рождаемся с потребностью разгадать тайну появления слова, понять его истоки, выявить скрытый смысл, заложенный в нем. Но иногда нашего жизненного и лингвистического опыта бывает недостаточно, чтобы правильно определить происхождение слова. Вот тогда на помощь нам приходят этимологические словари.

Цель нашей работы – выявить особенности этимологического словаря, раскрыть способы его применения.

Существует специальная наука – этимология, которая возникла ещё в античной Греции. Её цель – выявить происхождение слова. Решение этой проблемы мы можем найти в этимологических словарях, содержащих слова с объяснением их происхождения. Из них мы узнаем, как образовалось слово, каким был раньше его морфемный состав, какие слова являются ему родственными. Если слово заимствовано, то мы можем узнать, как оно попало в русский язык, когда и из какого языка пришло к нам. В этимологических словарях показывается возникновение слова и вся его жизнь, раскрывается его биография. В них, как в зеркале, отражается история языка и культура народа-носителя языка. Например, слово *торжество* происходит от *торг*. Раньше оно означало «то, что

совершается на «торгу», то есть при большом скоплении народа. Словосочетание *торговая жизнь* означало «публичная», то есть происходящая на площади, при всех. Отсюда торжеством стало именоваться публичное прославление, общий праздник, а затем и радость по поводу успеха, победы.

Как же может нам пригодиться этимологический словарь в школьной практике? Чем может помочь?

Этимологический словарь способствует глубокому раскрытию значений слов. Определяя происхождение слова, мы обычно ищем причину, почему предмет, получивший наименование, был назван так, а не иначе. Таким образом, мы выявляем образ, положенный в основу слова. Так, наречие *дотла* означает «без остатка, до основания (преимущественно о том, что сгорело)». Оно образовано от слова *тла*, что означало «дно, под, основание». Для слова *насеканое* будет родственным слово *насечки*. Животное названо по насекомкам, которое делат тело на части и характерны для данного вида животных.

Часто этимологические словари помогают выяснить, что иногда очень разные по значению слова являются родственными по происхождению. Например, улитка, улей и улица – совершенно разные предметы, ничего общего не имеющие между собой. Однако если внимательно присмотреться к их составу, то можно заметить общий элемент ул. В древности слово *ула* обозначало «дыра, отверстие, дулло». Слово *ула* ушло из употребления, но оно породило слова *улитка, улей и улица*: улитка – живое существо, живущее в уле – в убежище; улей – дулло, где жили пчёлы; улица – маленькая ула.

Этимологические словари дают нам возможность не только узнать происхождение слова, но и во многих случаях понять, почему слово пишется так, а не иначе. Так, в слове *текстильный* в корне пишем гласный *е*. Слово заимствовано из французского языка. Французское *teixe* означало «ткань». К этому же слову восходит слово *текст*, которое первоначально означало «сотканное», а затем получило значение «связь», «стиль», «слог». Проверим: текстильный – текст. В корне пишем *е*.

Следовательно, этимологические словари являются нашими верными помощниками. Они помогают узнать первоначальное значение слова, его первоначальный морфемный состав, выявить его родственные связи, понять его написание».

Необходимо отметить, что обращение к истории языка при выборе темы для исследования школьников продиктовано учётом реализации культурообразовательной функции лично-ориентированного образования (Е.В. Бондаревская). Кроме того, А.В. Хуторским подчёркивается факт необходимости воспитания школьника как человека культуры, способного влиять на собственную образовательную

траекторно путём соотношения её с национальными и общечеловеческими достижениями [Хуторской 2002].

Таким образом, личностно-ориентированное обучение русскому языку в школе подчёркивает значимость и необходимость развития познавательной сферы ребёнка. Моделирование и внедрение школьниками индивидуальных образовательных траекторий способствует организации их исследовательской и творческой деятельности, созданию условий для самостоятельного выбора уровня изучения предметов и форм образования. Одной из ведущих технологий при формировании у учащихся способности к выбору и внедрению собственной индивидуальной образовательной траектории в процессе обучения русскому языку становится метод проектов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Организация проектной деятельности в школе: система работы [Текст] / авт.-сост. С.Г. Щербакова и др. – Волгоград: Учитель, 2009. – 189 с.
2. Стычева, О.А. К вопросу об учебно-методическом обеспечении уроков русского языка в школах Республики Казахстан [Текст] / О.А. Стычева // Методика преподавания славянских языков с использованием технологии диалога культур. – Томск: Издательство ТПУ, 2009. – С. 298 – 304.
3. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты [Электронный ресурс] // А.В. Хуторской. – М., 2002. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>. – Загл. с экрана.
4. Хуторской, А.В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному? [Текст] / А.В. Хуторской. – М.: Владос-пресс, 2005. – 383 с.
5. Якиманская, И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе [Текст] / И.С. Якиманская. – М.: Сентябрь, 1996. – 96 с.

ЕДИННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН (ЕГЭ) КАК РЫЧАГ СКРЫТОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УЧИТЕЛЯ «ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА»

Р.П. Кайшева

Удмуртский государственный университет
г. Ижевск

*Самым важным явлением в школе,
самым поучительным предметом,
самым живым примером для ученика
является сам УЧИТЕЛЬ.
А. Дистервег.*

«Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, - он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он - совершенный учитель.» (Л.Н. Толстой).

Таким образом, ещё педагоги классики-гуманисты особо отмечали мотивационную основу профессиональной деятельности учителя (МОЦДУ). *Мотивация – это основа любой сферы деятельности. Только заинтересованный УЧИТЕЛЬ, увлечённый своей работой, может увлечь и заинтересовать учащихся и своим предметом, и творческой учебно-познавательной деятельностью в целом.*

Требования ЕГЭ, его содержание, разноуровневые задания, технология их выполнения, если не мотивируют, то вынуждают учителя «Иностранного языка» к

- параллельному обучению всем видам речевой деятельности (РД): Аудирование – Говорение – Чтение – Письмо;
- формированию лингвистической компетенции учащихся: развитию речевых лексико-грамматических навыков и умений в комплексе;
- формированию фонетических речевых навыков и технических навыков чтения с самого начала обучения иностранному языку, а в дальнейшем их совершенствованию;
- обучению всем видам чтения: просмотровое, ознакомительное, изучающее;
- рассмотрению «Говорения» как двухстороннего процесса: Аудирование Устная экспрессивная речь.

Многолетний опыт работы автора данной статьи в школе и Вузѐ позволяет:

- *утверждать*, что введение ЕГЭ, анализ его пока неутешительных результатов повлиял психологию учителя «Иностранного языка»: учителя старшей школы не хотят брать ответственность *только на себя*
- ни за результаты ЕГЭ
- ни за поступление выпускников в Вузѐ;
- *разделять и поддерживать их позицию.*

Бесспорно, что все этапы обучения: начальный, средний и старший являются одинаково значимыми и в равной мере ответственными за процесс обучения и воспитания. Это звенья одной цепи, отвечающие за создание соответствующей организационно-педагогической среды и качество учебно-воспитательного процесса в школе: *«Плохое обучение для начинающего изучать иностранный язык – то же самое, что песчаный фундамент для небоскрѐба».*

Просветитель и педагог В.Ф. Одоевский, размышляя о социальной ответственности УЧИТЕЛЯ начальной школы, писал: *«... В минуту, когда Вы берѐтесь руководить первым развитием понятий в юных титанах, Вы, до некоторой степени, решаете участь целого поколения».*

Средний этап (основная школа) – это трудный переходный возраст, который требует пристального внимания учителя,

- учитывающего психолого-педагогические особенности подростков, главный мотив их деятельности;
- обеспечивающего педагогическую поддержку и содействие в учении и воспитании;
- умеющего ценить личное достоинство ученика независимо от уровня его языковой подготовки и уровня обученности в целом, независимо от его проступков;
- понимающего специфику обучения ИЯ на среднем этапе: *содержание и объем нового материала, подлежащего усвоению; упрочение единства обучения всем видам речевой деятельности; поиск рациональных путей и способов введения, закрепления, применения материала; совершенствование всех речевых навыков и умений;*
- фокусирование на формировании *текстовой и оценочной* компетенций учащихся;
- формирование *информационной культуры* учащихся;
- оптимальное сочетание *традиционных и инновационных* технологий обучения иностранному языку.

Мое личное профессионально-образное представление о тесной взаимосвязи и зависимости всех трех этапов обучения иностранному языку мгновенно сработало на прямую ассоциацию «с эстафетным бегом», где все бегут в одной команде, где *финальный результат в равной мере зависит от каждого бегуна.*

Именно поэтому в проекте «Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» 2009 год совершенно справедливо отмечается тот факт, что «результаты образования должны быть сформулированы отдельно для начальной, основной и старшей школы, учитывая специфику возрастного развития школьников».

На наш взгляд, до сих пор нет четкой научно-обоснованной позиции и практического подтверждения такому важному явлению при обучении аудированию как «Разумное сбалансирование специальных и неспециальных упражнений».

В результате опроса 76 учащихся VII-VIII классов мы выяснили, что при ответе одноклассники и во время речи учителя 78% опрошенных «звнят» посторонними делами, а не процессом внимательного слушания и слышания. Как обеспечить целенаправленное слушание? Мы разработали и апробировали такие способы и приемы как

- слушайте и максимально воспроизведите речь...
- слушайте и добавте новую информацию к речи...
- слушайте и задайте вопросы для получения новой информации...
- слушайте и переспрашивайте, задавайте вопросы, дополняйте по ходу ответов учащихся, речи учителя

- слушайте и «сигнализируйте» ↔ прямая обратная связь; о понимании (зеленая карточка); о затруднении (белая карточка); о непонимании (черная карточка)

Мы считаем, данная наша позиция особенно важна и ценна на среднем этапе обучения иностранному языку, учитывая психолого-педагогическую характеристику подростка и принимая во внимание полученные позитивные результаты.

Совершенно очевидно, что данные способы и приемы «работают» не только на формирование и совершенствование аудитивных навыков и умений, но также развивают кратковременную и долговременную память учащихся; непроизвольное и произвольное внимание; механическое и логическое мышление, прогнозирование, культуру умственного труда.

Особое внимание на данном этапе обучения иностранному языку заслуживает и текстовая деятельность, так как текст представляет особую ценность, поскольку художественное произведение представляет собой фрагмент или целостную модель картины мира и, следовательно, само формирует культуру. Здесь мы сталкиваемся с некоей взаимозависимостью: культура создает текст, текст – культуру. Мы склонны считать, что комплексная денотативная карта текста, которую мы рассматриваем как результат денотативного анализа, как индивидуальный продукт самостоятельной творческой деятельности учащегося, является эффективным средством реализации единства понимания всех уровней текста и средством обучения подготовленной и неподготовленной творческой монологической речи учащихся. Наша модернизация комплексно-денотативной карты заключается в

- *обновлении* содержания и языковых средств его выражения в контексте «язык ↔ культура».

Мы придаем особое значение этому блоку, так как содержание текста и его языковое выражение представляют единое целое, а ключевые (проблемные) вопросы учащихся свидетельствуют не только о полноте и точности понимания читаемого, но и о его глубине: «...только из вопросов рождаются смыслы. Там, где нет вопросов, не появляются смыслы» (М. М. Бахтин);

- *усилении* творческой активности и самостоятельности учащихся за счет дифференциации того, что исходит от учителя, ученика и учителя, от ученика;

- *концентрации* внимания на самостоятельную классную и домашнюю формы учебно-познавательной деятельности учащихся;

- *рассмотрении* денотативной карты как проекта, формирующего и совершенствующего инновационную проектную деятельность учащихся, включающую в себя конструирование, моделирование, анализ ↔ синтез, сравнение ↔ противопоставление, аргументацию ↔ контраргументацию, компрессию ↔ декомпрессию, то есть те

основные механизмы, которые способствуют развитию информационной культуры учащихся.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что на разных этапах обучения иностранному языку нет диаметрально-противоположных проблем; есть своя собственная специфика обучения иностранному языку с разными целями, задачами, технологиями и средствами обучения; своя ответственность за качественное формирование основных компетенций учащихся, то есть за создание определенной базы для успешной сдачи Единого Государственного Экзамена (ЕГЭ).

Специфика заключается также и в том, что на разных этапах обучения в разной степени и по-разному реализуются:

I. *Современные подходы к процессу обучения иностранному языку:*

Деятельностный
Личностно-деятельностный
Личностно-ориентированный
Компетентностный
Средовой
Событийный
II. *Профессиональные умения учителя: (Н. В. Кузьмина)*
Гностические
Организаторские
Коммуникативные
Проектировочные
Прогностические

Завершающий этап любой деятельности и, прежде всего, образовательной, является самым ответственным, так как здесь подводится итог всей проделанной работы, а результат является предметом обсуждения всего педагогического коллектива и гарантом поступления в высшее учебное заведение. Поэтому **УЧИТЕЛЬ СТАРШЕЙ ШКОЛЫ** - это особая личность, способная обобщать, консолидировать, систематизировать весь ранее усвоенный материал; расширять, обновлять его, то есть совершенствовать соответствующую информационную культуру старшеклассника.

На старшем этапе значительно усложняется содержание обучения, объём материала, подлежащего овладению и владению.

В связи с этим возрастает роль и значение самостоятельной деятельности в старшей школе.

Под самостоятельной деятельностью мы понимаем

- самостоятельную добычу информации;
- самостоятельную её переработку с учётом поставленных целей и задач;
- самостоятельное выполнение упражнений, заданий, задач (без всяких опор); без помощи учителя.

В старшей школе основной акцент самостоятельной деятельности учащихся переносится на дом, а задача учителя заключается в том, чтобы научить учащихся

рациональным способам работы над текстом в широком смысле его понимания: графический текст, аудиотекст, видеотекст, электронный текст...

«Нам всем не хватает умения читать текст» (Л. В. Щерба).

управлять учебно-познавательной деятельностью учащихся и в классной, и в домашней формах деятельности за счёт тщательно продуманных проблемных заданий и задач: их количество, качество, последовательность.

Именно **СТАРШЕКЛАССНИК**

- анализирует профессиональную деятельность учителя с точки зрения его компетентности: знание предмета, углублённое знание предмета, интеллект, кругозор, эрудиция...

- формирует собственное мнение о нём как о профессионале и соответственно собственное отношение к его предмету...

Продвигаюсь Тотчусь на месте

Обобщаюсь Стагнирую

Совершенствуюсь Не совершенствуюсь

Развиваюсь Не развиваюсь

Интересуюсь Становлюсь безразличным

...

В зависимости от этого и складываются взаимоотношения в старшей школе. Влияние старшеклассников на учителя очень велико и разнопланово: своим желанием хорошо учиться, совершенствоваться, развиваться, своими познаниями, личностной заинтересованностью в успешной сдаче Единого Государственного Экзамена, интересами и выбором будущей профессии они вынуждают учителя не только менять стратегию и тактику обучения, если она не соответствует запросу учащихся, но и глубоко задуматься над своим профессионализмом. В противном случае, наступает ситуация, когда «Верхи не могут – низы не хотят». Это главная отличительная черта старшей школы, так как именно она требует от учителя обучения, если она не соответствует запросу учащихся, но и глубоко задуматься над своим профессионализмом. В противном случае, наступает ситуация, когда «Верхи не могут – низы не хотят». Это главная отличительная черта старшей школы, так как именно она требует от учителя обучения, если она не соответствует запросу учащихся, но и глубоко задуматься над своим профессионализмом.

Анализ научно-теоретической литературы по проблеме, богатый опыт педагогической деятельности позволил нам разработать:

КОМПЛЕКСНО-АНАЛИТИЧЕСКУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ УЧИТЕЛЯ СТАРШЕЙ ШКОЛЫ

I. Ведущие принципы обучения:

- Научности
- Связи теории с практикой
- Сознательности и активности
- Систематизации

- II. Ведущие профессиональные умения:
- Гностические
 - Коммуникативные
- 6) Самый высокий уровень информационно-профессиональной культуры
- IV. Самый тонкий психолог и воспитатель:
- Демократический стиль общения
 - Доверительные отношения
 - Субъект-субъектные отношения
 - Воспитание гражданина, гражданственности, активной компетентной личности
 - Преодоление противоречия между развитием креативной всесторонне развитой личности, способной применять полученные знания на практике и строго стандартизированным финальным контролем в форме ЕГЭ, являющимся единственным гарантом поступления в Вуз, а для школы – главным показателем качества работы, игнорируя личностные характеристики учащихся.
- V. Основные функции **УЧИТЕЛЯ СТАРШЕЙ ШКОЛЫ**
1. Управление учебно-познавательной деятельностью учащихся
 7. Педагогическая поддержка
 8. Педагогическое содействие
 9. Консультирование: индивидуальное, парное, групповое, коллективное
 10. Информационно-дидактическое обеспечение
 11. Контроль как неотъемлемый компонент учебно-воспитательного процесса
- Таким образом, мы рассматриваем Единый Государственный Экзамен (ЕГЭ) как
- *планку*, ориентирующую профессиональную деятельность учителя «Иностранного языка» на достижение конкретных результатов по конкретным разделам: Раздел 1 Аудирование; Раздел 2 Чтение; Раздел 3 Грамматика и лексика; Раздел 4 Письмо; Раздел 5 Говорение с конкретными критериями оценивания;
 - *основу*, обеспечивающую преемственность обучения иностранному языку на *разных* этапах и объединяющую усилия учителей для достижения *одной* цели – высокого уровня сформированности основных компетенций учащихся;
 - *средство*
- создания организационных психолого-педагогических условий;
 - реализации современных подходов к процессу обучения иностранному языку;
 - развития информационной культуры и культуры умственного труда учителя и ученика;
6. *рычаг скрытого управления*

- профессионально-ориентированной деятельностью учителя;
 - субъект – субъектными отношениями Учитель→Ученик; Ученик→Учитель;
 - уровнем формирования компетентной личности Учителя и Ученика: «Учитель и Ученик растут вместе».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабушкин Е.Е. Особенности контроля на старшем этапе и подготовка к нему // Английский язык в школе. – 2008. - №1 (21). – с. 28-42
2. Вербицкая М.В. Методическое письмо «О преподавании иностранных языков в средней школе с учетом результатов Единого Государственного Экзамена 2005 года» / М. В. Вербицкая, В. В. Копылова // Иностранные языки в школе. – 2006. - №3. – с. 2-13
3. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М.: АСАДЕМА, 2004. – 334 с.
4. Зимняя И. А. Педагогическая психология. – М.: Логос, 2000. – 320с.
5. Кайшева Р.П. Сам себе грамматик: английский язык, Book 1, parts I – II. – Ижевск, 2002. - 329 с.; Book 1, parts III – IV. – Ижевск, 2002. - 367 с.; Book 2. – Ижевск, 2002. - 300 с.; Book 3. – Ижевск, 2002. - 148 с.
6. Клековкина Е.Е. Система подготовки учащихся к ЕГЭ по английскому языку // English. – 2007. - №17, 21
7. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика. – М.: Филомагия, 2006. – 480 с.

ИНТЕРАКТИВНЫЙ МЕТОД В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КАК КОМПОНЕНТУ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

А.С. Кобышева
 Ставропольский государственный университет

Основной целью и желаемым результатом обучения любому языку на современном этапе становится межкультурная компетенция как способность индивида к профессиональной и личностной самореализации в ситуациях межкультурной коммуникации посредством осуществления эффективной речевой деятельности (всех ее видов: чтение, письменная речь, говорение, аудирование) на изучаемом языке.

Развитие и активное внедрение новейших инфо-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности современного человека актуализировали для него в качестве приоритетного способа межкультурного общения письменную речь. Хотя до недавнего времени этому виду речевой деятельности отводилась роль вспомогательного

средства как обучения иностранному языку, так и самой коммуникации (письменная фиксация, хранение информации).

Для успешного формирования межкультурной компетенции в письменной речи, рассматриваемой как способности личности полноценно участвовать в межкультурном письменном общении на изучаемом иностранном языке, необходимо использование адекватных методов обучения, направленных на активное развитие (и использование в учебной деятельности) психических свойств личности. Это связано в первую очередь со сложной психолингвистической структурой самой письменной речи. Следует учесть, что и межкультурная компетенция не однородна по своему составу и включает и психологические, и собственно лингвистические компоненты.

В качестве одного из таких методов можно назвать интерактивный. По определению Шукина А.Н., это метод, основывающийся на интеракционизме, концепции в современной социальной психологии, в основе которой лежит теория социального взаимодействия людей как межличностной коммуникации. [Шукин, 2008: 150] Главной задачей такого метода является развитие критического мышления обучаемых как созидательной, творческой, мыслительной деятельности. Применительно к обучению иноязычной письменной речи данный метод разрабатывается в рамках дисциплины «Развитие критического мышления на основе чтения иноязычных текстов» и «Креативное письмо» (Critical Thinking and Creative Writing).

Критическое мышление рассматривается как сложный ментальный процесс, имеющий в своей структуре несколько этапов:

1. Стадия вызова: выработка прогностических умений, способствующих выдвижению гипотез, активизирующих фоновые знания и языковой опыт обучающихся (знания и понимание культуры (своей и чужой), тем самым, облегчая понимание мировосприятия представителей другой культуры, развитие культурного самоанализа, гибкости и толерантности. Желаемый результат данной стадии – открытость (готовность) для межкультурного обучения: письменной речевой деятельности.

2. Стадия осмысления, анализа и изучения новой информации (развитие умений анализировать, интерпретировать и соотносить). Проводится работа с аутентичным письменным иноязычным текстом: лингвистический анализ представленного текста, понимание роли и взаимодействия культуры и ситуационного, социального и исторического контекста, употребления языка, его когнитивной гибкости и значения в том или ином социальном контексте, развитие умений определять и выделять основную информацию текста, устанавливать связь событий, делать выводы по прочитанному, ознакомление со стратегиями письменной речи, направленными на использование текста как средства опосредованного общения с его авторами и героями. Здесь же

интегрируются идеи, заложенные в тексте, со своими собственными идеями, для того чтобы прийти к пониманию новой информации.

3. Креативная стадия – создание собственного текста, продукта письменной речи на изучаемом языке, средства и способа межкультурной коммуникации, т.е. своеобразное закрепление нового материала, обучение через взаимодействие.

В качестве интерактивных широко используются следующие методы обучения письменной речи [Hammer, 2004: 61-84]:

Мгновенное письмо (Instant writing), неподготовленное письмо:

12. Написание предложений (Sentence writing), нацелено на активизацию письменной речи обучаемых, наименее мотивированных к данному виду деятельности. Небольшой объем создаваемого в учебных целях текста позволяет, тем не менее, включить в этот процесс элемент творчества.

1. Завершение предложений (Dictating sentences for completion). Элемент креативности здесь создается благодаря тому, что обучаемый должен закончить предложение фактами из личной жизни, выразить личное отношение к происходящему.

2. Написание предложений (Writing sentences) (обычно 2-3) на заданную тему.

3. Прогноз погоды (The weather forecast). По целям, задачам и месту в ходе урока совпадает с фонетической зарядкой: обучаемых просят в письменной форме описать свое самочувствие, настроение, планы на день (имитируя прогноз погоды)

- Использование музыки (Using music) особенно эффективно на занятиях по креативному письму, так как интенсифицирует сильные чувства и эмоции обучаемых.

1. Слова (Words). В процессе прослушивания песни учащиеся предлагается записывать слова и словосочетания приходящие на ум (как из самой песни, так и собственные ассоциации)

2. Что описывает композитор (What is the composer describing?) в процессе выполнения данного задания учащиеся должны распознать интенцию автора музыкального произведения и описать ее в письменной форме

3. Музыка к фильму (Film scores) Сначала обучаемые описывают предполагаемую сцену из фильма, к которой идет предлагаемый саундтрек, затем просматривают соответствующий эпизод. Цель данного задания – сравнить собственное восприятие с восприятием представителя изучаемой культуры.

4. Что мне навевает музыка? (How does it make me feel?) Необходимо описать свою реакцию на прослушанную музыку.

5. Музыкальные истории (Musical stories) Учащиеся создают короткие истории под предложенную преподавателем музыку.

- Использование картинок (Using pictures), переносящих обучаемых в мир культуры изучаемого языка.

1. Ориентированное описание картинок (Describing pictures), например, могут присутствовать такие задания как «опишите картинку человеку, который по той или иной причине не может ее видеть».

2. Подозреваемые и улики (Suspects and objects). Из предложенного ряда необходимо выбрать одну картинку, описать ее, а затем представить получившийся текст аудитории, которая должна определить описываемый сюжет.

3. Написание почтовой открытки (Write the postcard), поздравления незнакомому человеку по его фотографии.

4. Составление историй (Story tasks) по картинкам, имеющим социокультурную информацию. Например, предлагается изображение и предложение или ряд картинок, на первый взгляд не имеющих ничего общего между собой, и необходимо составить рассказ объединяющий их.

- Написание стихотворений (Writing poems) как способ самовыражения, позволяющий выйти за рамки определенного стиля.

1. Акростих (Acrostic poems/alphabet poems)

2. Стихотворения по схеме (Stem/frame poems). Необходимо заполнить пропуски в стихотворении.

3. Стихи по модели (Model poems) предполагают сочинение собственных стихотворений на основе аутентичных рифм, выбранных из произведений авторов-носителей языка.

Письмо в сотрудничестве (Collaborative writing)

- Использование доски (Using the board)

1. Предложение за предложением (Sentence by sentence). Следуя предложенной теме, обучаемые по очереди выходят к доске и записывают по предложению.

2. Диктоглосс (Dictogloss) или изложения.

- Письмо в группах и парах (Writing in groups and pairs)

1. Изменение и расширение предложений (Rewriting and expanding sentences), составленных одним обучаемым, в группе, что позволяет избежать стереотипных утверждений и добиться объективизма.

2. Первые и последние строчки (First lines, last lines). Развитие текста на основе предложенных первого и последнего предложения.

3. Восстановление рассказов (Story reconstruction) по принципу парного изложения.

Переписка (Writing to each other)

1. Друзья по переписке, электронные письма, чаты, ведение блогов (Pen pals, e-mails, and live chat)

2. Письма друг другу, ответы на них (Letters backwards and forwards)

Интенсивный метод активно используется в настоящее время на всех ступенях обучения иностранному языку. Применительно к обучению

письменной речи его основным достоинством является развитие критического мышления, необходимого элемента межкультурной компетенции, и формирование «писательской привычки», другими словами создается положительный настрой, мотивация к диалогу культур посредством письменной речи

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шукки А.Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам. – М.: Филоматс, 2008. – 188 с.

2. Harmer Jeremy. How to teach writing. – Harlow, Essex, England: Pearson Education Limited, 2004. – 154 p.

Секция 6. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ВОЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Л.И. Ахметсагирова

Казанский государственный университет

Термин «языковая картина мира» формулируется в отечественной лингвистике в 70-х годах XX века [ср. Брутин 1978], хотя идеи «о языке как деятельности народного духа» существуют уже со времен В. фон Гумбольдта [цит. Раемужина 2000: 5-6]. В связи с постулированием в языкознании антропоцентрической парадигмы данная проблема прочно занимает одну из центральных позиций в лингвистических изысканиях и на современном этапе.

Понятие «языковая картина мира» заключает в себе две большие субстанции человеческого объективно-субъективного мира: категории «картина мира» и «язык». Под картиной мира (модель мира, образ мира, мировидение) нами понимается упорядоченная совокупность знаний о действительности, глобальный образ мира, «результат переработки информации о среде и человеке» человеком [Маслова 2004: 64]. Язык рассматривается в данном контексте как «одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т.п.» [Ахманова 2005: 530]. Язык — это также и «путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность нации, но и в

воззрения древних людей на мир, общество и самих себя» [Маслова 2004: 3]. Таким образом, «языковая картина мира» — это представления о мире определенной нации через призму ее языка, различных языковых единиц, в частности фразеологических.

Фразеологические единицы (ФЕ) — «ценнейший источник о культуре и менталитете народа» [Маслова 2004: 4]. Одной из групп ФЕ являются фразеологизмы военного происхождения (ФВП). Источником возникновения ФВП являются военные события, военно-политические отношения, военное дело, эпос, трактаты, рассказы, песни о военных событиях и т.д. Онтология войны можно вести с ранних исторических этапов существования человека и, к сожалению, по настоящее время. Вследствие этого пополнение фразеологического пласта за счет ФВП динамично: одни ФЕ устаревают и забываются, другие входят в обиход и получают статус общепринятых.

Интересен тот факт, что ФВП, участвуя в языковом членении мира, отражают не только и не столько военную сферу жизнедеятельности человека, сколько дифференцируют совокупный образ мира и преломляют в себе различные фрагменты действительности. Исходя из этого факта, мы хотим сформулировать цель нашего повествования: выявление понятийных зон и представлений о мире, человеке и обществе, закодированных и транслируемых с помощью ФВП немецкого и русского языков.

Какие же представления, фрагменты отражаемой действительности несут в себе ФВП? При анализе и распределении ФВП по понятийным зонам мы в основном опирались на классификации, представленные в работах Г.А. Багаудиновой [2007], А.М. Яхной [2008]. Г.А. Багаудинова в своей докторской диссертации «Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты» дает ценную классификацию психических процессов и свойств человека [Багаудиновой 2007: 34-40]. А.М. Яхина в кандидатской диссертации выделяет обобщенные семантические идентификаторы-показатели, служащие для вычленения глагольных ФЕ, обозначающих поведение человека [Яхина 2008: 11-12]. Анализ ФВП показал, что именно две эти понятийные зоны — внутренний мир человека и его деятельность — преобладают по численности ФЕ над другими.

В результате анализа нами были выделены 13 фразеосемантических групп и 40 фразеосемантических подгрупп. При распределении ФЕ по группам и подгруппам мы исходили из того, что фразеосемантическая группа объединяет «совокупность фразеологических единиц, обладающих одним общим семантическим признаком и рядом дифференцирующих признаков (смысловых и стилистических), которые дают полную характеристику смысловой структуры ФЕ» [Багаудинова 2007: 34]. Распределение ФВП по зоне

представленным группам и подгруппам являлось не всегда однозначным. Выявлялись случаи, когда одна и та же ФЕ репрезентировала одновременно несколько групп или подгрупп. Это объясняется, с одной стороны, подвижностью границ той или иной области человеческих знаний, с другой стороны, многозначностью самих ФВП. Итак, ФВП можно классифицировать следующим образом:

1. Характер человека, свойства личности

1.1 Отношение человека к коллективу и отдельным людям (грубость, дружелюбность, хвастливость и т.д.): рус. *фельдфебельские замашки*; нем. *ein unsicherer Kantunist*; 1.2 свойства личности, выражающие отношение человека к разным обстоятельствам (смелость, трусость, опытность и т.д.): рус. *не из храброго десятка*; нем. *ein kühner Degen*; 1.3 воля ((не)сдержанность, упрямство и т.д.): рус. *порох порохов*; нем. *stur wie ein Panzer*; 1.4 воображение (фантазерство, бесплодная мечтательность): рус. *рыцарь печального образа*, нем. —.

2. Состояние человека

2.1 психическое состояние (мощи, чувства, ощущения, внимание): рус. *заводиться с полуоборота*; нем. *in Harnisch sein*; 2.2 физическое состояние (состояние здоровья, болезни, опьянения, сна; смерть): рус. *лежать пластом/ как пласт*; нем. *sich nicht völlig auf dem Posten fühlen*.

3. Физическая характеристика, облик человека

3.1 телосложение: рус. *тяжелая артиллерия*; нем. —; 3.2 рост: рус. *богатырский рост*; нем. —; 3.4 внешний вид человека: рус. *прямой как стрела*; нем. *stehen wie eine Eins*.

4. Положение человека в обществе (коллективе, семье)

4.1 профессиональная деятельность: рус. *зеленые фуражки*; нем. *blaue Helme*; 4.2 социальная принадлежность: рус. *золотая рота*; нем. *den Degen führen/ tragen*; 4.3 гражданская позиция: рус. *быть, находиться, идти в авангарде*; нем. *die Vorhut bilden*; 4.4 статус, роль человека: рус. *локо для пушек*; нем. *eine große Kanone*.

5. Поведение, действия человека или предметов окружающего мира

5.1 вести себя, поступать каким-л. образом (смело, решительно, мужественно и т.д.): рус. *перейти Рубикон*; нем. *den Rubikon überschreiten*; 5.2 начать, заниматься, осуществлять, прекращать какую-л. деятельность: рус. *стрелять из пушки по воробьям*; нем. *mit der Lunte am Pulverfass spielen*; 5.3 обходиться, обращаться с к.-л., ч.-л.: рус. *поставить/ ставить кордоны*; нем. *gegen j-n eine Mine legen*; 5.4 воздействовать на к.-л., ч.-л. каким-л. образом: рус. *выводить/ вывести из строя*; нем. *j-n in Harnisch bringen*; 5.5 выбирать, придерживаться/ не придерживаться какого-л. образа жизни, линии поведения: рус. *буть ombou*; нем. *bei der Stange bleiben*; 5.6 придерживаться/ не придерживаться правила, норм: рус. *держаться изог (ногу)*; нем. *Posten stehen*; 5.7 речемыслительная деятельность: рус. *лопаты/палаши копыя*;

нем. *Revue passieren lassen*; 5.8 материально-денежные отношения (покупать): рус. — ; нем. *mit silbernen Lanzen fechten*; 5.9 функционирование к.-л., ч.-л.: рус. *вступать/вступить, входить/войти в строй*; нем. — ; 5.10 характеристика поведения, действий: рус. *партизанские действия*; нем. — .

6. Обстоятельная характеристика

6.1 образа действия: рус. *мисой сапой*; нем. *nach Schema F*; 6.2 места: рус. *на поле битвы*; нем. *hinter schwedischen Gardinen sitzen*; 6.3 степени и меры: рус. *малой кровью*; нем. *wie eine Rakete*; 6.4 времени: рус. — ; нем. *als der alte Fritz noch Gefreiter war*; 6.5 цели: рус. *ради жизни на земле*; нем. *zu Schutz und Trutz*.

7. Реалии окружающего мира

7.1 явления (проявление сущности): рус. *аннибалова/аннибаловская/ганнибалова клятва*; нем. *ein alter Zopf*; 7.2 процессы: рус. *гонка вооружений*; нем. *der lange Marsch (durch die Institutionen)*; 7.3 предметы, объекты: рус. *клячок бумаги* (о документе); нем. *ein Fetzen Papier*; 7.4 события: рус. *боевое крепление*; нем. *die Feuertaufe erhalten*.

8. Характеристика ситуации

рус. *пороховой погреб*; нем. *wie auf dem Pulverfass sitzen*.

9. Исторические наименования

9.1 названия военных объектов, оружия, снарядов: рус. *летающая крепость*; нем. *wilde Marie*; 9.2 названия государств, городов и других топонимов: рус. *дорога жизни*; нем. *die Stadt der Begegnung* (г. Торгау); 9.3 имена исторических личностей, группировок, организаций: рус. *Лига Наций*; нем. *der Harzburger Front*; 9.4 наименования памятников и монументов: рус. *вечный огонь*; нем. — ; 9.5 исторические события: рус. *холодная война*; нем. *Kalter Krieg*.

10. Побуждение к действию

10.1 совет, название: рус. *держи хвост пистолетом!*; нем. — ; 10.2 приказ, требование: рус. *к оружию!*; нем. *gip an den Feind!*

11. Восклицания

рус. *никак нет!*; нем. *heiliges Kanonenrohr!*

12. Обращения

рус. — ; нем. *alter Schwede*.

13. Терминология

рус. *неприкосновенный запас*; нем. *die eiserne Ration*.

Классификация ФВП показывает, что референтами представленных ФЕ являются не только объекты и явления внешнего мира, но, прежде всего, и сам человек: из 13 фразеосемантических групп 9 репрезентируют человека. Налицо антропоцентрический характер ФВП.

Данная классификация также выявляет особенности менталитета и членения мира на отдельные фрагменты двумя нациями — русской и немецкой. Так, например, нами специально была выделена во

фразеосемантической группе «Поведение, действия человека или предметов окружающего мира» подгруппа, характеризующая поведение человека в сфере материально-денежных отношений. Названная подгруппа представлена только ФВП немецкого языка, что указывает на специфичность ассоциативных связей немецкого народа.

На основе одних только выше названных примеров ФВП можно подчеркнуть разностороннейший спектр информации: о ментальных особенностях, традициях, истории, символах и т.д. разных народов. Изучение различных подсистем языка в плане выявления уникальных явлений в языковых картинах мира других народов, позволяет не только понять «интерпретацию» реальностью другими, но и лучше познать самих себя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.Ахманова. - 3-е изд., стер. - М.: КомКнига, 2005.
2. Багаудинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: Дисс. ... д-ра филол. наук / Г.А.Багаудинова. - Казань, 2007.
3. Брутян Г.А. Язык и картина мира // Филологические науки. 1973, № 1.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - 2-е изд., стер. - М.: Издательский центр «Академия», 2004.
5. Раемужина З.М. Языковая картина мира в башкирской фразеологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / З.М. Раемужина. - Уфа, 2000.
6. Яхина А.М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках (на материале глагольных ФЕ, обозначающих поведение человека): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.М.Яхина. - Казань, 2008.

ЖЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

О.В. Пермякова

Пермский государственный университет

Проблема женской литературы, как и вообще положения женщины в современном мире, вызывает повышенный интерес. Одни исследователи серьезно занимаются этим вопросом, другие склонны считать, что понятие «женская литература» надуманное и не имеет под собой никаких реальных оснований. В последнее время активно дискутируется вопрос о правомерности признания «женской литературы» культурным феноменом, идет то затихающая, то вновь вспыхивающая полемика о женском творчестве, т.е. способности женщины наравне с мужчинами создавать

духовный продукт высокого эстетического качества. Тема женского творчества вызывает острые дискуссии – от полного отрицания до безоговорочного признания этого культурного явления. В частности, противники использования понятия «женская литература» заявляют, что есть лишь хорошая и плохая литература, которая не делится по признаку пола и не бывает ни мужской, ни женской. Однако нам более близка точка зрения, согласно которой в общественном мнении литература все-таки дифференцируется по половому признаку, «только с оговоркой, что мужская литература – это литература, а женская – резервация» [Арбатова 1995: 12]. Рассмотрим этот сложный и неоднозначно решаемый вопрос подробнее.

В 1985 г. в США под редакцией Элейн Шоуолтер вышла книга «Новая феминистская критика», в которой были собраны ставшие классическими работы по поэтике феминизма таких авторов, как Линет Колонны, Сандра Гилберт и Сюзан Губар, Бонни Зиммерман, Райчел Дю Плесси, Алисия Острайхер, Нэнси Мидлер, Розалинда Ковард и др. Авторы этого сборника определяли основную задачу «женской литературы» как изучение тем и жанров литературы, созданной женщинами; изучение новых предметов – таких как психодинамика женской креативности, лингвистика и проблема женского языка, траектория индивидуального или коллективного женского авторства, история женской литературы и исследование творчества отдельных писательниц.

В статье «К вопросу о феминистской поэтике» Элейн Шоуолтер обосновывает два основных метода анализа «женской литературы»:

7) «Фемининная критика», в рамках которой женское сводится к патриархальным сексуальным кодам и гендерным стереотипам мужской литературной истории, манипулирующей традиционными стереотипами женского.

8) «Гинокритика», которая строит новые типы женского дискурса независимо от мужского и отказывается от простой адаптации мужских / патриархальных литературных теорий и моделей. Женщина в этом типе дискурса является автором текста и производителем текстуальных значений, выражая новые модели литературного дискурса, которые базируются на собственно женском опыте и переживании.

«Гинокритика», по словам Шоуолтер, начинается тогда, когда мы освобождаем себя от линейной и абсолютной мужской литературной истории, прекращаем вписывать женщину в просветы между линиями мужской литературы и вместо этого фокусируемся на новом видимом мире собственно женской культуры.

На основе методологии «гинокритики» Э. Шоуолтер выделяет три основных типа письма в развитии женской литературы:

• Репрезентация «феминного», проявляющаяся в имитации канонов доминантной / патриархальной литературной традиции, и интернализация сформировавшихся гендерных стандартов искусства и социальных ролей.

• Репрезентация «феминистского», связанная с выраженным протестом против доминирующих / патриархальных стандартов и ценностей культуры и языка, защитой миноритарных прав и ценностей, включая требование женской автономии.

• Репрезентация «женского» как специфической женской идентичности, отличающейся от мужского канона репрезентации и письма [Showalter 1985: 137 – 139].

В западной феминистской литературной критике на сегодняшний день существуют два основных варианта трактовки понятия «женской литературы» – «женское письмо» (*écriture féminine*) и «сексуальное различие как политический проект». Первый – репрезентация так называемой женской субъективности в ее отличии от мужской; соответственно, и язык этого типа литературы призван репрезентировать различные параметры и характеристики именно женской субъективности – например, *jouissance féminine* (женское наслаждение). Второй – репрезентация несенсационалистской, не укладывающейся в единую сущность женской субъективности, когда сама субъективность понимается как логическая структура различия, и язык, соответственно, призван репрезентировать практику письма как различия.

Однако в обоих вариантах западной феминистской литературной критики репрезентация женского (всего того, что понималось как второстепенное или запретное в традиционной культуре – чаще всего женское тело, желание, сексуальность и т.п.) имеет коннотацию политического: феминистская теория репрезентации предполагает, что репрезентация женского в любых вариантах способна модифицировать традиционные мужские структуры репрезентации.

Как известно, слова «женское» и «мужское» не только подчеркивают биологические различия между людьми, но и представляют собой оценочные категории, которые формируются социумом, закрепляются посредством языка как в общественном сознании, так и в сознании отдельной личности. При этом слово «женское» приобретает коннотацию «вторичное», «худшее», «производное от чего-то». Пренебрежительное отношение к женщине, соответственно, принижает и сферы женской деятельности. Так, в литературе нормой, точкой отсчета всегда является «мужское перо», «мужской взгляд». Поскольку в обществе превалирует маскулинистская установка, словосочетание «женская литература» воспринимается негативно, как отклонение от нормы (имеется в виду «мужская норма»), как уникальность или иронический ярлык. Критики нередко говорят о писательнице или поэтессе как о одном из «солдат» армии литераторов и, анализируя недостатки или достоинства женских текстов, сравнивают их с мужскими. Напомним, что во все времена право женщины на место в искусстве, ее художественная деспособность критиковались с различных позиций и обычно оспаривались.

В литературной критике преобладает взгляд, согласно которому «мужчина подобен небосклону, горизонту, верховной власти, которая одновременно и определяет и содержит в себе статус женщины» [Барт 1994]. В отечественной литературной критике также достаточно примеров односторонней оценки творчества женщин, см., например: «...Мужской силы и правды подчас достигает только поэзия Адельны Адалис» (О. Мандельштам); критик О. Ласунский, положительно отзываясь о творчестве писательницы конца XIX века, отмечает: «...у Дмитриевой суровое, "мужское" перо. В эпоху, когда пышно расцвела "дамская" словесность (С.И. Смирнова, О.А. Шапир, Е.П. Леткова-Султанова, М.А. Лохвицкая, М.В. Крестовская, Т.Д. Шепкина-Куперник, Л.И. Веселитская-Микулич, А.А. Вербицкая и др.), Дмитриева резко выделялась из этого ряда приверженностью к общественно-социальным, а не интимно-чувствительным, семейно-бытовым сюжетам...»; «Светлана Василенко – серьезный писатель, который владеет словом, ... жестким, мужским стилем...» (А. Приставкин) [цит по: Трофимова 2000]. Как видим, общим местом в подобных высказываниях является утверждение, что женщина-писатель может быть замечена, выделена и оценена лишь при наличии у нее мужского стиля. Конечно, не каждая пишущая женщина – феминистка, но каждая писательница – женщина, поэтому справедливо замечание Симоны де Бовуар, что «ни одна женщина не может всерьез отвергать принадлежность к своему полу» [Бовуар 1993: 138]. В то же время произведения, созданные женщинами, написаны по-разному, поднимают различные темы, демонстрируют различные сюжеты. Неправоможно всей женской прозе приписывать мелкость и узость тем, примитивность фабулы, жеманство, сентиментальность и прочие проявления расхожих стереотипов.

Каковы формальные показатели «женского» в женской литературе?

Во-первых, в центре повествования находится женщина или, в терминах Л. Иригара, «генеалогия женщины»; повествование зачастую осуществляется от лица женщины.

Во-вторых, семейные отношения в структуре женского письма являются более важным, чем другие типы социальных отношений, а структура женской субъективности определяется не структурой государства (с его социальными статусами), а структурой семьи (даже если это ненормативные/неидеальные варианты семьи – например, женская семья, состоящая из бабушки, матери и дочери, или неполная семья типа мать/ребенок).

В-третьих, ведущими маркерами «женского» оказываются маркеры, если опять воспользоваться термином Иригара, генеалогии женщин – например, материнского или материнско-дочерних отношений, или отношений женщины в нескольких поколениях, отношения сестер, подруг и т.п.

В-четвертых, одной из важнейших причин экзистенциализации женского являются отношения с противоположным полом в терминах осмысления собственной «другости».

В-пятых, в противоположность мужской литературной традиции женский опыт в женской литературе репрезентирован преимущественно в терминах телесного, биологического, физиологического и т.п.

На наш взгляд, проблема женской литературы не должна решаться лишь в сугубо литературоведческих рамках. Деконструкция понятия «женское» может осуществиться только в общекультурном, а значит, и в лингвистическом контексте. Выяснение роли полов в развитии культуры, их символического и семиотического выражения в философии, истории, языке, литературе, искусстве позволяет отразить новые аспекты развития социума, глубже проникнуть в суть происходящих процессов. Новое прочтение и лингвистическая интерпретация женских художественных текстов дает возможность отойти от традиционных литературоведческих и социально-политических трактовок, проанализировать произведения с точки зрения представлений о понятиях «женственное» и «мужественное», которые являются конструктами культуры и подвержены постоянной эволюции в исторической перспективе. Гендерное «измерение» дает возможность по-иному взглянуть на хорошо известные явления социальной жизни и рассмотреть их с учетом гендерной дифференциации, деконструировать, казалось бы, забытые понятия и тем самым углубить понимание текстов, отражающих женский опыт.

Вопрос о «женском письме» в последнее время стал предметом бурной дискуссии феминистской лингвистики на Западе. Само понятие «женского письма» возникает под влиянием дерриданского понятия «письма» (которое противопоставляется понятию речи) – как поиска новых форм дискурсивной/философской выразительности. По мнению Дерриды, речь воплощает фаллическую истину, в то время как для реальной практики письма понятие истины всегда является чем-то незначительным и вторичным, так как главное в письме – это сам опыт писания, производство графических композиций, а не то, насколько графический опыт письма соответствует ментальной истине. В результате «письмо», а также и литература объявляются феноменом, обладающим женской природой, т.е. способностью избежать мужских доминант логоцентризма [Irigaray 1989: 29].

Обсуждение женской литературы началось в результате активизации феминизма и «открытия» литературоведами-феминистками «равенства» в исследовании текстов, написанных мужчинами и женщинами. При изучении литературы, входившей в канон, оказалось, что женщин-авторов намного меньше, чем мужчин. Исследователи, придерживающиеся феминистского подхода, такие как Мэри Эллман, Элен Мозре,

Сандра Гилберт, Сюзан Губар, Рэйчел д'ю Плесси, Элейн Шоуолтер, Юлия Кристева, Люси Иригарай и Элен Сиксу, обнаружили ряд причин, объясняющих это явление. Например, господствующие литературоведческие теории основывались на текстах мужчин; тексты женщин не исследовались, так как не соответствовали параметрам этих теорий, и женщины-авторы зачастую вообще игнорировались. Среди феминистских литературоведов закономерно возникла идея, что женщины писали и пишут иначе, чем мужчины, поэтому становится необходимой теория женской литературы, женского письма. Таким образом, «гендер» автора и гендерная система общества в целом оказывают значительное влияние на создание и интерпретацию литературных произведений. Ср.: сложно анализировать произведения «нейтрально», «только как тексты», так как «гендер, возраст, образование читателя оказывает влияние на анализ и интерпретацию, хотя и неосознанно» [Рюткенен 2000: 6].

Исходя из этого в рамках феминистской лингвистики поставлена задача сделать видимыми связи между собственно литературными и социокультурными фактами и при интерпретации текста показать, что писатель (или читатель) не может избавиться от своей социальной среды, от своей истории, от своего воспитания, от своего пола – другими словами, от своего «гендера», понимаемого как социокультурная конструкция. Поэтому исключение женщины из канона литературы феминистские лингвисты считают «результатом „мужского взгляда на мир“, а не объективным выводом „нейтрального“ литературного анализа» [там же: 6].

Особый интерес в феминистских лингвистических теориях закономерно вызывает вопрос, отличается ли текст автора-женщины от текста автора-мужчины какими-либо внешними, т.е. формально-языковыми признаками. В обсуждении этой проблемы немаловажную роль сыграла работа Элен Сиксу «Смех Медузы» [Сиксу 1976]. Заметим, что именно этот французский философ и феминистский теоретик впервые вводит понятие «женского письма», которое призвано освободить женщину от маскулинистского типа языка, стремящегося к единой истине, а также от сдерживающих пут логики и давления самосознания, бремя которых неизбежно присутствует в любом актуальном моменте речевой ситуации. Цель женского языка или женского письма – децентрация системы традиционных текстовых значений.

В этом контексте другой известный французский философ и феминистский теоретик Люси Иригарэ вместо традиционного «фаллического символизма» в практиках письма предлагает использовать противостоящую ему технологию «вагинального символизма». Так называемый фаллический язык, по мнению Иригарэ, основывается на семантическом эффекте глагольной оппозиции *иметь / не иметь* и ее бесконечном повторении, в то время как противостоящий фаллическому «вагинальный символизм» способен производить не повторения, но

различия как в структуре значения, так и в синтаксической структуре. Против символической структуры фаллоса как структуры «одного», символическая структура вагины выдвигает не «одно» или «два», но «два в одном» – т.е. множественность, децентрированность, диффузность, вместо отношений идентичности воплотившая отношения длительности, механизм действия которых не подчиняется логическому закону непротиворечивости (в частности женщина обычно никогда не может дать однозначный ответ на вопрос, предпочитая бесконечно дополнить его, бесконечно двигаться в уточнениях, возвращаясь вновь и вновь к началу своей мысли, и т.п.).

В то же время феминистские концепции «женского письма» отличаются от дерридовского понятия письма. Основное отличие состоит в том, что феминистские концепции письма не ограничиваются теоретическим интересом или текстуальным уровнем работы с языком, как это имеет место в теории Дерриды, а выражают в языке болезненный опыт подавления женского в культуре. Отсюда феминистская деконструкция традиционных типов дискурса (и текста) имеет цель не просто высвобождения новых текстовых / символических значений, но стремление выразить запрещенный – репрессированный – женский / асимболический опыт, осуществляемый вне дискурса традиционной культуры.

Феминистские авторы ввел за Ж.-Ж. Руссо различают два основных типа языкового употребления: язык рациональный и язык выразительный. Женские типы языка и письма относятся к стратегиям выразительного языка – того, который ускользает за пределы языковых матриц установленных значений. Восстановить эту ускользающую феминистскую и стремится феминистские исследователи.

Так, в частности, Э. Сиксу считает, что западная рациональная философия приобрела значимость благодаря исключению «женственного». Автор утверждает, что в литературном дискурсе нет места для «женственного», для наслаждения женщины; женщина всегда ассоциируется с пассивностью. Другими словами, пассивность женщины гарантирует маскулинную силу, превосходство мужчины. Однако, по мнению Сиксу, именно в письме, при помощи прописывания наслаждения и телесности, можно «вырваться» из маскулинного, патриархального порядка или разрушить его. См.: «Женский текст – это больше чем просто разрушение устоев. Это вулкан: когда он написан, он срывает кору старого наследия маскулинной культуры; другого пути нет...» [Сиксу 1976: 800]. Поэтому исследователь стремится научить женщин говорить «по-женски»: «Женщины должны писать своим телом. Они должны изобрести неприступный язык, который уничтожит расчленения, коды, классы, риторику и правила; они должны погрузиться, врезаться, прорваться, вырваться из ограниченного дискурса-контроля...» [там же: 802].

Таким образом, в понимании Сиксу, женское письмо есть способность индивида, женщины преодолеть порожденные языком стереотипы и каноны и открыто выразить свои чувства, «писать свое тело», причем понятие «тело» здесь толкуется, разумеется, очень широко – это вся гамма эмоциональных переживаний женщины. Иными словами, «женское письмо» можно объявить пристанищем, где женщина, «изгнанная» из литературы, написанной мужчинами, обретает себя. «Женское письмо» – это попытка вырваться за пределы той ситуации, когда женщина видит себя исключительно глазами мужчины, а не своими собственными, «перестать копировать мужское перо, но реализовать в своем творчестве те качества, которые закодированы в патриархальной культуре как женские» [Садклифф 2000: 119].

Где же искать «феминность» и как «феминность» способна выразить себя? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к феминистской теории письма, согласно которой существуют два основных типа языка: язык рациональный (маскулинный тип языка), который использует законченные формулировки и понятия, потому что мужчина всегда контролирует свои импульсы; и язык выразительный (женский тип языка) – «утопический язык», который отражает наиболее восприятие мира ребенка или женщины, возникшее до всяких языковых категорий.

В женском восприятии мира так же, как и в восприятии ребенка, считает Сиксу, преобладает не мужское рациональное мышление, а «телесная» коммуникация с миром, которая состоит в первую очередь из ощущений цвета, запаха, вкуса. Другими словами, женская коммуникация с миром – это коммуникация физического тела с физическим миром вещей. «Феминность» в данном случае понимается как женское тело и его телесные отношения с другими телами. «Тело» – это чувственное образование, которое не поддается рациональному осмыслению, потому что феминистский лозунг «писать тело» означает пользоваться вторым типом языка – художественно выразительным, чувственным. Только пользуясь таким языком, можно обнаружить существование «тела» и разрушить патриархальные каноны. По утверждению Сиксу, у женщины есть исключительная возможность выразить себя в письме через «женственный стиль», говорить на том языке, который ей действительно свойственен: «Как только она прокладывает собственную тропу, она неизбежно сотворяет хаос-космос “личного” – свои прилагательные и существительные...» [Сиксу 1976: 818].

Что касается «смены пола» женщинами-писателями (именно этот феномен является предметом нашего исследования), это можно объяснить следующим образом. Исторически литературное наследие формировалось в основном представителями мужского пола. Лишь немногочисленные женщины обращали на себя внимание и становились известными. Не случайно, феномен женского творчества до сих пор вызывает острые

дискуссии и ставится под сомнение, поскольку нормой всегда признавалось «мужское перо», мужской взгляд. Само словосочетание «женская литература» воспринимается негативно, как отклонение от нормы (а именно – от «мужской»). В таких условиях писательницам приходится подчиняться маскулинной установке и «примерять» на себя мужские роли, чтобы стать замеченными в литературном мире. Однако такой феминистский подход к трактовке проблемы модификации гендерной роли писательницами нам представляется недостаточным. Далее, в ходе анализа художественных произведений мы попытаемся доказать, что модификация гендерной идентичности является способом структурной организации текста, который вызван конкретной художественной задачей автора произведения. Кроме того, мужской персонаж и мужской стиль письма для женщины – это дополнительный опыт. Многим писательницам в процессе литературного творчества интересно испытать все варианты литературной игры и стилизации. Выбор мужского стиля письма расширяет творческие возможности, позволяет точнее передать психологию героя противоположного пола и в конечном счете обогащает новыми знаниями как о мире, так и о себе, о своей идентичности.

Итак, между самопрезентацией и реальной идентичностью языковой личности устанавливаются отношения взаимовлияния. Так, например, экспериментирование с собственной идентичностью можно оценивать с точки зрения расширяющихся перспектив самопознания, а можно – с позиции «ухода» от реального социального взаимодействия и от реальной идентичности. Однако в любом случае ясно одно: присвоение себе другой «гендерной роли» всегда имеет особые цели и задачи в художественном пространстве произведения. В случае «гендерной игры» в литературе авторский замысел пользуется чужим словом в направлении его собственных устремлений [Бахтин 1979]. Другими словами, речь идет о намеренной имитации гендерного стиля, то есть о стилизации, а именно – гендерной стилизации (подробнее см. далее).

Таким образом, женская литература объединяет произведения, созданные женщинами и преимущественно для женщин. В женской литературе выражены особенности женского мировосприятия, особенности взгляда на жизнь, который может быть выработана преимущественно женщинами, где женщины сами ищут собственную идентичность с помощью художественных средств или целенаправленно отказываются от нее. Женская литература представляет собой сложный культурный феномен, объединяющий женскую творца и женщину-читателя, а также репрезентирующий женскую картину мира. Современная женская литература отражает новые представления о социальных ролях женщины, а также господствующие в обществе стереотипы об отношениях мужчины и женщины, создавая при этом своего рода «бытовую поэтику»,

украина повседневность и определяя тот идеал (часто весьма примитивный), отсутствие которого остро ощущается в обществе. Женская литература воспроизводит своеобразный сленг эпохи, демонстрирует рожденную в соответствии с гендерными канонами и общеданными стереотипами модель личности нового века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арбатова, М.И. Женская литература как факт состоятельности общественного феминизма // Журн. преобразование. – 1995. – № 3. – С. 78 – 90.
2. Барт, Р. Избранные труды: Семиотика. Поэтика. – М.: 1994.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: 1979.
4. Бовдуар, де С. Второй пол. – М.: 1997.
5. Рюткенен, М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Журн. филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 16 – 28.
6. Садклифф, Б. Критика о современной женской прозе // Журн. филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 28 – 38.
7. Трофимова, Е.И. О концептуальных понятиях и терминах в гендерных исследованиях и феминистской теории // Журн. женщина в российском обществе. – 2000. – № 4. – С. 142 – 147.
8. Irigary, L. Le temps de la difference. – P., 1989.
9. Sxious, Helen. The laugh of Medusa. – N-Y, 1976.
10. Showalter, Elaine. Toward a Feminist Poetics. – N-Y, 1985.

АНАЛИЗ КОНЦЕПТИВТА «ВРЕМЯ СУТОК» В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Р.И. Сутаева

Дагестанский государственный университет

Проблема времени постоянно привлекала и продолжает привлекать внимание ученых [Аскин 1966; Ахундов 1982; Берсон 1999; Вернадский 1993; Гюйо 1899; Данин 2000; Лолова 1996; Пригожий 1999; Рассел 1997; Рейхенбах 1985; Трубинов 1987; Уитроу 1964, 1984; Флоренский 1988; Хайдеггер 1997; Шпенглер 2000; Штейнман 1962 и др.]. Как правило, время определяется через понятия «движение», «изменение», «последовательность», «длительность», «вечность» и т.п., которые сами иначе, чем через понятие времени, определены быть не могут. Получается своеобразный замкнутый круг: *время* объясняется через само время.

В данной работе время рассматривается как культурологический концепт, который, как известно, является категориальным понятием языковой картины мира (ЯКМ).

Для анализа использована теория языковых соответствий, которая была выработана в переводческой практике.

Теория языковых соответствий применяется к различным уровням языка при бинарном сопоставительном исследовании. В частности, поставлен вопрос и сделана весьма удачная попытка бинарного сопоставления единиц фонетических систем и фонетических явлений русского и лезгинского языков в аспекте разработки теории языковых соответствий [Гольмагомедов 1985]. Используя термин «корреляция» и называя такое описание языковых единиц «коррелятивным описанием», исследователь утверждает, что соответствия можно установить на различных уровнях языка, особенно эффективны они в лексике, фразеологии, поскольку предметы реальной действительности получают обозначения единицами лексики и фразеологии.

Независимо от языкового уровня соответствие устанавливается по трем параметрам: 1) тождество денотативной соотнесенности; 2) тождество коннотативных свойств; 3) тождество реляционных признаков единиц.

Первая величина является обязательной для того, чтобы две языковые единицы сопоставляемых языков соответствовали друг другу, две другие являются наполняющими.

Соответствия могут быть трех видов: **полные, частичные, нулевые.**

При **полных соответствиях** у номинантов налицо все три величины: они указывают на один и тот же отрезок действительности, обладают однотипными релятивными и коннотативными свойствами.

Частичные соответствия создаются отсутствием у единицы языка Б (исследователь называет ее коррелятом) или коннотативных, или реляционных свойств, характерных для единицы языка А (антецедент).

Нулевыми соответствиями названы те случаи, когда в языке Б нет номинанта, обозначающего отрезок действительности, выражаемой антецедентом.

Коррелятивное описание соответствует одной из практических целей сопоставительной лингвистики: поиску оптимальных решений для обучения неродному языку.

Таким образом, можно утверждать, что коррелятивная лингвистика прочно обосновала свои позиции в русле сопоставительного языкознания. Нам представляется уместным и практически возможным использование коррелятивного метода в сопоставлении концепта «время» аварского и русского языков.

В данной статье нами будут рассмотрены частичные и нулевые соответствия.

Частичные соответствия на уровне концептивитов и аллоконцептивитов в русском и аварском языках.

Частичное соответствие – совпадение слов двух языков лишь в некоторых значениях. Так рус. *сутки* – ав. *сордо-кьо* «день – ночь».

Для русского языка характерно следующее деление суток на временные отрезки: *закат, рассвет, утро, день, обед, полдень, вечер, сумерки, ночь, полночь*.

Аналогичное деление встречается и в аварском языке: *сордо-кьо* «сутки»: *рогъель бай* «рассвет», *рогъель (рогъалил гъуж)* «утро», *кьо* «день», *къадикъали ригъ* «обед», *баитаб кьо* «полдень», *маркIачу мех* «вечер», *бецIльи* «сумерки», *сордо* «ночь», *сордо бацагъараб заман* «полночь».

Но, в отличие от русского языка, в аварском языке отмечаются слова, обозначающие небольшие промежутки времени, которые делают сутки условно на 12 временных отрезков: *радакъ, радакъ гъуж* – «время, когда ночь начинает уступать место новому дню, но еще не возможно различить белое от черного» (промежуток времени от одного часа ночи до трех часов утра); *бецIрогъалил (бецIльи* – «темнота», *а рогъель* – начало рассвета) – «раннее утро, когда только-только начинает светить» – этот промежуток длится от трех до четырех часов утра, *рогъалил гъуж* – «время, когда начинается утро» (от четырех до шести часов утра), *радакъ* (от шести до девяти часов утра), *макъкъ* (от девяти до двенадцати часов дня), *къагъул гъуж, къаде мех* – «обед» (солнце в зените), *къагъуде хадусеб гъуж* или *къаденахъе* – «после обеда» (от двенадцати до пятнадцати часов дня зимой, а летом до 17 часов), *басъанида* – «солнце уходящее» (это время, начиная захода солнца за горизонт, в этот период с предмета падает тень, превышающая сам предмет в 1,5 раза, временной интервал – от семнадцати часов до захода солнца), *басъ тIерхъуеб гъуж* – «солнце заходящая черта» (время захода солнца), *маркIачо гъуж* – «темное время» (от захода солнца до темноты). А промежуток, обозначающий время от восьми часов вечера до часу ночи имеет ряд синонимов: *босода, къасмехалъ, сордо, релъеда*. Раньше в это время все жители горного Дагестана собирались в комнате, которая называлась *босо рухъ* «комната, где едят», а этот временной отрезок отмечается как *богалил гъуж*.

Понятие *рогъалил гъуж*, в свою очередь, в аварском языке делится на:

къахIльи рехъуеб гъуж (букв. близна бросающаяся черта) – «начало рассвета» когда только-только появляется белая полоса на горизонте, *рогъалил гъуж* «пора рассвета», *басъ бакъуеб гъуж* «время, когда солнце восходит» – эти временные промежутки имеют значение «момент возможности различать белые и черные нитки».

Следующее понятие – *рухIа* обозначает временной промежуток от восхода солнца до 12 часов. Так как в старину время определялось по солнцу, то многие старики, толкуют его описательно «*басъ бакъуеб хонжрал къадараздаса къагъул гъужаде цIезегIан заман*» (букв. «время,

от момента когда солнце встало на расстояние высоты книжки и до начала обеда»).

Если сравнить именованная временных отрезков суток, существующие в описываемом языке, с общепринятой астральной системой, то можно увидеть, что временные границы, которые характерны той или иной части суток, в аварском языке выделяются условно. Это объясняется тем, что в старину не было часов для измерения времени, и людям приходилось ставить *гъуж* (метка, для определения времени движения солнца) на стене или на столбе, установленном на площади. Отсюда и прибавление слова «гъуж» к временным отрезкам, обозначающим части суток. Но со временем для удобства произношения это слово стали опускать, потому чаще употребительны слова без *гъуж* (*радакъ гъуж* – *радакъ*).

По данным опроса, проведенного среди носителей других дагеставских языков (лакского, лезгинского, цахурского и т.д.), выявлено, что не все названные языки обладают такой богатой языковой системой для обозначения временных отрезков суток.

Понятие *сордо-кьо* «сутки» можно представить в виде табл., отражающей градацию в наступлении дня:

Сордо-кьо «сутки»											
Рада	бец	рогъалил	Ро	макъ	къа	къаде	къадеи	басъ	басъ	маркI	басъ
къ,	I	гъуж	агъ	къа	къаде	агъе	анида	анида	тIерхъуеб	ачIо	ода
гъуж	къ	гъуж	къ	къа	къаде	агъе	анида	анида	тIерхъуеб	ачIо	ода
	къ	гъуж	къ	къа	къаде	агъе	анида	анида	тIерхъуеб	ачIо	ода
	къ	гъуж	къ	къа	къаде	агъе	анида	анида	тIерхъуеб	ачIо	ода
	къ	гъуж	къ	къа	къаде	агъе	анида	анида	тIерхъуеб	ачIо	ода
	къ	гъуж	къ	къа	къаде	агъе	анида	анида	тIерхъуеб	ачIо	ода
	къ	гъуж	къ	къа	къаде	агъе	анида	анида	тIерхъуеб	ачIо	ода
	къ	гъуж	къ	къа	къаде	агъе	анида	анида	тIерхъуеб	ачIо	ода
	къ	гъуж	къ	къа	къаде	агъе	анида	анида	тIерхъуеб	ачIо	ода
	къ	гъуж	къ	къа	къаде	агъе	анида	анида	тIерхъуеб	ачIо	ода

Нулевые соответствия на уровне концептивитов и аллоконцептивитов в аварском и русском языках.

В данном случае речь идет о словах, не имеющих точного эквивалента в русском языке, поскольку они обозначают предметы и понятия, не представленные в языковой картине мира носителей русского языка.

Для аварского языка характерно деление суток на пять временных отрезков в соответствии со временем совершения намаза (молитвы): *рогъалил* как «время утреннего намаза» (охватывает время между рассветом и восходом солнца), *къаде* как «обеденный намаз» (охватывает время приблизительно с 12 до 14 часов), *басъанида* как «послеобеденный намаз» (время, предшествующее закату солнца), *маркIачу* как «время вечернего намаза» (время сумерек), *богалил* как «время ночного намаза».

**ПСИХОСИСТЕМАТИКА ГЮСТАВА ГИЙОМА И
СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА**

Т.А. Ткачева
Астраханский государственный университет

Гюстав Гийом (1883 -1960) – французский лингвист, автор оригинальной теории, получившей название «психосистематики», значительно опередил свое время, создав уникальную методологию анализа мыслительных операций, объясняющих семиотическую систему языка. Руководящим принципом в исследованиях Г.Гийома, стало то, что язык состоит из результатов, за которыми для понимания вещей необходимо раскрывать созидательную работу мышления [Гийом, 1992: 135]. Когнитивная основа теории психосистематики заключается в изучении ментальной системы языка, предшествующей семиотической, причем и та и другая системы являются динамическими, созидательными. По мнению ученого, раскрыть ментальную языковую систему (психомеханизмы) возможно только через наблюдение и глубокое размышление над увиденными фактами. Поэтому концепция Г.Гийома выступает во всех своих частях и исследованиях фактического материала как «доктрина лингвистического ментализма» [Рёферовская, 2007: 115]. Возникнув в первой половине XX-го века, теория Г.Гийома, менталистская по своей сути, сразу противопоставила себя главенствующему в это время филологическому направлению в русле сравнительно-исторического языкознания и набирающему силу структурализму.

Г.Гийом не одобрял исследовательских методов лингвистов начала XX века, в Г.Гийома видя в них отражение философских идей позитивизма, и настаивал на задачах лингвистики, обращенных к ментализму, к воспроизведению абстрактной, понятийной сущности языка как звукового отображения мира понятий в сознании человека.

Высоко оценивая лингвистический талант Ф.де Соссюра как выдающегося теоретика языка, вдохновившего его самого на глубокое исследование, Г.Гийом, вместе тем, принимает не все его идеи, или сразу значительно их углубляет и развивает, придавая им новое видение. Так, например, из анализа системы языка у Гийома никогда не исключается субъект: человек думающий и человек говорящий. Известную формулу Ф. де Соссюра *langage = langue + parole* Гийом считает недостаточной для интерпретации отношений входящих в нее понятий и представляет

В работе М.А. Агларова «Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII-начале XIX в» отмечается, что в с. Игали «день делили на четыре «дады» по солнечным часам». Один «дады» равнялся количеству воды, протекающему через головной канал в течение ¼ светового дня. *Perentl* – следующая временная единица, меньшая, чем *dad* (1/8 часть дня). *Кьоломидь* – еще более мелкая единица (1/16 часть дня). Этими временными отрезками чаще пользуются жители сельских местностей, в основном старшего поколения. Поэтому в данной статье отметим наиболее употребительные словоформы – время совершения намаза (молитвы).

Таким образом, в результате коррелятивного анализа концептивита «Время суток» в аварском и русском языках обнаружено:

- **8 частичных соответствий** аллоконцептивитов аварского и русского языков, которые можно представить следующим образом:

бецрогь аллэ	хьадлпэ рекузэб гъуж	рогъалл гъуж	бакъ бакузэб гъуж	зух1 а	микъмъ	къылул гъуж	марк1ак гогъуж

рассвет	Утро	день	обед	сумерки

- **5 нулевых соответствий** аллоконцептивитов аварского и русского языков, которые можно представить следующим образом:

рогъалл как	къаде как	бакъли как	марк1ак1о как	богодлл как

Исходя из данных, полученных в ходе исследования, можно сделать вывод, что в основе языкового воплощения концепта «время» в аварской и в русской лингвокультурах помимо универсальных черт лежат и национально-специфические особенности, обусловленные различием аварской и русской социальных культур, отразивших особенности менталитета и системы ценностей двух национальных сообществ

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агларова М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII-начале XIX в. Махачкала, 2000.
2. Гюльбагомедов А.Г. К разработке теории языковых соответствий // Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитии их литературных языков. Грозный, ЧИГУ, 1985, с. 106 - 111.
3. Сутаева Р.И. Сравнительная характеристика концепта «время» в аварском и русском языках // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 3. Махачкала, 2001. С. 295 – 299.
4. Сутаева Р.И. Концепт «время» и языковые модели времени // Языкознание в Дагестане. Лингвистический ежегодник. - Махачкала: ДГУ, 2004. №7. С. 105 – 111.
5. Сутаева Р.И. Темпоральные фразеологизмы и паремии аварского и

речевую деятельность как постепенный переход от языка к речи. В его концепции речь – это результат работы мысли, идущей от общих представлений (понятий) в языке к выражению определенного конкретного содержания передаваемого реальной речевой системой знаков. Гийом стремился выявить мыслительные операции, рождающие, в конечном счете, акт речи. Он стремился воспроизвести движение мысли, создающей представления и понятия в результате взаимодействия человека с реальной действительностью, мысли, сообщающей отдельным членам этого движения языковые обозначения, хранящиеся в сознании человека в виде упорядоченной языковой системы. Ярко выраженный антропоцентризм и ментализм теории психосистематики противопоставлял ее современному Гийому структурализму.

Теория Г. Гийома, таким образом, в первой половине прошлого века являлась естественной реакцией на позитивизм в языкознании, который ограничивался описанием фактов без их объяснения, и на структурализм, заподнивший лингвистические работы изучением языковой формы, в ущерб передаваемого ею значению. К сожалению, при жизни Г. Гийома его идеи мало привлекали французских лингвистов, его концепцию обвиняли в излишнем ментализме, в сложности терминологического аппарата, которым грешили и структуралистские учения, ставшие более популярными.

Только во второй половине XX века после смерти Г. Гийома теория психосистематики получает распространение в работах его последователей. Возникает интерес ко всему наследию ученого, которое, кроме изданных при жизни работ, насчитывало более 60 000 рукописных страниц. Создается фонд Г. Гийома в Канаде при университете Лавала в Квебеке, который и сейчас занимается изданием его рукописей [Реферовская, 2007: 6].

Интерес к менталистскому направлению в лингвистике был связан с общим методологическим сдвигом, начавшимся в конце 1950-х годов, сопровождавшимся снятием запрета на рассмотрение далеких от поверхности теоретических (модельных) конструкций. Это возникновение генеративной грамматики Н. Хомского с ее понятием «глубинной структуры», бурное развитие лингвистической семантики, возникновение лингвистической прагматики, теории текста, а также современной теории грамматикализации с ее интересом к закономерностям поведения языковых единиц в реальном дискурсе. Во всех этих исследовательских начинаниях на первый план (хотя и по-разному) выходит идея объяснения языковых фактов, причем если в генеративной теории в качестве объяснения предлагаются, прежде всего, некоторые подлежащие открытию глубинные закономерности языковой способности человека, то другие объяснительные программы исходят из того, что языковые факты могут быть, по крайней мере, отчасти, объяснены фактами неязыковой природы, притом необязательно наблюдаемыми. Если, например, для

языковой прагматики такими фактами являются принципы человеческой деятельности в социальном контексте, то в когнитивной лингвистике в качестве модельных конструкций выступают когнитивные структуры и процессы в сознании человека. Только с появлением всех этих исследований, антропоцентрический подход к языковым явлениям, который являлся основополагающим в концепции Г. Гийома, становится общепринятым научным принципом лингвистики. Кроме этого, многочисленные понятия, разрабатываемые новыми направлениями, например, лингвистикой текста, теорией высказывания, генеративной и когнитивной лингвистикой, были выдвинуты и раскрыты еще в ранних публикациях Г. Гийома, даже если им были даны автором другие терминологические наименования. Это и субъект (автор, рассказчик, персонаж), и целевая установка, и presupposition, и языковая и прагматическая компетенция и др. [Гийом, 1992: 193].

Объясняя актуальность теории Г. Гийома для современной лингвистики, замечательный отечественный гийомист профессор Л. М. Скрепина отмечает, что своим содержанием эта менталистская теория отвечает тем запросам дня, которые формируются в исследованиях семантики языкового знака, так как Г. Гийом занимался именно анализом означаемого, принимая во внимание означаемое лишь как ту сторону знака, которая более или менее удачно приспосабливается к структуре означаемого. По мнению известного бельгийского гийомиста Марка Вильме за последние десятилетия не появилось ни одной теории, которая обладала бы такой же объяснительной силой, какой обладает теория Гийома [Гийом, 1992: 169].

В теории психосистематики язык реализуется в речевых структурах в соответствии с оперативными схемами, или психомеханизмами, которые обуславливают создание, а затем употребление любой языковой единицы. Для объяснения работы психомеханизмов Г. Гийом вводит такие понятия как оперативное время, двойной тензор, целевое устремление и другие, которые становятся ключевыми теоретическими понятиями психосистематики [Скрепина, 1990: 15].

Вместе с тем может показаться странным, что в теоретическом наследии Гийома ни разу не встречаются такие термины современной лингвистической проблематики, как высказывание и когниция и их производные, несмотря на безусловное присутствие этих концептов в теории психосистематики. Матье Валет, один из биографов и активных исследователей наследия Г. Гийома, объясняет это тем, что термин «когниция», будучи англосаксонского происхождения, очень редко употреблялся до середины XX века и стал общеизвестным начиная с 60-х годов благодаря работам психологов. Отсутствие термина «высказывание» (illocution) в трудах Г. Гийома, по мнению М. Валет, может быть связано с неизбежным научным соперничеством между лингвистами за авторство той или иной научной теории. Дело в том, что еще до Э. Бенвениста, который внес вклад в теорию высказывания, в 1932 году вышла книга

Ш.Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка», в которой одна из глав была посвящена «теории высказывания». Возможно, полагает М.Валет, тот факт, что Ш.Балли был признан автором этой теории, хотя актуализацию языковых фактов Г.Гийом впервые описал еще в 1919 году в работе, посвященной артикль во французском языке, побудил Г.Гийома не использовать термин высказывание в своих работах [Valette, 2003: 7].

Тем не менее, несмотря на возможные субъективные обстоятельства, все научные концепты, актуальные для современной лингвистики и позволяющие осветить с новой силой и глубиной природу языка, каково бы ни было дано им наименование, присутствуют в трудах Г.Гийома. К сожалению русоязычная аудитория смогла познакомиться с основными теоретическими положениями теории психолингвистики лишь после выхода в 1992 году «Принципов теоретической лингвистики» с богатыми комментариями Л.М.Скредниной.

Остается только надеяться, что теория Г.Гийома благодаря переводу его работ на русский язык и применению методов психолингвистики в лингвистических исследованиях найдет широкое число последователей в России не только среди романистов. Большой шаг в этом направлении сделан выдающимися учеными романистами Е.А.Реферовской и Л.М.Скредниной. Л.М.Скредина создала целую школу психолингвистики, куда вошли ее ученики и единомышленники, продолжающие развивать идеи Г.Гийома на международных семинарах, организуемых каждые два года. В этом году Школа-семинар им.Л.М.Скредниной пройдет в сентябре в г.Москве при МГПУ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. - М., 1992.
2. Реферовская Е.А. Философия лингвистики Гюстава Гийома. //Курс лекций по языкознанию. - М., 2007.
3. Скредина Л.М. Систематика предложения во французском языке. // Учебное пособие по теоретической грамматике французского языка. - Красноярск, 1990. - с. 5-76
4. Valette M. Eponciation et cognition: deux termes *in absentia* pour des notions omniprésentes dans l'oeuvre de Guillaume. // Le français moderne - Tome LXXI № 1, 2003, pp.6-25.

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

З.Р. Хачмафова

Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Изучение определенной национальной картины мира предполагает анализ языковой картины мира носителей определенного языка.

Необходимо отметить, что «когнитивная деятельность сознания индивида, формирующая когнитивную систему» выступает посредником между естественным языком и миром [Баранов 1993: 10]. Согласно А.Г. Баранову, именно функциональная прагматика естественного языка изучает познавательно-коммуникативные процессы в обществе с учетом «широкого социокультурного контекста» [Там же: 8].

В когнитивной системе индивида (ИКС) имеются две ступени: базисная и периферийная. Базисная ступень имеет 2 части: когнитивное ядро и уровень моделей. В когнитивное ядро входят абстрактные концептуальные построения, отражающие базисную информацию в виде структур типа универсального предметного кода. Это «алфавит» когнитивной деятельности индивида, из которого составляются когнитивные модели картины мира. Являясь инвариантами познавательной деятельности индивида, когнитивные модели отражают стереотипные жизненные ситуации разного рода. «Их можно представить, например, в виде фреймов – картин, сцен, сценариев» [Баранов 1988: 11]. Вторая ступень ИКС оперативная: она актуальна и индивидуальна.

Особого внимания требует выявление социокультурных факторов, влияющих на процесс формирования языковой ментальности, а, следовательно, и языковой картины мира. В процессе познания человеком окружающего мира ведущая роль принадлежит языку, так как он является центром когнитивной деятельности субъекта. С его помощью происходит обозначение элементов концептуальной картины мира. Между мыслью и словом находится чрезвычайно важный промежуточный этап – процесс номинации, который как бы «сшивает» воедино реальный мир и мир языка, формируя тем самым определенные отношения между предметом и выбранной для его обозначения языковой единицей.

Одной из важных особенностей языка признается его символическая сущность. Как каждый язык, так и каждая культура имеет в своем распоряжении специфический аппарат символов, свойственных тому или иному культурному обществу. Таким образом, в неразрывной связи находятся язык и мышление, язык и поведение, язык и культура. И не только язык и мышление, но и язык и культура становятся неразрывным целым. Тем самым язык превращается в средство передачи сведений об окружающем мире, приспособляемое или уже приспособленное говорящим к определенным коммуникативным целям.

С помощью языка человек отражает мир. Языковое представление мира можно рассматривать как языковое мышление, поскольку, во-первых, представление мира – это его осмысление, или интерпретация, а не простое «фотографирование», и, во-вторых, рассматриваемое представление, или отражение, носит языковой характер, то есть оно осуществляется в форме языка и существует в форме языка [Почепцов 1990: 111].

Язык – это не одномерное, одноплоскостная структура, а сложное, многоаспектное явление, подверженное одновременному воздействию целого комплекса, целой гаммы самых разнообразных (по своей природе, диапазону и времени действия, взаимной совместимости, постоянству проявления, последовательности, необходимости и достаточности и др.) факторов, манифестируемых в самых различных комбинациях [Маковский 1976: 40].

Языковая ментальность – это способ языкового представления, или деления мира, т.е. она включает соотношение между миром и его языковым представлением или образом [Почепцов 1990: 113].

Применительно к индивиду языковую ментальность формируют, во-первых, те его особенности, которые определяют его принадлежность к некоторой социокультурной группе, во-вторых, особенности, которые определяют его социокультурной средой.

Связь между социокультурными факторами и языковой ментальностью, а также с индивидом может быть различной на разных этапах его развития. На начальных этапах усвоения языка человек идет от языкового мышления к социокультурным стереотипам мировосприятия, поскольку с усвоением языка человек усваивает и языковую ментальность. В дальнейшем, т.е. после усвоения языка, связь обратная – социокультурные факторы определяют языковую ментальность [Почепцов 1990: 119].

Общественная природа языка, связь языка с мышлением и коммуникативная предназначенность как глобальная функция языка указывают на его несомненную психологичность, т.е. человечность. Понятие языковой личности развивает и углубляет психологическое и философское понятие личности.

В последнее время в философии, культурологии, лингвистике, лингвокультурологии намечалась тенденция к более полному изучению человека: его природы, внешности, внутреннего мира, менталитета и т.д. Узнать больше о картине мира индивида или определенного социума можно на основе изучения ее языкового оформления. Язык – не просто средство, коммуникация, передачи и выражения мысли, в языке оформляется концептуальный образ мира.

Поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры, и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. Человек – носитель определенной национальной ментальности и языка, он участвует в совместной (речевой) деятельности [Маслова 1991: 118].

В настоящее время сферами проявления деятельности человека в языке представляются: «1) формирование картины мира в языке и создание языкового инвентаря, 2) порождение речи, 3) роль человека в процессе коммуникации». При этом говорится о необходимости уделить особое внимание анализу трех основных этапов порождения речи: «довербального» этапа (формирование интенции говорящего); этапа выбора языковых средств, а также языковой реализации замысла (озвучивание) [Серебрянников 1988: 6].

Для современной науки интерес представляет не человек вообще, а человек в языке, т.е. личность, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к судьбе, миру вещей и себе подобным.

Ключевым для понимания современного направления лингвистических исследований можно считать познание человека через язык. Таким образом, главным для науки о языке становится активизация антропологического подхода к изучению языковой семантики, предполагающего учет человеческого фактора в лингвистике. При этом переход от лингвистики описательной и классификационной к лингвистике антропологической стал возможен также благодаря теории генеративизма Н.Хомского, в котором выделяли два существенных постулата. Первое: язык необходимо рассматривать как феномен менталитета и человеческой психики. Второе: в центре наблюдения помещается семантика.

Исходя из междисциплинарного характера межкультурных, лингводидактических, психолингвистических исследований особую значимость приобретает вопрос об изучении языковой личности.

В каждом национальном языке определено мировоззрение народа и его миропонимания, осознаваемое в контексте культурных традиций. При этом считается правомерным необходимым говорить не только о формировании языкового сознания личности. Все социальные изменения, в том числе касающиеся языка, находят преломление, прежде всего в языковой личности и влияют на процесс ее становления и развития.

Прежде всего, под «языковой личностью» понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности [Богин 1984: 1], т.е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения, но существу личность речевая. Под языковой личностью понимается также совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, т.е. личность коммуникативная [Сухих, Зеленская, Краснодар, 1997: 64].

Первое обращение к языковой личности связано с именем немецкого ученого И. Вейсгербера. В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В.В. Виноградов, который выработал два пути изучения

языковой личности – личность автора и личность персонажа. Понятие языковой личности начал разрабатывать Г.И. Богин, он создал модель языковой личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1994: 154]. Ввел же это понятие в широкий научный обиход Ю.Н. Караулов, который считает, что языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: а) степенью структурно – языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью.

Ю.Н. Караулов разработал уровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст. Языковая личность, по его мнению, имеет три структурных уровня. Первый уровень – вербально – семантический (семантико-строковой, инвариантный) отражающий степень владения обычным языком. Второй уровень – когнитивный, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры. И третий высший уровень – прагматический. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности. Следовательно, кодирование и декодирование информации происходит при взаимодействии трех уровней «коммуникативного пространства личности» – вербально-семантического, когнитивного и прагматического.

Концепция трехуровневого устройства языковой личности определенным образом корректирует с тремя типами коммуникативных потребностей – контактоустанавливающей, информационной и воздействующей, а также с тремя сторонами процесса общения – коммуникативной, интерактивной и перцептивной [Караулов 1997]. Уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Таким образом, языковая личность это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально – культурная специфика языковой личности, так и национально – культурная специфика самого общения.

В содержании языковой личности обычно включаются следующие компоненты:

1) *ценностный*, мировоззренческий, компонент воспитания, т.е. система ценностей, или жизненных смыслов. Язык обеспечивает

первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения;

2) *культурологический* компонент, т.е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечения речевое поведение, способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;

3) *личностный* компонент, т.е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке [Виноградов 1996].

Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в повседневных стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов.

Говоря о знаковой природе языковой личности, можно сказать, что семиотический процесс как деятельность по организации знаков осуществляется в актах, инициированных мыслящим существом во множестве других процессов. Навыки дискурса приобретаются языковой личностью в речевом общении и затем они используются для повседневной и литературной деятельности. Важно отметить, что элементы дискурсивной деятельности представляют единое целое, в котором универсальные концепты прикладываются к ситуации как средства выражения личности и ее устремлений [Знаковые системы... 1990:83].

Итак, языковая личность – социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей – из индивидуальных языковых особенностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов-на-Дону, 1993.
2. Баранов А.Г. Текст в функционально-прагматической парадигме. Краснодар, 1988.
3. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разнообразиям текстов. Л., 1994.
4. Виноградов В.В. Из истории слов. М., 1996.
5. Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Сб. науч.тр./ Отв.ред.И.В.Поляков. Новосибирск, 1990.

5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1997
6. Красных В.В. Языковая личность и ее компоненты. М., 1997
7. Маковский М. М. Соотношение индивидуальных и социальных факторов в языке // ВЯ, 1976. №1. С.40-42.
8. Маслова В.А. Связь мифа и языка // Фразеология в контексте культуры М., 1991.
9. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // ВЯ, 1990. – №6 – С. 111-121.
10. Серебрянников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988
11. Сухих С.А., Зеленская В.В. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализации. Краснодар, 1997.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ УМСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

О.А. Пепунова

Оренбургский государственный университет

Феномен человеческого интеллекта и его репрезентация в языке всегда вызывал большой интерес у исследователей, о чем говорит богатая традиция изучения языковых единиц, представляющих семантическое поле интеллекта. Различные аспекты изучения этого поля затрагиваются в исследованиях Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, А.А. Зализняка, В.И. Карасика, И.М. Кобзаревой, В.А. Масловой, С.Е. Никитиной, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахшиной, Е.В. Урысон и др., посвященных более широким проблемам, кроме того, определенная область рассматриваемого поля изучается в частных исследованиях О.Ю. Богуславской, И.В. Буринос, Е.В. Бусурной, Ю.В. Жевайкиной, А.В. Крюкова, Т.В. Леонтьевой, Н.М. Сергеевой, Е.А. Ярмаховой и др.

Интеллект в норме присутствует у каждого человека, хотя в разной степени: *гениальный ум* и *слабоумие*, *интеллект амёба* (*горилла*). Наличие у человека ума само по себе никак не оценивается, а его отсутствие воспринимается как отклонение от нормы: *глупость*, *идиотизм*, *безумие*.

А. Вежбицкая, изучая взаимосвязь частотности слов и культуры и сравнивая английские показатели (в корпусе американских английских текстов Кучеры и Франсиса (Kučera and Francis 1967) и Карролла (Carroll 1971)) с русскими (на 1 миллион слов), приводит следующие данные: слово "fool" появляется в корпусе К & F 43 раза, в С et al. – 21 раз; "stupid" – 25 и 9 раз, "stupidly" – 12 и 0,4 раза соответственно, "idiot" 14 раз появляется в К & F и 1 раз в С et al. В русском языке аналогичные слова

используются со следующей частотностью: «дурак» – 122 раза, «глупый» – 199, «глупо» – 134, слово «идиот» появляется 129 раз. «Из этих цифр вырисовывается четкое и ясное обобщение (относительно всего семейства слов), полностью согласующееся с общими положениями, выведенными независимым образом, на основе неколичественных данных; оно состоит в том, что русская культура поощряет «прямые», резкие, безоговорочные оценочные суждения, а англосаксонская культура – нет» [Вежбицкая 2001: 32].

Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривают концепт «интеллект» как ориентационную метафору, в которой сознание ориентировано вверх, а бессознательное состояние – вниз [Лакофф, Джонсон 2004: 36], а также как онтологическую метафору, или метафору МАШИНЫ, создающей представление о разуме как об устройстве, которое характеризуется фазами включения-выключения, эффективностью, производительной мощностью, в котором есть внутренний механизм, источник энергии, которому свойственны те или иные условия эксплуатации: *I'm a little rusty today. – Я сегодня медленнее соображаю* (букв. заржавел). Метафора ХРУПКОГО ОБЪЕКТА позволяет говорить о психологической силе человека: *His mind snapped. – Его рассудок сломался*. Хотя некоторая часть опыта, связанного с внутренним миром человека, может пониматься в терминах и той, и другой метафоры. *He broke down. – Он сломался* (ДУША – ЭТО МАШИНА). *He cracked up. – Он трюхнул* (букв. треснул) (РАЗУМ – ЭТО ХРУПКИЙ ОБЪЕКТ). Эти две метафоры высвечивают в опыте совсем не одно и то же. Когда машина ломается, она просто перестает работать. Когда разрушается хрупкий объект, его части разлетаются, возможно, с опасными последствиями. Таким образом, когда кто-нибудь сходит с ума и становится буйным или неистовым, уместно выражение *He cracked up*. Но когда кто-нибудь становится вялым и неспособным действовать по психологическим причинам, мы, скорее, скажем *He broke down* [Лакофф, Джонсон 2004: 53-54]. Во французском языке метафору МАШИНЫ представляют сочетания *avoir le cerveau fêlé* – «быть не в своем уме, свихнуться» (букв. иметь надтреснутый ум), *avoir le cerveau dérangé* – «свихнуться» (букв. иметь разум находящийся в беспорядке, расстроженный) и др.

Технический прогресс породил некоторые метафоры непонимания. Например, сленг *тармаз* 'человек, который плохо соображает и ведет себя чересчур медлительно', *тармазить*, *замармазить* – 'не понимать', *to get one's wires crossed* – 'неправильно понять, букв. перепутать провода'.

Для выражения идеи глупости часто используется анималистическая метафора: *куриные мозги*, *баран*, *осел*, *donkey* – 'осел', *goose* – 'гусь', *baudet* – 'осел', *bécasse* – 'вальдашней', *une cervelle d'oiseau* – 'куриные мозги', *s'abrutir* – 'отупеть' (от *brute* – зверь, скот) и метафора растения: *пень*, *лопух*, *тыква*, *poire* – 'груша' и др.

Язык фиксирует коллективные стереотипные и эталонные представления о человеке, так, например, одним из самых колоритных и популярных персонажей русских сказок является дурак. Образ всецело безумца или глупца пользуется всемирным распространением, хотя для английского фольклора типично представление глупости и как коллективного качества, в частности, город Готэм часто фигурирует в рассказах о безумцах и глупцах.

В.И. Карасик выделяет следующие типы дураков: 1) патологический дурак, тупица, который не способен понимать то, что должны понимать все; 2) психованный дурак, который не контролирует себя и опасен окружающим; 3) человек, который дурачится себе на потеху, шут, который вполне состоятелен в интеллектуальном отношении; 4) дурак как жертва обмана, которого легко провести; 5) дурак как чудака, человек со странностями [Карасик 2004: 56]. По результатам проведенных экспериментов, В.И. Карасик заключает, что по сравнению с русским языком в английском языке почти в два раза больше слов, обозначающих интеллектуальную несостоятельность и основным направлением пейоративизации является подчеркивание того, что объект отрицательной оценки – это чужой и глупый человек. Кроме того, он отмечает, что «в уголовном русском жаргоне процентное соотношение этических инвектив и слов, обозначающих внешнюю и внутреннюю несостоятельность человека, совпадает с соответствующим соотношением в английском языке (большое количество слов со значением «болван», «дурак» в уголовном жаргоне объясняется тем, что в этот класс попадают объекты преступлений)» [Карасик 2004: 171].

Расматривая концепт «дурак» как один из ключевых концептов русской культуры, В.А. Маслова утверждает, «что с его помощью выделяют не столько определенную группу людей, обладающих рядом характерных признаков, сколько квалифицируют поведение любого человека в случае нарушения им различных социальных стереотипов» [Маслова 2004: 154]. В то же время в произведениях русских писателей («Идиот» Ф. Достоевского, «Ошк» А. Платонова, «Дурочка» И. Бунина, «Чудик» В. Шукшина и др.) образ дурака символизирует потерянную человеческую суть – безграничное доверие к миру и другим людям, святую неспособность к Злу. По мнению исследователя, в современной культуре в один разряд с дураком попали юродивые, которые в интерпретации современных словарей имеют сходные значения [Маслова 2004: 161-162].

В.А. Плугин и Е.В. Рахилина в статье ««Безумие» как лексикографическая проблема (к анализу прилагательных безумный и сумасшедший)» говорят о двух различных образах потерявшего разум человека и, следовательно, выделяют два концепта: *безумный* и *сумасшедший*. Авторы утверждают, что кроме общего компонента в их значении «утраченный способность нормально мыслить», данные

концепты имеют дифференциальные семемы, «которые притом всего определить как различные следствия утраты разума, точнее, те особенности, которые говорящие в каждом случае связывают с этой утратой» [Плугин, Рахилина 1993: 120-121].

Л.М. Васильев [Васильев 2000] приводит предикаты умственного состояния в одном ряду с предикатами настроения, волнения, стыда и т.д., то есть с языковыми единицами, обозначающими чувства. Действительно, умственная деятельность есть часть психической деятельности человека, однако данная категоризация относит чувства и разум к разным категориям. При этом, разумеется, какие-то объекты могут относиться к более, чем одной категории. Например, Л.М. Васильев относит описание к физиологическим состояниям, однако такие предикаты умственного состояния в русском языке, как *обезуметь*, *опазуметь*, *одуреть*, *ошалеть*, *помрачиться*, *запутаться*, *опамятоваться*, *проясниться* вполне могут относиться к субъекту, находящемуся под влиянием алкогольного опьянения; поэтому опьянение так же можно отнести к состояниям ума. Аналогичным образом можно полагать, что предикаты некоторых психических состояний, например удивления, пересекаются с предикатами умственного состояния; *быть ошарашенным* (*ошорошенным*, *растерянным*, *озадаченным* и т.д.), безусловно, означает определенное состояние ума, ведь состояние стресса так же влияет на эффективность мыслительной деятельности, как опьянение, сумасшествие или природная дурость.

Т.В. Леонтьева на примере русского языка распределяет лексический материал по моделям номинации, принадлежащим определенному предметно-тематическому коду. Она выделяет речевой физиологический, социальный, антропологический, зоологический и ботанический, природно-метеорологический, мифологический, пространственный, предметный, кулинарно-гастрономический, технический, геометрический и цветовой коды и уверяет, что «набор кодов, специфичный для каждой формы существования русского языка, способен дать самую общую информацию о языковой картине мира его носителя» и выделяет ключевые образы традиционной русской культуры, такие как дом, дорога, труд, речь человека, продукты и приготовление пищи, в особенности стряпня, выпечка [Леонтьева 2003: 18]. Интеллектуальная неполноценность в ее исследовании предстает как лишение, обедненность; отсутствие содержания; наличие негодного или смешанного содержания; вообще хаос, неясность, неустойчивость [Леонтьева 2003: 22].

Согласно утверждению Е.В. Бусуринной, в традиционной русской культуре формируется три модели ментального представления образа «дурака»: 1) мифологическая модель: «дурак – добрый, нравственный человек, который награждается удачей и счастьем», эта модель связана с

отпечаток на его внешность или связываются с определенными внешними проявлениями [Богуславская 2006: 486].

Большинство единиц рассматриваемого семантического поля – типичные представители частнооценочных слов, то есть слов, в структуру значения которых оценочное значение входит наряду с дескриптивным. Оценка, встроившаяся в значение, может относиться как к обозначаемому словом свойству самому по себе, так и к одному из участников ситуации, в первую очередь, к субъекту или объекту.

По утверждению О.Ю. Богуславской, оценка субъекта свойства коррелирует с оценкой свойства, но не буквально ее повторяет. Например, если прилагательное *глупый* указывает на оценку только свойства самого по себе, то *тупой* наряду с оценкой свойства указывает и на оценку субъекта свойства. Такая характеристика указывает на отрицательное отношение говорящего к субъекту свойства. Это слово семантически более богато, чем *глупый*. *Тупой* отличается от *глупый* не только большей интенсивностью свойства, что отмечается во многих словарях, но и указанием на неповоротливость, инерционность ума, неспособность свернуть с раз выбранного пути, даже если изменились обстоятельства, на отсутствие чуткости и неумение уловить нюансы человеческих отношений. Кроме того, данная характеристика несовместима с какими-либо положительными свойствами. Так, вполне допустимо сочетание *глупый, но добрый*, но сомнительно *тупой, но добрый*.

Прилагательное *неумный* указывает на ограниченность субъекта, на отсутствие у него творческих способностей. При этом подразумевается, что субъект претендует на то, чтобы считаться умным [Богуславская 2006, 493-494]. «Прилагательное *тупой* указывает на медлительность субъекта, слабую и замедленную реакцию на внешние раздражители. Сложное *тупой* не поймет вовсе, но и самые простые, доступные его пониманию вещи дойдут до него не сразу. Прилагательное *бесталковый*, напротив, указывает на суетливость и связывается в большинстве случаев с излишней подвижностью, непоседливостью. *Бесталковый* плохо понимает ситуацию, но реагирует быстро, хотя и неправильным, нецелесообразным образом» [Богуславская 2006: 511].

Основное прилагательное отрицательного полюса шкалы интеллектуальных способностей человека, а именно слово *глупый*, неоднозначно с точки зрения оценки. В основном режиме употреблений *глупый* указывает на отрицательную оценку свойства, поэтому прилагательное *глупый* может использоваться для того, чтобы оскорбить собеседника в том числе и тогда, когда нет оснований сомневаться в его умственных способностях. Хотя данное прилагательное имеет два особых режима употребления, которые не предполагают отрицательной оценки свойства: умение разбираться в человеческих отношениях, правильно оценивать людей и их отношение к себе, а также контекст, в котором на первый план выходит молодость и неопытность субъекта, недостаток у него знаний и навыков, а не ограниченность умственных способностей в

собственном смысле слова. В этом режиме употребления слово *глупый* облекается с прилагательным *несимпатичный*, которое не содержит отрицательной оценки [Богуславская 2006: 495-496].

Е.Э. Бабаева, изучая семантическую структуру слова *простой* в русском языке, выделяет по данным словарей современного русского языка такие значения, как 'недалеккий по уму, глупый', 'недалеккий, наивный', которые являются характерными для разговорной речи [Бабаева 2006: 774] и заключает, что в данном значении прилагательное характеризует человека, который своим поведением демонстрирует недостаточность ума, образования, опыта. «Представление о примитивности личности человека выступает на первый план в контекстах, содержащих указание на эталон; ср. *простой как грабли (карандаш, три копейки)*» [Бабаева 2006: 841].

«Люди свойственно считать свое собственное поведение нормой, точкой отсчета, по отношению к которой устанавливаются приемлемые и неприемлемые отклонения от нормы. Первое, что приходит в голову при столкновении с человеком, чей стиль поведения резко отличается от моего собственного, чьи ценности лишены целесообразного (с моей точки зрения) объяснения, – это сомнение в интеллектуальной состоятельности этого человека. Чужак воспринимается как разнородность обширного сообщества дураков. В психологии интеллектуальная несостоятельность может быть объективно измерена как недоразвитость либо патологическое развитие интеллекта. В обыденном сознании дураками считаются и дебил, оставшийся во взрослом возрасте на уровне пятилетнего ребенка, и шизофреник, перешедший границу допустимого отклонения от нормы, свойственного гениям. Для обыденного сознания важно то, как человек себя ведет» [Карасик, Ярмокова 2006: 111].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабаева Е.Э. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке. – Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006, 761-844.
2. Богуславская О.Ю. Интеллектуальные способности и деятельность человека в зеркале прилагательных. – Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006, 471-512.
3. Буеурина Е.В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира. – Автореферат кандидатской диссертации. СПб: Издательство СПбГУ, 2004. – 22с.
4. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка (предикативная лексика), вып. 1, Уфа 2000.
5. Вежницкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т. 1. А-З. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель», 2004. – XXVI, 1155 с.

7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: ГНОЗИС, 2004. – 390 с.
8. Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чужаки». – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
9. Крюков А.В. Концептуализация интеллектуальных характеристик человека (на материале русского и английского языков). – Автореферат кандидатской диссертации. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2005 – 24с.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256с.
11. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка. – Автореферат кандидатской диссертации. Екатеринбург: Издательство УрГПУ, 2003 – 23с.
12. Лихачев Д.С. Заметки о русском. – М.: Советская Россия, 1984. – 62 с.
13. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – М.: ТетраСистемс, 2004 – 256с.
14. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь современного русского языка. – М. «Азбуковник», 2000. – 640 с.
15. Шунгина В.А., Рахилина Е.В. «Безумие» как лексикографическая проблема (к анализу прилагательных безумный и сумасшедший) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. – С. 120-126.
16. Шириков В.Б. Концепт «отсутствие» в библейских текстах // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы. / Под общ. ред. К.Р.Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С.280-281. [http://www.lewstn.com/religy/13feb2006/gottesnarr.html]
17. НСРЯ Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Автор Т.Ф.Ефремова. Печатное издание М.: «Русский язык», 2000.

**Секция 7. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ
БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА**

**САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

Е.И. Павленко
Томский государственный университет

После Второй мировой войны ЮНЕСКО и ООН объявили о новой культурной и образовательной политике, основанной на общечеловеческих ценностях. На сегодняшний день без учета принципов поликультурности

(принцип равенства культур; принцип толерантности; принцип диалога и т.д.) невозможно решить главную задачу средней и высшей школы – подготовку обучаемых к межкультурной коммуникации и диалогу культур.

На базе поликультурного направления появилось много работ, связанных с проблемой самоидентичности, как основного признака многообразия. Ученые рассматривают различные виды идентичности: культурную, национальную, религиозную, профессиональную, этническую, социальную, возрастную, половую, жизненную и др. С развитием информационных технологий и технических средств современный человек подвержен влиянию многих культур и фактически самоопределяется на пересечении различных культур. Кроме того, самоидентичность человека неоднократно меняется на протяжении всей жизни. Такое самоопределение можно назвать *мультидентичностью* человека. Дмитриев Г.Д. отмечает: «Человек со множеством идентичностей легче адаптируется в обществе, лучше понимает людей из разных культурных групп, не спешит с выводами и оценками в отношении окружающих, более толерантен к культурным различиям, проявляет большую готовность узнать о другой культуре и ее носителях, гибок и дипломатичен в отношении с окружающими людьми и не относится к ним предвзято» (Г.Д. Дмитриев, 1999: 15). Таким образом, успех диалога между представителями различных культур будет во многом зависеть от культурной позиции и самоопределения его участников.

Понятие «самоопределение» встречается в работах психологов, педагогов, социологов. С точки зрения психологии, самоопределение – это отношение (деятельность) к окружающим объектам и субъектам. Этот феномен возникает только в соитуме, при различии субъектов и/или объектов деятельности. Педагоги и социологи в зависимости от сферы деятельности оперируют такими терминами как жизненное самоопределение (Журавлев В.И., Лебедева В.Л., Сафин В.Ф., др.), социальное самоопределение (Вутан М., др.), профессиональное самоопределение (Кухарчук А.М., Цинцлер А.Б., др.), расовое самоопределение (Соловьева Н.Н., Сысоев П.В., др.) и т.д. В данной статье мы подробнее остановимся на культурном самоопределении.

Взаимосвязь языка и культуры волнует умы ученых с первой половины XX века, когда Э.Сепир и Б.Уорф выдвинули гипотезу о связи языка и культуры. Они предположили, что язык непосредственно влияет на культуру, считая, что люди, говорящие на различных языках, по-разному воспринимают мир. «Миры, которых живут различные сообщества, – отдельные миры, а не один мир, использующий разные языки» (Суверанская А.В., 1973: 23). Сегодня исследователи больше говорят о двусторонней связи языка и культуры. В связи с этим, на сегодняшний день существует большое количество работ, посвященных соизучению языка и культуры (Бим И.Л., Миролюбов А.А., Гальскова

Н.Д., Леситьев А.А., Пассов Е.И., Сафонова В.В., Тер-Минасова С.Г., Томахин Г.Д. и др.).

Так как формирование самоидентичности является одним из важнейших компонентов подготовки личности к межкультурному общению и диалогу культур, то культурное самоопределение можно определить как одно из направлений социокультурного подхода. Сысоев П.В. предлагает рассматривать культурное самоопределение с позиций двух компонентов: социокультурного и социального. «С позиции социальной компетенции, культурное самоопределение показывает то, как сам себя идентифицирует человек и к какому групповому образованию себя причисляет в определенной ситуации. <...> С позиции же социокультурной компетенции культурное самоопределение показывает то, как в конкретной ситуации человек воспринимается другими» (П.В. Сысоев, 1999: 70). То есть, целью учащихся в любой ситуации определить место собеседника в поликультурном иноязычном обществе и выбрать адекватные стили, пути и стратегии общения, а на занятиях по иностранным языкам необходимо осветить весь спектр культур поликультурного общества.

Таким образом, самоопределение в разнообразии культур является важным компонентом гуманитарного образования и подготовки учащихся к межкультурной коммуникации и диалогу культур. Поэтому мы определяем его как отдельное направление социокультурного подхода. Задачи этого направления обеспечить учащихся знаниями о многообразии культур в поликультурном обществе, когнитивное осмысление собственного и культурного самоопределения участников межкультурного общения и изменение собственного культурного самоопределение учащихся в ходе диалога культур.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1999. – 208 с.
2. Суцарская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973. – 366 с.
3. Сысоев П.В. Феномен американской ментальности // Иностранные языки в школе. – 1999. - №5. – С. 68-73.

Оглавление

СЕКЦИЯ 1

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

А.А. Боровская Политические послания и послания-инвективы в лирике В. Маяковского.....	3
Т.И. Магомедова Юридический дискурс: сущность и структура.....	8
А.А. Пункин Примат диалогического дискурса над монологическим в исследовании авторитарного речевого поведения.....	12
К.И. Птагелко Fundamentals of the content-analysis from the linguistic viewpoint.....	15
Н.С. Фелотова Обозначение последствий невыполнения обязательств в англоязычном деловом дискурсе (на примере текстов гарантии).....	18
М.Б. Яскевич Простые двусоставные нераспространённые предложения как средство стилистической организации художественного текста (на материале русской и англоязычной художественной прозы).....	24
СЕКЦИЯ 2	
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
И.В. Богомолова Молодежный жаргон французов в современном литературном тексте	29
Т.М. Власова Взгляд как важнейшее кинесическое средство общения.....	32
С.С. Джуманова Понятие "социолект" в истории лингвистики XX века.....	38
Т.В. Жеребило Информационное пространство современного языкознания.....	44
И.М. Магомедова Коррелятивное описание гендерно – детерминированной лексики русского и лезгинского языков.....	58
Л.А. Медникова Семантическая грамматикализация исключаемых имен.....	62
Н.М. Мосина Глубинные падежи в системе эрзя-мордовского языка.....	68
Е.В. Шведова Понятие коммуникативной стратегии и тактики в современных лингвистических исследованиях.....	73

СЕКЦИЯ 3	
ЯЗЫК КАК ОДНА ИЗ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА	
В.Н. Васильченко	
"Тило його... возложиша на сани": (Этнокультурный фон украинской обрядной фразеологии).....	80
Д.Г. Гайдарова	
Специфика концепта «гнев» в русской и лезгинской паремологии....	84
А.М. Кошкина	
Психолого-педагогические условия обеспечения качества языковой подготовки студентов естественнонаучного профиля.....	87
А.М. Туреханова	
Историческая память немецкого термина «eisen» / «железо».....	90
О.С. Федотова	
Интроспекция как часть «потока сознания».....	95
Э.Б. Хабизова	
К вопросу об эталонах сравнения в идиоматике.....	98
А.Г. Хорошавина	
Эвфемизация как прагматическая функция русских сложных фразеологизированных конструкций с семантикой аргументированного несогласия.....	101
СЕКЦИЯ 4	
ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	
А.В. Гутарова	
Немецкие аналитические глагольно-именные конструкции с именным компонентом с семантикой «положительные эмоции» и их перевод на русский язык.....	106
А.А. Мухамалиева	
Обучение работе с научно-технической литературой студентов неязыковых специальностей.....	109
СЕКЦИЯ 5	
ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	
Ю.И. Бокатина	
Роль метода проектов в формировании индивидуальных образовательных траекторий школьников в процессе обучения русскому языку.....	112
Р.П. Кайшева	
Единый государственный экзамен (егэ) как рычаг скрытого управления профессионально-ориентированной деятельностью учителя «иностранных языков».....	116

А.С. Кобышева	
Интерактивный метод в обучении иноязычной письменной речи как компоненту межкультурной компетенции.....	123
СЕКЦИЯ 6	
ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА	
Л.И. Ахметсагирова	
Языковая картина мира в зеркале фразеологизмов военного происхождения.....	127
О.В. Пермякова	
Женская литература как культурный феномен.....	131
Р.И. Сутаева	
Анализ концептвита «время суток» в аварском языке в сопоставлении с русским.....	140
Т.А. Ткачева	
Психосистематика Гюстава Гийома и современная лингвистика.....	145
З.Р. Хачмафова	
Языковая реализация индивидуальной картины мира.....	148
О.А. Цепунова	
Семантическое поле умственного состояния в современных лингвистических исследованиях.....	154
СЕКЦИЯ 7	
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА	
Е.И. Павлюк	
Самоопределение личности при обучении иностранным языкам.....	162

Уважаемые коллеги!

Центр научно-технического перевода и методической деятельности «Вавилон» приглашает Вас принять участие в конференциях и в издании сборников научных трудов по филологии, запланированных на 2009/2010 год:

Название	Сроки проведения	Срок подачи материалов
1. Основные вопросы лингвистики и лингводидактики (сборник научных трудов по филологии)	ноябрь 2009	до 15 октября 2009
2. Язык и межкультурная коммуникация (международная научно-практическая конференция) Основные направления и вопросы конференции: > Вопросы взаимовлияния языков и культур; > Актуальные проблемы современного языкознания; > Языковые и межкультурные трансформации в современном литературоведении; > Гендерные аспекты в области языкознания; > Переводоведение – теория и практика; > Межкультурная коммуникация: региональный аспект; > Основные проблемы речевых языковой картины мира; > Язык и культуру речи; и др.	февраль 2010	до 15 января 2010
3. Основные вопросы лингвистики и лингводидактики (сборник научных трудов по филологии)	апрель 2010	до 15 марта 2010
4. Основные вопросы современного языкознания (всероссийская очная научно-практическая конференция) Основные направления конференции: • Лингвистика текста и речевого дискурса; • Лингвистические проблемы в контексте межкультурной коммуникации; • Язык как одна из когнитивных способностей человека; • Теория коммуникации и переводоведение; • Инновационные технологии и	сентябрь 2010	до 1 июня 2010

инновационные методы обучения иностранным языкам; • Проблемы лингвокачества и этнолингвистики; • Языковая картина мира; • Международное сотрудничество в рамках Болонского процесса		

Требования к оформлению статей:

Требования к оформлению материалов конференций: Microsoft Word, формат страницы А4, поля – 25 мм со всех сторон, шрифт – Times New Roman, размер (кель) – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, выравнивание по ширине, ориентация – книжная, **без постраничных ссылок**, без переносов, **без постраничных ссылок**.

Пример оформления статьи:

ПЕРЕВОД КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ОБМЕНА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ
(ШРИФТ 14, ИНТЕРВАЛ 1,5)

И.И. Иванов
Астраханский государственный университет
(шрифт 14, интервал 1,5)

Текст текст текст

1. **ЛИТЕРАТУРА:** (отступ 1,25)

2.

Объем предоставляемых статей - от 5 страниц включительно. **Стоимость 1 страницы** - 150 рублей.

Материалы высылаются по e-mail: vavilon-asu@yandex.ru, или по почте: 414000, г. Астрахань, пл. Шаумяна 1а, ауд. 104, кафедра английского языка и технического перевода ЕИ и ФМИ. Телефон для справок: 8-(8512)-61-09-72

Оплата публикации производится **после включения статьи в сборник. Реквизиты для оплаты высылаются вместе с подтверждением о принятии статьи к публикации.**

Благодарим за проявленный интерес!!!

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Сборник статей V Международной очной
научно-практической конференции

11 – 13 СЕНТЯБРЯ 2009 г.

Редакция авторская

Подписано в печать 29.07.09. Формат 60x90/16
Усл. печ. л. 10,5. Тираж 100 экз. Заказ 11618.
Отпечатано: Астраханская цифровая типография
414040, г. Астрахань, пл. К. Маркса, 33, тел.: (8512) 54-63-95